

«Заумное жонглерство»:

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
ДАНИИЛА ХАРМСА** С. 36

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ РУССКИЕ»»

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ТЕМА «РУССКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА» стала чуть ли не «обязательным номером» предвыборной борьбы в целом ряде западных стран. Началось с Америки, где эта тема раздута до полномасштабного расследования: а не было ли «сговора» нынешнего президента, Дональда Трампа, с Москвой, не она ли «провела» его в Белый дом? Модель, при которой в поражении одних политических сил якобы «виноваты русские», оказалась легко употребляемой, не требует особых навыков, тем более трудоемкого сбора доказательств. «Русское вмешательство» становится на наших глазах как бы самоочевидной истиной в контексте внутренней политики западных стран.

Задним числом вскрылось «страшное»: итоги референдума в Британии о выходе страны из ЕС тоже, оказывается, стали результатом манипуляций русских в британских соцсетях. Такое обвинение (хотя в завуалированной форме) прозвучало, по сути, из уст британского премьера. Масс-медиа его растиражировали. Но потом забыли так же широко растиражировать опровержение на сей счет соответствующих интернет-корпораций, например Twitter. Карту «русского вмешательства» пытались разыграть на французских президентских выборах, на парламентских выборах в ФРГ, во время острой борьбы вокруг попыток испанской Каталонии выйти из состава Королевства Испания. Последний пример – президентские выборы в Чехии, где во втором туре Милоша Земана обвинили в том, что он чуть ли не подкуплен Кремлем, вытащив из архивов компромата историю почти 20-летней давности, посвежее не нашлось.

Надо быть готовыми к тому, что подобная демонизация России в ближайшее время сохранится, а то и возрастет. Уж слишком удобен оказался жупел о «русском вмешательстве» для многих западных политиков. Как следствие

это станет – и тоже по примеру «старших американских товарищей» – поводом для прессинга на российские СМИ, а также на российские гуманитарные некоммерческие организации. Нужно быть готовыми к тому, что, скажем, какие-нибудь курсы русского языка, финансируемые по линии Россотрудничества, попытаются представить «шпионскими гнездами», готовящими высадку в той или иной стране «вежливых людей», посланных из Москвы. Нужно быть готовыми к тому, что подобные обвинения будут звучать и против фонда «Русский мир», его подразделений и грантополучателей. Что в связи с этим делать? Делать то, что должно, и будь что будет. Эту фразу любил повторять Лев Толстой. А первым ее, говорят, произнес древнеримский император Марк Аврелий. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ИНТЕРВЬЮ

06 Страсти вокруг эволюции

12 Поклонная гора ГУЛАГа

ИСТОРИЯ

18 О бедном поручике замолвим мы слово...

28 Устроитель Москвы

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

32 Жизнь за кулисами

НАСЛЕДИЕ

36 Воздушная свобода

44 Русский дневник Льюиса Кэрролла

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

50 Ракетных дел мастер

КУЛЬТУРА

56 Будни Академии художеств

64 Веселые картинки

МУЗЕИ

70 Дом на углу

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

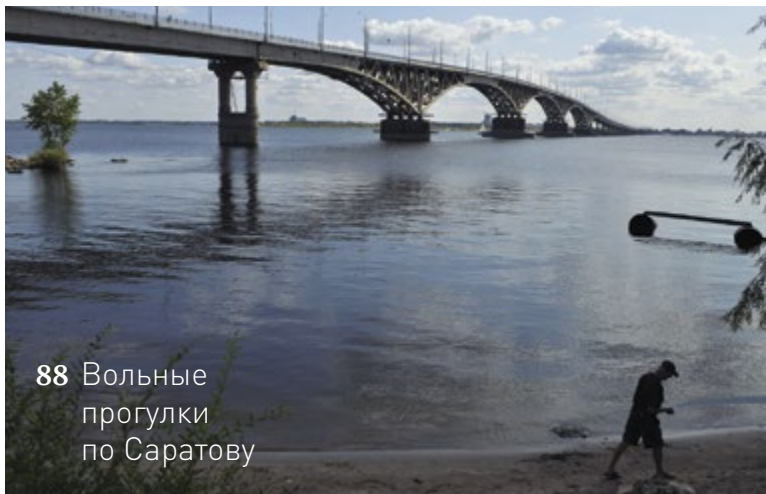
78 Подвижник
из Шанхая

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

84 Общепит
за один рубль

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Вольные
прогулки
по Саратову

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Андрей СЕМАШКО
Галина УЛЬЯНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

СТРАСТИ ВОКРУГ ЭВОЛЮЦИИ

БЕСЕДОВАЛ

**ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАНОВ**

ФОТО

**АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

РЕВОЛЮЦИЯ В БИОЛОГИИ, РАЗДЕЛИВШАЯ ОБЩЕСТВО НА ЭВОЛЮЦИОНИСТОВ И КРЕАЦИОНИСТОВ, ПРОИЗОШЛА В 1859 ГОДУ. ТОГДА В СВЕТ ВЫШЛА ЗНАМЕНИТАЯ КНИГА АНГЛИЙСКОГО НАТУРАЛИСТА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ ПУТЕМ ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА, ИЛИ СОХРАНЕНИЕ БЛАГОПРИЯТСТВУЕМЫХ ПОРОД В БОРЬБЕ ЗА ЖИЗНЬ».

3 А ПОЛТОРА ВЕКА ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ претерпела колоссальные изменения, вобрала в себя генетику, палеонтологию и палеоантропологию. Но страсти вокруг теории не утихают. Научный и особенно околонаучный мир по-прежнему разделен на два лагеря: сторонников синтетической теории эволюции (СТЭ – в нее переросла «классическая» теория Дарвина. – Прим. авт.) и так называемых теистических эволюционистов. И накал борьбы между ними не утихает. В чем же дело? Что представляет собой сегодня современная теория эволюции? Чем отвечает на вызовы? Об этом журналу «Русский мир.ru» рассказывает заведующий кафедрой эволюционной биологии биофака МГУ доктор биологических наук Александр Владимирович Марков.

– Александр Владимирович, Дарвин создал свое учение об эволюции тогда, когда эволюционистские идеи буквально носились в воздухе...

– Одну из первых теорий эволюции создал в начале XIX века французский ученый Жан-Батист Ламарк. Движущую силу эволюции он видел в якобы присущем всему живому «стремлении к совершенству». А механизмом эволюции считал наследование приобретенных признаков: если животное будет все время тянуться, приседая на задние ноги, то со временем шея у него станет длиннее, а задние ноги – короче. Так, по Ламарку, произошел жираф.

Дарвин пришел к идее эволюции не сразу. Поначалу он был религиозным молодым человеком

и во время учебы в Колледже Христа Кембриджского университета довольствовался «Естественной теологией» Уильяма Пэйли. Только во время кругосветного путешествия на корабле «Бигль» в 30-х годах XIX века Дарвина начали посещать сомнения. Во-первых, он видел окаменелости древнего броненосца, и чутье натуралиста подсказало ему, что он имеет дело с древним, вымершим видом, а не с чудовищем, утонувшим во время Всемирного потопа. Во-вторых, его потрясла вспышка видообразования на Галапагосах, где на каждом острове обитал свой вид маленьких птичек – вьюрков, которые были, несомненно, родственны и друг другу, и вьюркам Южной Америки, но все же в чем-то явно отличались. Тем не менее, вернувшись в Англию, он вовсе не сразу взялся за книгу о происхождении видов. Дарвин вообще был очень осторожный человек. На протяжении ряда лет он наблюдал, как выводят различные породы скота и собак английские землевладельцы. Какие признаки наследуются, как происходит отбор – в данном случае искусственный, потому что породу создает человек. И, только убедившись в том, что его мысли совпадают с практикой искусственного отбора, он приступает к своей знаменитой книге «Происхождение видов путем естественного отбора...». Слово «отбор» – selection – было на слуху, оно было понятно потенциальным читателям: собственно, утверждал Дарвин, в природе происходит то же, что вы, читатели, делаете у себя в голубятнях, на псарнях и скотных дворах. Только это не искусственный, а естественный отбор. А движущими причинами его являются четыре принципа. Первый – борьба за существование: она происходит оттого, что каждый организм производит больше потомков, чем способно выжить. Второй – изменчивость: Дарвин еще не знал о генетике и не мог точно сформулировать причины и законы изменчивости, но он знал, что даже близкородственные животные все же немножко разные. Третий – выживание и избирательное размножение наиболее приспособленных – собственно естественный отбор. И, наконец, четвертая основа эволюции – это наследственность, благодаря которой свойства, обеспечившие данной особи победу в борьбе, передаются ее потомству.

– Насколько мне известно, Дарвин все же допустил одну ошибку: он читал статью Грегора Менделя, в которой изложены принципы генетики, но, как говорится, не придал ей большого значения.

– Последние данные говорят, что Менделя Дарвин все-таки не читал. Но в любом случае, не он один прошел мимо работы скромного австрийского монаха. Но когда законы генетики, уже в рамках «большой науки», были переоткрыты и, более того, выяснилась генетическая природа мутаций, это спровоцировало кризис дарвинизма в начале XX века. Зачем это дарвиновское медленное накопление небольших изменений, если мутации меняют облик живых существ мгновенно, в одно поколение? Понадобилось серьезное взросление генетики как науки, чтобы признать, что она только подтверждает теорию Дарвина. Учение об эволюции в 30-е годы XX века было поставлено на прочный генетический фундамент. Мутации в природе – дело обычное. Но почему одни мутанты постепенно исчезают, а другие, напротив, множатся от поколения к поколению? Да потому, что все они, согласно эволюционной теории, подвержены естественному отбору. Эти идеи нашли свое выражение в книге Рональда Фишера «Генетическая теория естественного отбора», вышедшей в 1930 году. Она стала одним из краеугольных камней синтетической теории эволюции в том виде, в котором она сформировалась к середине XX века. Сейчас это уже фактически музейный экспонат. А «теорией Дарвина» продолжают называть современную

теорию эволюции только креационисты и религиозные фундаменталисты...

В 1960-е годы произошел важный научный прорыв. Была наконец расшифрована структура ДНК, стало понятно, как ДНК размножается – реплицируется, как наследственная информация считывается с нее и каким образом строение белков закодировано в генах. Наконец, был расшифрован генетический код. Это великая революция была, конечно, в биологии, которая одновременно являлась серьезной проверкой дарвиновской теории – теории эволюции. Потому что, когда Уотсон и Крик расшифровали структуру ДНК, в которой записана вся информация об организме, то самое красивое и сенсационное в этом открытии было как раз то, что молекула ДНК оказалась устроена таким образом, каким она должна была быть устроена в том случае, если Дарвин прав. То есть в самой структуре ДНК заложена способность к репликации этой молекулы и к возникновению мутаций, то есть к наследственной изменчивости. Иначе говоря, жизнь, основанная на такой молекуле наследственности, как ДНК, просто не может не эволюционировать «по Дарвину». Креационисты иногда любят говорить, что теория эволюции якобы неопровергаема и непроверяема. На самом деле это совершенно не так, ибо

эта теория многократно подвергалась проверке. В частности, в момент расшифровки ДНК. Это была одна из таких проверок.

– В начале XIX века английский геолог Родерик Мурчисон открыл «кембрийский взрыв»: в кембрийских осадочных породах древнего моря, плескавшегося над Англией 540 миллионов лет назад, он обнаружил многочисленные остатки древнего животного мира. Ниже, то есть раньше кембрия – ничего, пустота. Мурчисон решил, что кембрий и был временем, когда Господь сотворил жизнь на Земле. И это казалось неоспоримым. Сэм Дарвин был озадачен: если жизнь развивалась постепенно естественным путем, то ископаемые остатки жизни должны обнаружиться и в докембрийских слоях; а если их там нет – что-то глубоко неверно во всей его теории... А что современная наука думает по этому поводу?

– Тогда в докембрийских слоях еще не умели обнаружить жизнь. Более того, на Земле не так уж много мест, где эти слои выходят на поверхность и с ними можно свободно работать, чтобы искать отпечатки ископаемой фауны. Сейчас установлено, что в позднем докембрии была весьма богатая жизнь. Причем когда креационисты говорят, что в палеонтологической летописи не хватает пере-

ходных форм, они кривят душой: и кембрийская, и докембрийская жизнь – это сплошь переходные формы к тем отрядам животных, их родам и видам, которые существуют сейчас. Есть и гораздо более древние находки – но все это в основном бактерии. Недавно вышла статья, в которой написано, что древнейшие химические остатки жизни обнаружены в Гренландии в слоях, возраст которых – 3,8 миллиарда лет.

– А возраст Земли?

– Четыре с половиной миллиарда лет...

– Получается, и миллиарда лет не прошло – а на Земле уже появилась жизнь?

– Может быть, она появилась и раньше. Может быть, она попала к нам из космоса, но об этом мы пока ничего не знаем наверняка. 4,2–3,9 миллиарда лет назад был период нестабильности в Солнечной системе, и была так называемая поздняя тяжелая бомбардировка, когда на Землю, на Марс, на Венеру, на Луну в больших количествах падали астероиды. Эта бомбардировка переплавляла большую часть древней земной литосферы – коры, вместе со следами жизни, которые там могли быть. А как только бомбардировка кончилась и начали появляться осадочные породы

древних морей, то в этих породах уже есть следы жизни. Что касается «переходных звеньев», между самыми первыми, примитивными формами жизни и знакомыми нам бактериальными клетками, то все они благополучно вымерли, не оставив после себя прямых потомков, за исключением одного-единственного – так называемого «последнего универсального общего предка» всех современных живых существ. Специалисты называют его «Лука» (Last Universal Common Ancestor, LUCA). Лука был уже довольно сложным организмом, напоминающим бактерию. Хотя мне ближе мысль, что Лука был не одним видом бактерий, а полиморфным микробным сообществом.

– А как обстоит дело с человеком? Ведь Дарвин никогда не говорил, что человек произошел от обезьяны. Но сейчас вокруг этого вопроса бушуют жаркие споры. Креационисты умело используют эти настроения, чтобы утверждать, что никаких оснований говорить об общем предке нет...

– Давайте не говорить больше о креационизме. Это лженаука. Как говорил американский ученый русско-польского происхождения Феодосий Григорьевич Добржанский, «ничто в биологии не имеет смысла, иначе как в свете эволюции». На ней держится вся биология, выдерни стержень – и останется бесформенная груда необъясненных фактов. Так же и с человеком. Но креационисты, о которых я условился не говорить, опять кривят душой: палеоантропология шагнула так далеко вперед, что у нас сейчас избыток, а не недостаток костного материала, по которому реконструируются «промежуточные звенья». Мы знаем нашего непосредственного предка – это одно из ответвлений грацильных австралопитеков, у которых после нескольких миллионов лет прямохождения вдруг начал увеличиваться объем мозга. При этом австралопитеки были самыми настоящими обезьянами. И последующие за ними *Homo habilis*, *Homo erectus* – которых классификация относит уже к роду людей, окажись они в дне сегодняшнем, – стопроцентно сидели бы за решеткой зоопарка в обезьяннике. Знаменитый антрополог Ли Бергер нашел интересную переходную форму: там 120 признаков человеческих, 126 признаков австралопитека, но он отнес эту форму к роду австралопитеков, обезьян, назвав ее «Австралопитек седиба», хотя, в принципе, имел право назвать ее «Хомо седиба», потому что форма промежуточная. А после этого, обнаружив новый вид, в котором была такая же смесь признаков австралопитеков и хомо, он собственной волей решил: а это пусть будет *Homo*. *Homo naledi*. То есть когда один род плавно, постепенно переходит в другой в геологической летописи, где проводить границу между предковым видом и видом потомков? Когда-то было принято считать по объему мозга: если мозг менее 600 кубических сантиметров – значит, австралопитек, если более – то *Homo*. В Европе первыми людьми с мозгом «современного» объема

были неандертальцы, предки которых некогда вышли из Африки, следуя за более древними волнами переселенцев. Неандертальцы расселились по Европе, на Ближнем Востоке, в Средней Азии... По сравнению с более древними людьми у них был колоссальный объем мозга: до 1700 кубических сантиметров. Они уже знали огонь, делали ритуальные захоронения, у них были украшения из ракушек. То есть они в полном смысле слова были уже людьми. Но затем, 45 тысяч лет назад, их накрыла из Африки же новая волна переселенцев, которые были уже людьми современного типа: *Homo sapiens*. Они расселялись по тем же параллелям и меридианам, что и неандертальцы – смешивались с ними, но и вытесняли их. Скажем, у сапиенсов было уже метательное оружие для охоты, а у неандертальцев – нет. Естественно, сапиенсы чисто технологически превосходили неандертальцев, почему те и проиграли в конкурентной борьбе за охотничьи угодья. И тем не менее в геноме современного человека находят до 4 процентов неандертальских генов...

– Давайте представим себе невозможное: что какой-то материк – например, та же Африка – на несколько миллионов лет будет оставлен людьми. Возможно ли там появление разумной жизни?

– Это не исключено, и даже очень вероятно. В эволюции некоторые события бывают уникальными, случаются один раз. А есть и повторяющиеся. Вот, скажем, среди наземных животных способность к активному полету возникала независимо четыре раза. Четыре раза в четырех разных группах в совершенно разное время. Насекомые, птерозавры, птицы и летучие мыши. Значит, это вполне вероятная вещь, достаточно, так сказать, простая.

С разумом не все так просто. Скажем, у млекопитающих в течение кайнозоя в целом во многих отрядах идет процесс усложнения поведения и прогрессивного развития мозга, и во многих группах возникают такие достаточно сообразительные большеголовые виды. Это китообразные с их сложнейшей системой коммуникации, сложнейшей социальной структурой. Слоны какие-нибудь... Среди птиц – врановые тоже обладают поразительными когнитивными способностями. То есть в целом у млекопитающих и даже у некоторых птиц эволюция в сторону «поумнения» в течение последних 60 миллионов лет прослеживается. Поэтому я бы сказал, что если бы сейчас человек потеснился и дал место для эволюции других животных, то с большой вероятностью мог бы появиться другой разумный вид млекопитающих или, может быть, птиц. Могли бы появиться. Не то чтобы прямо все станут «умненькими» – все не станут, конечно. Дело в том, что большой мозг, сложный мозг – это очень дорогая штука. Она жрет много энергии, она чревата всякими побочными последствиями, слишком много ума тоже может быть плохо. Но главное, нужно много калорий, чтобы поддерживать функ-

ционирование большого мозга. Я думаю, если бы эволюции удалось изобрести какие-то «дешевые» мозги без побочных эффектов, то многие виды стали бы умниками. Даже на дрозофилах были показательные эксперименты. Дрозофил отбирали на способность быстро обучаться чему-то. То есть выбирать из двух запахов тот, который сулит что-то хорошее, и избегать другого запаха. И удалось вывести породу быстро обучающихся, умненьких мух. Но это привело к целой куче побочных эффектов. У них снизилась жизнеспособность, продолжительность жизни, то есть они стали умными, но слабыми и больными. И это, скорее всего, не случайность, а общая тенденция, что развитый мозг – это дорогая вещь. Но все-таки весьма полезная. Особенно в такой переменчивой среде.

– *Вот, кстати, о современности. Сейчас, когда природные климатические изменения приобрели глобальный характер, когда условия обитания животных меняются на протяжении жизни одного поколения – возможна ли новая вспышка видообразования? Я читал, что на Аляске те белые медведи, которые не успели уйти на лед – из-за быстрого таяния береговой кромки, – остаются на суше и смешиваются с медведями гризли. Может ли это привести к образованию нового вида?*

– Теоретически может. Это может даже привести к слиянию двух видов, разошедшихся несколько сотен тысячелетий назад – белого и бурого медведя, – обратно в единый вид. Но есть более близкие примеры, они касаются городов. Вернее, приспособления животных к жизни в городах. Скажем, городские комары уже появились. Их пока не выделяют в отдельный вид, но по многим важным признакам они уже отличаются от диких комаров. Для них кровососание стало не совсем обязательным. То есть самка этого комара может разок отложить яйца без кровососания. Потому что их личинки развиваются в подвалах, в сточных водах, очень богатых органикой, личинки хорошо питаются по сравнению с дикими комарами, которые растут в естественных, чистых водоемах. Потом – они отказались от роения. Нормальные комары спариваются только во время роения. А городские комары от этого отказались. Они могут спариться даже в пробирке без всякого роения. Диким комарам обязательна зимняя спячка – иначе они не выживут, а городские комары приспособились жить в домах, в подвалах – и отказались от зимней спячки.

– *А за полтора века так и не появилось теории, которая могла бы конкурировать с СТЭ? Вот я читал про эпигенетическую теорию. В чем ее смысл?*

– Простейшая эволюционная модель у нас такая: происходит мутация, она как-то проявляется в фенотипе (облике живого), и, если изменение оказывается полезным, отбор ее поддерживает и мутация распространяется. А эпигенетическая теория эволюции предлагает такую модель: происходит сильное, стрессовое изменение среды,

что приводит к дестабилизации развития, так что вместо нормального фенотипа начинают получаться какие-то аберрантные фенотипы, уроды – то, что называется «морфозы». На первых порах это ненаследственная аномалия. Что делал Конрад Уолдингтон? Он брал личинок дрозофил, обрабатывал их парами эфира, то есть вызывал резкое стрессовое воздействие – реакцию на яд. После этого среди дрозофил стали появляться иногда мухи с четырьмя крыльями вместо двух. Если дальше взять четырехкрылых мух, получить от них потомство, опять личинок обработать эфиром, опять в потомстве появится какой-то процент четырехкрылых уродливых мух, опять их отобрать и так в ряду поколений обрабатывать личинок эфиром, то со временем эти четырехкрылые уроды будут появляться все чаще и чаще, нужно будет все меньше и меньше паров эфира для этого. И в конце концов можно вывести породу мух, у которых четыре крыла будут получаться вообще без эфира. Эволюция может идти и таким вот непростым путем.

В ходе развития работают определенные гены. В том числе есть такой определенный ген – ультрабиторакс. Когда мы обрабатываем личинку парами эфира, этот эфир нарушает систему регуляции этого гена в третьем сегменте груди, он у некоторых особей не срабатывает, и получают вот эти четырехкрылые мухи. Когда мы начинаем вести отбор, отбираем вот этих четырехкрылых уродов из поколения в поколение, фактически мы ведем отбор на неустойчивость, на уязвимость системы регуляции гена ультрабиторакс.

– *А чем эта теория противоречит СТЭ?*

– Вот то-то и оно. Ничем. Мы всего лишь наблюдаем один из возможных путей появления новых признаков. Так иногда бывает в природе – стрессовые воздействия. Сторонники эпигенетической эволюции почему-то, по невятным для меня причинам, выставляют это как альтернативу, как нечто опрокидывающее имеющиеся представления. На мой взгляд, ничего они не опрокидывают. То, о чем они говорят, это реальная вещь. Так бывает с рыбами, попавшими в пещерные воды, например: подземная вода «выводит из строя» белок HSP90, функция которого состоит в том, что он не дает проявляться в фенотипе многим мутациям. Отключение HSP90 приводит к проявлению скрытой изменчивости. В частности, получают рыбы с маленькими глазами, слепые рыбы... Но это, конечно, не опровержение имеющихся классических представлений об эволюции, это интересное дополнение, дальнейшее развитие эволюционной биологии.

– *Хотелось бы какого-то заключительного слова про современную теорию эволюции.*

– Жизнь больше не представляется нам обреченной всегда двигаться вслепую и наугад. Отбор удачных вариантов из множества случайных

изменений оказывается хоть и очень важным, первичным, но все-таки далеко не единственным способом придания эволюции направленности и смысла. Способность к эволюции, более того, необходимость эволюции заложена в самую сердцевину жизни, это ее основа, которую нельзя удалить, не уничтожив все здание. И мы видим, что земная жизнь эволюционирует не как множество разрозненных объектов, каждый из которых озабочен лишь собственным выживанием и должен полагаться только на себя – так полагали в 1930-е годы. Жизнь развивается как единое целое. Как это непохоже на старые представления о всеобщей безжалостной борьбе и изолированном, одиноком пути каждого отдельного вида! Мы видим, как по мере развития биологической науки бывшие индивидуальные организмы превращаются в симбиотические сверхорганизмы. Механизмы эволюции совершенствуются. Куда это может привести? Не появится ли у эволюции возможность предвидеть результаты генетических изменений и проектировать их на основе этого предвидения? Создается впечатление, что эволюция в данный момент как раз работает над решением этой проблемы. Она уже произвела на свет – может быть, в качестве первой пробы – довольно необычный вид животных, который не только

научился основам генной инженерии, но и, кажется, стоит на пороге понимания последствий своих поступков. Впрочем, эта тема выходит за рамки нашего разговора...

Что еще? Возникло особое междисциплинарное направление исследований – Универсальная История, или Big History. Один из его основоположников – профессор Дэвид Кристиан из университета Сан-Диего. При взгляде на историю мироздания «с высоты птичьего полета» создается впечатление, что каждый новый шаг в эволюции Вселенной логически вытекал из предыдущего и, в свою очередь, предопределял следующий. Возникновение жизни предстает уже не случайностью, а закономерным итогом развития. Вселенная словно была изначально спроектирована так, чтобы в ней появилась жизнь, и проект был чрезвычайно точен. Даже небольшое изменение базовых физических констант сделало бы жизнь невозможной (по крайней мере, такую жизнь, как наша). Впрочем, в такой Вселенной некому было бы и рассуждать о мудрости ее устройства. Кто знает, может быть, существует много разных Вселенных и только в нашей все так удачно сложилось? Физики относятся к такой возможности вполне серьезно. Вы чувствуете, как это захватывающе?! ■

ПОКЛОННАЯ ГОРА ГУЛАГА

БЕСЕДОВАЛ

ВЛАДИМИР
ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

О ТОМ, ПОЧЕМУ СБОР НАРОДНЫХ ПОЖЕРТВОВАНИЙ НА МОНУМЕНТ ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ «СТЕНА СКОРБИ», ОТКРЫТЫЙ В МОСКВЕ В ОКТЯБРЕ 2017 ГОДА, ШЕЛ ТУГО, ПОЧЕМУ ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННЫ ПРИЗЫВЫ КАЯТЬСЯ ЗА ГУЛАГ И КАК ПРОЙТИ ПУТЬ ОСОЗНАНИЯ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» ТАК, ЧТОБЫ НЕ РАСКОЛОТЬ ОБЩЕСТВО, В ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГУЛАГА РОМАН РОМАНОВ.

— РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, как думаете, почему люди мало жертвовали на «Стену скорби»?

— Как и о ГУЛАГе, мало что знают о ней. Не было рекламы на федеральных телеканалах, а у нас — музея и Фонда Памяти — нет бюджета на рекламу. Но в итоге «Стена» встала и доказала: ей реклама не нужна.

В 90-е годы многие благотворительные фонды были дискредитированы как институт. Мы не хотим, чтобы к нашему делу люди относились с подозрением. Мол, «отмываем» налоги через благотворительность или «пилим» бюджет.

Мне представляется, что незнание о «Стене скорби» отражает сегодняшнее состояние социума: мы хотим знать и понять явление ГУЛАГа, но не знаем и не всегда понимаем — как говорить об этом.

Музей истории ГУЛАГа расположен в здании общежития бывшего троллейбусного управления Москвы и воспроизводит архитектурную стилистику «шарашки» или лагерного барака

А пожертвования на «Стену» все равно капали – по копеечке, по миллиону, по рублю. Они дают ощущение, что все идет своим чередом.

– Десятилетия замалчивания «лагерной темы» привели к тому, что многие хотят не знать, а забыть эту страницу истории. Вы последовательный сторонник осознания явления ГУЛАГа. Кто и что должен осознать?

– Как психолог по первому образованию, я это нежелание людей сравниванию с механизмами психологической защиты. Происходит травма – и не хочется ее ни вспоминать, ни помнить. Но когда память о травме догоняет, у человека начинает дергаться глаз, подсказывает давление, он идет к врачу. Так и в случае с ГУЛАГом: нужны не вспышки травмирующей памяти, а лечение. Психоаналитическая сессия. Это во-первых. Во-вторых, история массовых политических репрессий не известна и не очевидна. Она не проговорена. Магия психотерапевтической сессии – говорение. Проговаривая, мы уничтожаем негативный потенциал явления. И разрушительная сила травмирующего опыта тает. То есть полученный опыт надо вынести на уровень сознания – осознания. Ведь загнанный в умолчание, этот опыт где-то под коркой бессознательного продолжает давить. Открытая рана. Еще потому охота все забыть, что у нас болью поломано и искажено представление о самих себе.

– «Стена скорби» может стать такой психотерапией? Все же в Москве она заметно опоздала: такие памятники давно стоят в регионах.

– Мне представляется эволюционным то, что к «Стене скорби» мы идем долгие десятилетия. Ее идея родилась еще в эпоху Хрущева, сразу после освобождения жертв ГУЛАГа и их мучительно долгого оправдания. Потом, во времена перестройки и новой России, идея «Стены» опять витала в воз-

духе, но после споров о ней страна остановилась на компромиссе: на установке Соловецкого камня на Лубянской площади в Москве в 90-е. Соловецкий камень воспринимался как закладной, как обещание государства сказать всю правду о жертвах и палачах политических репрессий 30–50-х годов XX века. И вот только сейчас это обещание сбылось. Таков, вероятно, путь эволюции или терапевтического выздоровления, когда о болезни можно говорить без страха вернуть ее острые приступы. Никто ведь не хочет боли хирургического вмешательства.

– Разве возможно полное осознание ГУЛАГа, если архивы до сих пор закрыты?

– Да, до сих пор архивы не раскрыты во всей полноте. Скажу больше. Мне не раз приходилось слышать от оппонентов, что я, как директор Музея истории ГУЛАГа, «соглашатель», а открытие монумента «Стена скорби» некоторыми интерпретируется как «победа морали двойных стандартов». Есть те, кто требует сначала полностью раскрыть архивы, осудить палачей, а потом ставить памятники. Но, думаю, сохранение гражданского мира важнее этих принципов.

Осознание трагедии репрессий должно происходить так, чтобы снова не расколоть общество на жертв и палачей. Тут два пути. Первый – осознание человеком того факта, что травму репрессий необходимо помнить и нести как часть своих корней. Второй – путь осознания через государственную политику. Мне придает оптимизма то, что «Стена скорби» создана по указу президента России. Тем самым государство признает: репрессии 30–50-х годов – это преступление.

– Как в стране, где «одна половина сидела, а другая охраняла», не расколоть общество, решая проблему осознания политических репрессий?

– Когда я начинал работать в музее, мой добрый знакомый, чиновник московской мэрии, мне говорил: «Кому это нужно? Депрессия вместо дела». Прошло восемь лет, он говорит: «Ну да, надо». Трансформация сознания одного человека произошла на моих глазах. Хотя он был как раз на том полюсе, который считает, что «одни сидели, другие охраняли». Я же полагаю, что выяснять, кто именно какую роль исполнял, опасно для хрупкого гражданского равновесия. Ну, или, как говорила Ахматова, две России посмотрят друг другу в глаза и... Но это уже произошло и происходит. Мы смотрим друг другу в глаза. Знаете, что мы в музее и фонде видим? Нет непримиримости, нет раскола. Наш музей проводит акцию «Мой ГУЛАГ». Ее суть – узники лагерей, персонал и бывшие офицеры НКВД в видеоинтервью рассказывают о своей жизни. Это фиксация для истории, сохранение свидетельств от носителей памяти. Что поражает: у людей нет негатива, желания мести, сведения счетов. Нет непримиримости и желания всех поделить на правых и виноватых.

Справа – «камеры»-баракы, где размещались заключенные, слева – холл музея, имитирующий площадку для «утреннего развода» – построения на работы. Теперь на месте «развода» – тумбы с предметами быта эпохи лагерей: не дошедшие домой письма, именные или номерные ложки, чашки, кружки...

Раскол в 90-е оппозиция пыталась использовать, чтобы свалить коммунистический режим. Сегодня иное видение страшной трагедии: герои акции «Мой ГУЛАГ» хотят не возмездия, а реабилитации. И такой памяти, чтобы репрессии никогда не повторились.

– *Какое у них самое заветное желание?*

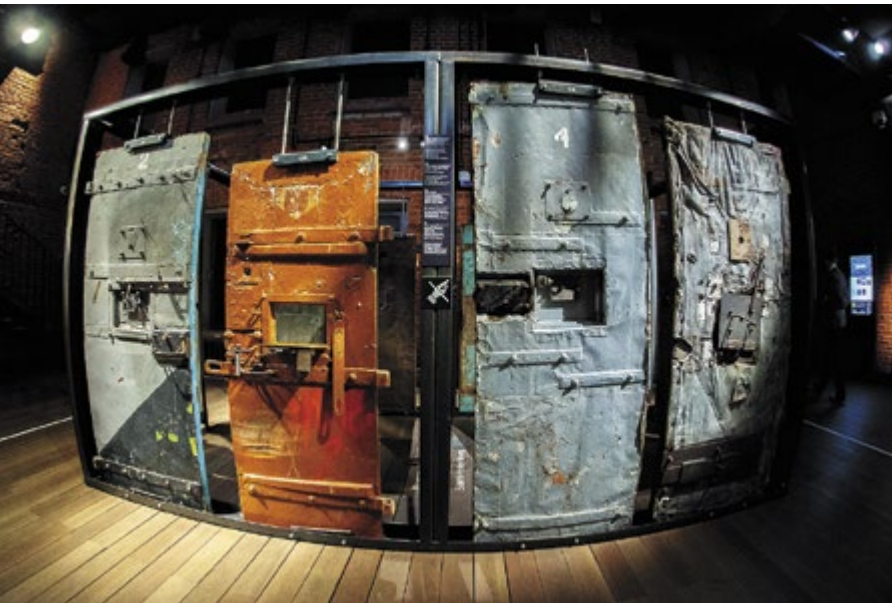
– Эти люди в преклонном возрасте. И многих из тех, у кого мы брали интервью, уже нет в живых. Желаний у них, свойственным нам, нет. Пожалуй, сокровенных – два. Донести до нас свои уникальные истории, не только личные, а их совокупность, а через нее суть и абсурд репрессий. Но главное их желание – страх умереть «врагами» или «предателями». Им важно донести до нас: каждый из них не предавал, а подневольным титаническим трудом, как мог, приближал великую Победу 1945 года.

– *В обществе меняется отношение к этим людям? Кем их считают – «врагами народа», невинными жертвами, оппозицией?*

– Уже изменилось. Я в этом убеждался в каждом городе, куда приезжала наша передвижная выставка «Стена скорби». В Екатеринбурге, Гроз-

ном, Ставрополе, Магадане, Иркутске – везде к нам подходили люди: «Мы тоже хотим рассказать свою историю». Правда, надо признать, что сначала нашу выставку в некоторых регионах, особенно Кавказа и Урала, не хотели видеть. «Зачем смущать народ?» – спрашивали. Или просто: «Нет». И все. А потом, когда пошел резонанс из Екатеринбурга, Нальчика, Черкесска, сами стали звать. И говорить о том, что тех, кто был узником ГУЛАГа, и раньше не считали «врагами народа». А вот дальше... мозаика настроений. Меня лично многому учит человеческий опыт Чечни и Ингушетии. Каждый год 23 февраля – день депортации чеченцев и ингушей в Казахстан и Сибирь – к нам в музей приходят сотни представителей этих народов. 23 февраля музей переполнен всегда. Для чеченцев и ингушей этот день и память о нем священны. Вот как надо помнить.

Есть Белгород, Томск, Тува, Карелия, Адыгея, Орел и другие регионы, их большинство. Там стараются не говорить о ГУЛАГе, считая тему взрывоопасной. И я понимаю почему. Федеральные министерства тему репрессий стараются обходить. Это из-за распространенного мнения о том, будто только память о Победе способствует сплочению нации. Я считаю это мнение неверным. Нельзя

Коллекция дверей из разных лагерей ГУЛАГа в музее производит впечатление дверей в ад. Режиссер Павел Лунгин, снимающий художественный фильм о лагерях, попросил разрешения использовать двери в своей картине

историю XX века – с победами и поражениями – рисовать только в триумфаторских красках. Надо помнить не только о Победе, но и о цене Победы, кровавой цене. Ее часть – внутренний террор, который мы сами с собой сотворили. Почему? Когда поймем, увидим, что как спираль ДНК завернута одна в другую, так и память многослойна. Она не бывает только парадной. Хранить только парадный ковер памяти и танцевать на нем ритуальные танцы Победы – недалековидно.

– **Не упущено ли время? Лагеря разрушены или перестроены в тюрьмы. Некоторые из них уже не только отсутствуют на картах, но и стерты в памяти.**

– Хуже того. Там, где захоронены десятки и сотни тысяч людей, строят элитные коттеджи, дороги, города, организуют свалки. Даже у первобытных племен иное отношение к могилам предков. А у нас эра коммерциализации – беда страшнее, чем пляски на костях Победы. Да, есть лагеря, от которых осталось только место. Есть такие, что исчезают на наших глазах. Однако эти места не имеют охранной зоны. Они находятся на территориях, где арендаторы могут их снести, продать землю застройщикам. Как мне однажды сказал один бизнесмен: «Счистить этот позор». У нас часто раздаются голоса о том, что лагати и лагпункты надо снести. Как в Германии. Там тоже хотели снести все концлагеря, чтобы поскорее забыть стыдную историю. Однако всегда есть люди, которые противостоят беспамятству. У нас такая же история. То, что нужно лагати стереть с лица земли, я слышу десятки лет. Это манкуртовская философия. Есть силы разрушения, когда история уходит в песок. Ведь разрушение – желание забвения. Есть силы, которые забвению противостоят.

– **Как считаете, какие лагеря надо сохранить?**
– Абсолютно все, что еще есть.

– **То есть как памятники Ленину заполнили все города страны, так могут и музеи-лагеря? А как же чувство меры?**

– Во-первых, их мало осталось. Во-вторых, это большая история и большой вопрос – как к ней относиться. Одно дело старая Бутырская тюрьма в Москве. Живая история и памятник. Другое дело, что с ней будет. Тюрьму перенесут из центра города. Есть идея построить на ее месте мемориальный комплекс. Правильная идея. Но и ее можно обесмыслить, окружив мемориал отелями, кафе, бутиками и ресторанами. А можно осмыслить: показать историю тюрьмы сквозь эпохи и музеефикацию Бутырки. Так и с лагерями системы ГУЛАГ. Типового решения для всех лагерей нет и быть не может. Но чувство меры и здравого смысла, увы, уже нам изменяют. Не так давно ехал на теплоходе по Беломорканалу с одним бизнесменом. Он мне излагал идею создания на базе Беломорканала туристической зоны с «ароматом» ГУЛАГа. С бараками, нарами, жестяной посудой и «лагерной» едой. У него глаза горели от того, какую прибыль он будет собирать. Разговор не получился. Я ему честно сказал, что превращение исторической памяти в бизнес-модель – это фальшь. И Музей истории ГУЛАГа «вывеской» таких проектов не будет.

– **Как вы относитесь к моде на квесты «Побег из ГУЛАГа» и их копии? Они формируют культуру исторической памяти?**

– Нам тоже предлагали их проводить. Поначалу я думал, что квесты – один из форматов, которые помогают молодым людям изучать историю. Когда же мы попытались их провести, то поняли: квесты – набор инструментов, при помощи которых благими намерениями выстраивается дорога, как мы знаем, не туда. Это игра в ГУЛАГ. Когда же явление и масштаб трагедии еще не осознаны, то квесты упрощают и искажают суть явления. Это тоже дорога в забвение. Искаженное восприятие позволяет многое – и «сами виноваты», и «лохи» – и допускает, что «нормально делать деньги на теме». Оно – подмена памяти.

– **Что мешает узнавать ГУЛАГ и через игру, и через фундаментальные исследования, и в музее?**

– Отсутствие мемориальной культуры. Ее, несмотря ни на что, нужно формировать. Еще мешают закрытые архивы. Убежден, лагеря системы ГУЛАГа нужно последовательно выявлять и объявлять их культурно-историческим наследием. Тогда их не будут сдавать в аренду, строить вместо них дороги, заводы и свинарники. Следующий шаг – наш музей уже сегодня составляет картографию ГУЛАГа. Она станет основой «Интерактивной карты ГУЛАГа». Ее смысл прост: на карте можно нажать на любой объект и получить полную информацию о нем – с точными географическими привязками и списками персон. Этой работе служат научные исследования ученых, но полная

и объективная интерактивная карта невозможна без открытия архивов. Вернее, поскольку раскрытие архивов все равно будет поэтапным и неполным (понятие государственной тайны никто не отменял), это работа на долгие годы. Нам надо успеть, пока люди не ушли, лагеря не разрушены, документы не утеряны. Все это Фондом Памяти и Музеем истории ГУЛАГа делается ради систематизации и создания «Единой открытой базы данных ГУЛАГа». Она будет аналогична «Единой открытой базе данных участников Великой Отечественной войны». Мы хотим показать, что узники ГУЛАГа тоже строили экономику, которой мы сегодня живем, и подневольным трудом ковали не только Победу 1945 года, но и нынешнее благополучие.

– Участников Великой Отечественной войны и ветеранов тыла такой подход, как предполагаете, не обидит?

– В Музее Победы на Поклонной горе есть экспозиция «Вклад ГУЛАГа в Победу». В разделе «Нормативы питания» информация о том, чем кормили узников лагерей, впечатляет: «Рыба – 200 граммов в день, масло – 50 граммов», мясо, картофель – через день. Нормативы питания гораздо выше, чем у свободных граждан. На этом строится риторика о том, будто заключенных вроде как никто не мучил. И хотя серьезные исследователи знают, что эти документы к реальности не имели отношения, они служили формой отчетности чиновников, массовый посетитель музея получает аргумент в пользу теории «врагов народа» или просто «уголовников». Кстати, ветеранам не надо объяснять, что смертность в лагерях во время войны зашкаливала, инфекции народ косили как смерть бойцов на фронте. Кусочек хлеба в лагере давали не каждый день, а когда давали, его могли отобрать уголовники. После этого для ветеранов разговоры про рыбку и масло звучат как чушь, а для нас должны быть унижительны.

– А сами бывшие узники что говорят о «Стене»? Они видят, как к ним меняется отношение, хотя бы через современный кинематограф или телевизор?

– У них сегодня не хватает денег на лекарства, кто-то в живет в одиночестве, у кого-то не хватает денег даже на продукты. Они болеют, их обманывают, отнимают квартиры. Они сталкиваются с таким адом современной жизни, что им фильмов не надо. Если вспомнить Пирамиду Маслоу, в ее основании, как мы знаем, лежат как раз витальные потребности. Так что у бывших узников лагерей другого порядка иерархические модели потребностей и воспоминаний. Ни тем, ни другим уцелевшие гулаговцы делиться с миром не спешат. Как ветераны Великой Отечественной войны не любили вспоминать о фронте, так и жертвы ГУЛАГа не любят говорить о своих страданиях.

Разве что несут к нам в музей фотографии, письма, документы. «Сохраните, – просят, – а то мы умрем, а дети не поймут, что это за «бумажка».

– После того что они пережили и переживают, они сохранили способность прощать?

– Даже доносы близких. Не все, не всё прощать, но... Два человека – они для меня безусловные авторитеты – старший научный сотрудник Отдела новейшей истории РПЦ ПСТГУ Лидия Головкова и глава центра «Возвращенные имена» при РНБ историк Анатолий Разумов – как-то заметили, что не способен прощать каждый второй. Но каждый второй – прощает. Понимаете? На мой взгляд, это баланс жизни. Головкова и Разумов первыми сформулировали здоровое отношение к доно-

Роман Романов: «Призывы к покаянию за репрессии воспринимаю как моральное насилие над личностью, как что-то чужеродное демократии. А вот вопрос осознания репрессий – это сознательный выбор»

Музей заканчивает работу над составлением «Интерактивной карты ГУЛАГа». Ее цель – сохранение сведений о лагерях и имен всех заключенных

сам. Доносы – это перевернутая система белого и черного. Через донос кто-то сводил счеты, кто-то делал карьеру, кто-то достигал материального благополучия, кто-то отвоевывал квадратные метры квартиры. Инструмент доноса придуман отнюдь не большевиками. Вспомните средневековую инквизицию. Имущество сожженного на костре инквизиции переходило к тому, кто доносил. Вспомните Михаила Булгакова и его тезис о том, что проблема инквизиции общечеловеческая... А человек слаб.

Другая сторона доносов: что делали с людьми ради того, чтобы они себя оговорили и подписали требуемое? Инструментарий инквизиции: они каплями крови подписывали самооговор, им пальцы засовывали в дверной проем и закрывали дверь, кипятком ошпаривали, детей и жен арестовывали и разъединяли их иногда навсегда, целлофановый пакет на голову надевали... И это не самое страшное. Конвейер пыток доводил человека до такого состояния, что он подписывал все. А как бы мы себя повели? Понять, что человек может подписать или не подписать, мы не можем... Можем только осознать, что это было, чтобы не допустить повторения.

4 миллиона доносов было написано в годы «большого террора»

– Что последует за «Стеной скорби»? Какая модель примирения после внутренних репрессий? Как в Испании, где принято обходить острые углы 1936 года? Как в США, где принято считать, что Гражданской войны там не было, ее придумала Европа? Или как в Германии, которую принудили к покаянию за фашизм?

– Разумеется, у разных репрессий разные оттенки и обстоятельства. Например, опыт Германии. Она проиграла Вторую мировую войну, и ей пришлось каяться с пистолетом у виска. Тут наши дороги осознания принципиально расходятся. Они проиграли войну, мы – победили, но репрессии, в том числе в войну, мы творили сами. В Германии массового сопротивления фашизму не было, а репрессии носили ограниченный характер. У нас сопротивления репрессиям не было, хотя они были массовыми. Они воспринимались как решение законной власти. С испанцами и их гражданской войной аналогии уместны, но условны: там было мощное сопротивление Франко. Поиски аналогий с миром естественны. Они дают ответ на действие механизма репрессий. Противоестественны призывы каяться за ГУЛАГ. Я призывы к покаянию за политические репрессии воспринимаю как моральное насилие над личностью, как что-то чужеродное демократии. Особенно мерзко, когда молодым людям говорят, что они «должны покаяться». В чем? Например, я. Мне 34 года, в чем я должен каяться? И потом, покаяние – это глубоко личный акт, как правило, религиозный. При чем тут общество? А вот вопрос осознания и через него приближение к выбору – иное. Это сознательный выбор. Тебе рассказывают, ты испытываешь те или иные чувства и эмоции и делаешь выбор. Призывать же и к покаянию, и к искуплению – это тоже моральное насилие. Этот путь личность должна проделать сама – честно и добровольно, через осмысление. Сначала надо знать факты, их совокупность, знать документальную базу. И тут у каждого свой путь. Кто-то, узнав, заплачет, кто-то захочет изучать дальше, кто-то – помочь, кто-то – забыть...

– Осознав ГУЛАГ – не забудем и простим? Или простим и забудем?

– Основатель общества «Возвращение» Семен Виленский прошел колымские лагеря, собрал самый крупный архив по ГУЛАГу и передал нашему музею. А вместе с ним его логотип – росток, который пробивается сквозь бетон забвения. Мне эта идея близка. Мы это в природе видим: забетонируют или заасфальтируют дорогу, а жизнь все равно пробивается ростками... Когда к нам в музей приходят молодые волонтеры, им никто не внушает: «Вы должны помнить». Или: «Вы должны каяться». У них естественная тяга как к здоровью, так и к светлой памяти. И она пробивает толщу забвения. 🌱

О БЕДНОМ ПОРУЧИКЕ
ЗАМОЛВИМ МЫ СЛОВО...

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ПОРУЧИКА РЖЕВСКОГО ЗНАЮТ ВСЕ И НЕ ЗНАЕТ НИКТО. О НЕМ ИЗВЕСТНО МНОГО И НИЧЕГО.

МЫ РЕШИЛИ ВЫЯСНИТЬ: кто же он, поручик Ржевский – реальный человек или еще один подпоручик Кизе? Версий оказалось несколько...

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ, ПОЭТИЧЕСКАЯ

Свою фамилию род Ржевских получил от названия города Ржева. От первых Ржевских, удельных князей, владевших городом в XIII веке, ничего не осталось. Их палаты находились на Соборной горе, где сейчас установлен обелиск в честь освобождения Ржева от немецко-фашистских захватчиков. Единственное, что напоминает в городе о древнем семействе, – это герб рода Ржевских в экспозиции Ржевского краеведческого музея.

«Анекдоты про поручика Ржевского рассказывали еще в XVIII веке, – говорит старший научный сотрудник музея Олег Кондратьев. – Курьезные истории о нем печатали в газетах, причем не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в провин-

ции. Вторую жизнь они обрели в наши дни, когда Александр Гладков написал пьесу «Давным-давно». Олег Кондратьев считает, что прототипом поручика Ржевского для Гладкова послужил Павел Ржевский, о котором упоминает Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года».

Павел Алексеевич Ржевский родился в Рязанской губернии в 1784 году. В 1802-м поступил поручиком в лейб-гвардии Семеновский полк. Сражался храбро, в 1807 году в битве при Фридланде получил пулю в грудь, был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. Затем был переведен в лейб-гвардии Гусарский полк, а в 1809 году вышел в отставку в чине полковника. Но в 1812-м отважный гусар снова встал в строй. Дошел до Парижа. В 1817 году «за болезнью и ранами» ушел в отставку. От веяний моды не отставал – вступил в масонскую ложу. К старости стал попечителем богоугодных заведений. Дослужился до действительно-

Герб рода Ржевских из экспозиции Краеведческого музея города Ржева

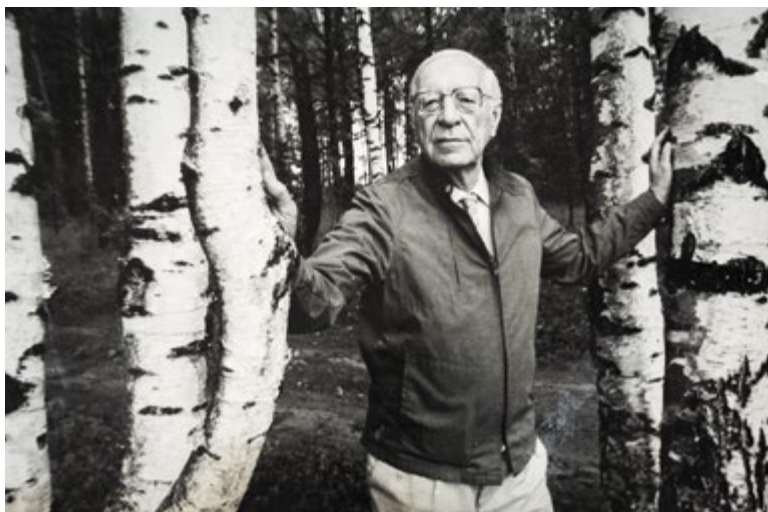
го статского советника и умер в Москве в 1852 году.

Денис Давыдов ничего не пишет о гусарском духе Павла Ржевского. Скорее всего, его Александр Гладков черпал из стихотворений самого поэта-партизана, которого Олег Кондратьев и считает «родителем» легендарного поручика Ржевского. Кстати, Кондратьев уверен, что у реального поручика есть потомки. Братья Ржевские приезжали в Ржев в 1993 году искать свои корни. Младший из них, Георгий Александрович, – профессор Лондонского университета. Старший, Александр, занимался автоэкспортом. Корней братья не нашли. Погуляли по городу, поднялись на Соборную гору, насыпали в пакетики по горстке ржевской земли, выполнив предсмертную волю отца, завещавшего детям побывать именно в этом городе.

До революции их предки владели имением Сасовка в Воронежской губернии, около Коротояка. Отец братьев, Александр Владимирович Ржевский, был белогвардейским офицером и в 1920 году эмигрировал последним теплоходом из Крыма в Болгарию. Во время плавания он познакомился со своей будущей женой, служившей медсестрой в Русской армии. За-

Олег Кондратьев, старший научный сотрудник Ржевского краеведческого музея

Александр
Александрович
Ржевский

тем семья Ржевских переехала в Сербию. Александр Владимирович окончил университет и стал известным в Югославии инженером-гидростроителем.

В 1946 году Сталин объявил амнистию для белоэмигрантов и разрешил им принять советское гражданство. Вся семья Ржевских, кроме старшего сына, стали гражданами СССР. А после обострения отношений между Советским Союзом и Югославией Иосип Броз Тито приказал выдворить из страны всех советских граждан. Александр Владимирович с женой и младшим сыном сидели на чемоданах, но тут Тито узнал, что строительство новой гидроэлектростанции под угрозой, так как главного инженера Ржевского выдворяют из страны. Ржевскому принесли извинения, Александр Владимирович продолжил работать и ушел на пенсию в 80 лет.

После перестройки его старший сын, Александр Александрович, тоже принял российское гражданство. Он мечтал стать официальным жителем Ржева. Власти города обещали ему дать квартиру, а чтобы жилплощадь не пустовала, хотели организовать в ней музей поручика Ржевского и заодно увековечить его в бронзе на одной из улиц города. Не так давно Александр Александрович умер. Он не получил квартиру и не стал гражданином Ржева. Нет в городе музея и памятника поручику Ржевскому...

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ, БЛОКАДНАЯ

Поручик Ржевский родился в блокадном Ленинграде 7 ноября 1941 года – гласит другая версия. Именно в этот день состоялась премьера спектакля по пьесе Александра Гладкова «Давным-давно» в постановке Николая Акимова. Он назывался «Питомцы славы». Действие прерывалось sireнами воздушной тревоги, а зрители, балтийские моряки, сразу по-

Здание
Ржевского
краеведческого
музея одно
из старинных
в городе

сле представления уезжали на фронт.

В 1962 году Эльдар Рязанов снял фильм «Гусарская баллада» по пьесе Александра Гладкова, и о поручике Ржевском узнала вся страна. По сюжету поручик Ржевский проигрывается в карты, и дядя ставит ему условие – жениться. Ржевский приезжает в дом отставного майора Азарова, чтобы познакомиться со своей невестой Шурочкой Азаровой... Роль именина Азаровых «сыграла» усадьба князя Долгорукова Удино. От нее почти ничего не осталось: заброшенный парк с вековыми липами, заросший ряской пруд и полуразвалившаяся церквушка.

Съемки начались с опозданием. Наступала весна, а в фильме было много зимних сцен. Сначала углублялись в лес, где снег таял медленнее, потом его сгребали лопатами, прикрывая проталины, наконец, подвозили машинами.... Но к моменту съемок ночной драки в усадьбе Азаровых от снега не осталось и следа. Двор засыпали опилками, мелом и нафталином. На перила балюстрады уложили вату, крышу покрасили в белый цвет, и вновь «наступила» суровая русская зима.

Лариса Голубкина сыграла в фильме роль Шурочки Азаровой: «Это романтическая комедия, милое, веселое переодевание, – вспоминала она позже. – Юрий Яковлев создал обаятельный и привлекательный образ поручика Ржевского, скорее комедийный, чем героический – такой безалаберный рубаха-парень на войне, заводила и выпивоха. Считают, что после этого появились анекдоты про поручика Ржевского. Лично я убеждена, что они с фильмом не связаны. Их рассказывали до «Гусарской баллады», и даже пели частушки про Ржевского».

Так, может быть, поручик Ржевский – это собирательный образ, как Василий Теркин, и у него был не один реальный исторический прототип?

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ, КУРСКАЯ

«Прототипом знаменитого поручика является Матвей Николаевич Ржевский, представитель курской ветви старинного рода», — уверен историк, герольдмейстер, вице-предводитель Нижегородского губернского и предводитель Дзержинского уездного дворянских собраний Игорь Григорьев. Сведения о Ржевском он собирал в архивах и выискивал в мемуарах. Гусарский поручик Матвей Николаевич Ржевский во время войны 1812 года сражался в партизанском отряде Сеславина. Вышел в отставку в чине штаб-ротмистра и уехал в свое имение в Курской губернии. Лихой вояка почитал военную честь, терпеть не мог штатских,

любил прихвастнуть, был дебоширом и забиякой. Выпив, мог поскандальить. Убил на дуэлях несколько человек. Матвей Николаевич был высок, красив, очень любил женщин и пользовался у них успехом. Был дважды женат. Умер он в 1839 году.

Его правнучатую племянницу Калерию Васильевну Орехову судьба забросила в Дзержинск Нижегородской области. От славного предка ей досталась любовь к лошадям, которых в XX веке сменили автомобили. До революции у Ржевских их было два — «мерседес» и «рено». Фотографии машин Калерия Васильевна хранит в семейном альбоме.

«Сначала был «мерседес», и на нем дедушка выиграл гонки, —

Калерия Васильевна Орехова, правнучатая племянница Матвея Николаевича Ржевского

Бабушка и мама Калерии Васильевны Ореховой

вспоминает она. — Когда началась война, в 1914 году машину и всех лошадей реквизировали на нужды армии. Потом появился «рено» темно-синего цвета». Ржевские жили в имении Борисовка Львовского уезда Курской губернии. У них был огромный фруктовый сад и фабрика пастилы. Бабушка Калерии Васильевны открыла школу для крестьянских детей. Лакеем в усадьбе служил матрос с крейсера «Аврора», и, бывало, в доме укрывали революционеров. Но это не спасло Ржевских в 1917-м. Семья эмигрировала из Ялты в Турцию, бросив все имущество. Потом переехали в Прагу, где мама Калерии Васильевны познакомилась со своим будущим мужем. В 1930 году родилась Калерия.

Гены поручика Ржевского дали о себе знать, когда Калерии исполнилось 14 лет: она выиграла в карты большую сумму денег и принесла домой. Хотя семья нуждалась, отец первый и последний раз в жизни выпорол дочь. С тех пор она считает заслуженными только деньги, заработанные своим трудом. После войны в Праге открыли советскую школу, и Каля стала учиться в ней. «Нас воспи-

Семья Ржевских в своем имении Борисовка Курской губернии незадолго до революции

тывали в русском духе, говорили, что мы должны обязательно вернуться в Россию. Мы учили язык, историю и обычаи России», – вспоминает Калерия Васильевна. В 1947 году она приняла советское гражданство, отказавшись от чешского.

Словно во времена поручика Ржевского, будущий муж нашей героини предложил ей руку и сердце на балу. Так как влюбленные были гражданами СССР, их могли расписать только в русском консульстве. Посол впервые регистрировал брак, толком не знал, что и как делать, и от волнения у него тряслись руки. Он вручил молодым свидетельство о браке и подарил огромный букет цветов.

Калерия Васильевна работала переводчиком у корреспондента «Комсомольской правды». «Мы всегда читали эту газету, – говорит она. – Там писали о жизни в Советском Союзе, о целине, о том, как работают люди, какие дома строят и так далее. И мы решили уехать в Россию. Пришли в консульство и говорим: «Мы хотим поехать на целину!» А консул в ответ: «У вас же маленький ребенок! Куда вы собрались? Не пушу!»

Но никакие уговоры не помогли. Калерия Васильевна с маленькой дочерью, мужем и матерью, вместе с другими энтузиастами выехали в Советский Союз. Их отправили в Узбекистан, поселили в совхозе имени Сталина в маленьком домике. Для людей, живших в центре Европы, многое было диким в крае, где женщины все еще носили паранджу. Вскоре семья перебралась в Ташкент. Затем муж получил должность в больнице в Чирчике. Родилась вторая дочка. Калерия Васильевна работала медсестрой, музыкальным работником в детском саду. Муж перешел в Научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии и стал известным в Узбекистане специалистом. После его смерти Калерия Васильевна переехала в Нижегородскую область, в Дзержинск.

Дмитрий Целорунго, ведущий научный сотрудник Бородинского военно-исторического музея

ВЕРСИЯ ЧЕТВЕРТАЯ, ГЕРОИЧЕСКАЯ

В Государственном Бородинском военно-историческом музее подтвердили: в Бородинской битве участвовал поручик Ржевский Павел Николаевич.

«Реальная жизнь Ржевского была не такой веселой, как в анекдотах, – говорит ведущий научный сотрудник музея Дмитрий Целорунго. – Особенно в 1812 году. В армии на каждого человека вели формулярный список, куда вписывали все данные о нем. Спасибо неизвестному полковому писарю – мы прочитали его записи, сделанные почти двести лет назад».

Павел Николаевич Ржевский родился в Рязанской губернии. В 1810 году поступил в Дворянский полк – вариант Суворовского училища XIX века. Папенька денег и связей не имел, но хорошее образование сыну дал. Па-

вел Николаевич был смышлен, учился старательно и через два года стал подпоручиком. В 19 лет, в 1812 году, он уже поручик Черниговского полка, затем – штабс-капитан. Участвовал в сражениях под Витебском, Смоленском, Бородином. В ходе Бородинского сражения Павлу Николаевичу пришлось туго. Черниговский полк входил в 3-ю пехотную дивизию генерала Коновницына, которая была весь день под огнем. Сначала стояли на Старой Смоленской дороге, там, где сейчас станция Бородино. Затем дивизию перебросили в подкрепление Багратиону на флешу. После она закрепилась на высотах деревни Семеновская. Солдаты проявляли не только чудеса храбрости, но и смекалки. Когда их атаковала вражеская кавалерия, они просто... легли на землю. Французы проскочили дальше, в наш тыл, и попали в плен. На месте Спасо-Бородинского монастыря шел жаркий бой. В нем Павел Николаевич Ржевский получил пулевое ранение. В списках раненых на памятнике 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницына высечено имя поручика Ржевского. Ржевскому очень повезло, что он выжил в этой великой битве и не попал в число тех 45 тысяч, что навсегда остались на Бородинском поле.

Фрагмент памятника 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницына

ВЕРСИЯ ПЯТАЯ, НАРОДНАЯ

Кем был поручик Ржевский? «Конечно, гусаром Павлоградского полка!» – утверждает народная молва. Права ли она – неизвестно, но дыма без огня не бывает. Поэтому решаю узнать все о гусарах и погрузиться в историю Павлоградского полка.

Доронино. Переезд закрыт. Дальше пешком. Шлагбаум и будка в черно-белую полоску, за ними деревянный дом и хозяйственные постройки. Слышен запах костра. Перед палаткой времен

1812 года – люди в гусарской форме.

Владимир Петров в армии летал бортинженером на вертолетах Ми-24. Выйдя в отставку в звании майора, сменил их на гражданские самолеты Ил-62 и Ил-76. Потом все бросил и вместе с женой и двумя детьми переехал из Москвы жить в деревню. Купил дом в Доронине и создал в нем Музей крестьянского и военного быта XIX века и военно-исторический клуб «Второй лейб-гусарский Павлоградский Императора Александра III полк».

Памятник 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницына на фоне мавзолея Тучкова в Спасо-Бородинском монастыре

На территории Музея крестьянского и военного быта XIX века в Доронине

Над костром висит большой котелок. Над ним на крест-накрест сложенных саблях лежит огромная глыба сахара. Владимир поливает ее ромом, поджигает. Горячая карамель стекает в котелок. Так готовится знаменитый гусарский напиток жженка. Жженка – это ритуал беспробудного пьянства. В избе одна комната застилалась коврами, другая, более холодная, обычно сени, – толстым слоем сена. На костре готовили жженку и вносили ее внутрь. Затравки пистолетов заклеивали сургучом, в стволы вливали готовую жженку, и начиналась попойка. Пили круто, тех, кто сошел с дистанции, уносили на солому отдыхать.

С пистолетами мне не повезло, и я дегустирую жженку банально – из чашек. Пью сладкий, душистый напиток, похожий на крепкий глинтвейн, и приобретаю к гусарской жизни нашего знаменитого героя.

Кем быть – гвардейским или армейским офицером, – поручик Ржевский мог выбирать.

Служба в лейб-гвардии Гусарском полку дорого обходилась. На жалованье не проживешь. Среднего состояния хватало на три-четыре года. Форму надо шить только из английского сукна (оно было в три раза дороже), в театре сидеть не далее пятого ряда, лошадей иметь не менее двух и не дешевле 500 рублей и так далее. В лейб-гвардии в основном служили представители русской аристократии и богатых дворянских родов, выходцы из богатейших семей России.

История Павлоградского полка началась более 250 лет назад. Павлоградцы особо прославились в сражении под Шенграбеном. Затем были битвы при Аустерлице, Голыmine, Прейсиш-Эйлау и многие другие. Во время войны 1812 года полк в составе армии Тормасова прикрывал Киев. Павлоградские гусары воевали и в партизанских отрядах, не раз обращая французов в бегство.

«В Павлоградском гусарском полку действительно служил

поручик Константин Ржевский, – рассказал Владимир Петров. – Он поступил в полк 21 апреля 1812 года. Об этом есть запись в полковых документах». Через полгода Константина произвели в штабс-ротмистры, затем – в ротмистры и назначили адъютантом к генералу Винцингероде. Ржевский заслужил немало наград и вышел в отставку в чине полковника. Стал камергером и даже получил бриллиантовый перстень.

ВЕРСИЯ ШЕСТАЯ, ВЕНЕВСКАЯ

«Вы едете в Мильшино? Сообщите заранее, дадим вам трактор», – предупредили меня. «Трактор?! Да вы что! Я доберусь сама!» От моей спеси не осталось и следа, как только я увидела дорогу на Мильшино. Каким-то чудом не застряв в метровом снегу, я добралась до оврага. Дорога резко шла вниз и, поднимаясь, растворялась в заснеженном поле, за которым начинался лес.

Владимир Петров, директор Музея крестьянского и военного быта XIX века и руководитель военно-исторического клуба «Второй лейб-гусарский Императора Александра III полк»

Экипировка гусарских и других полков, участвовавших в Бородинском сражении

Идея о тракторе теперь не казалась такой уж нелепой.

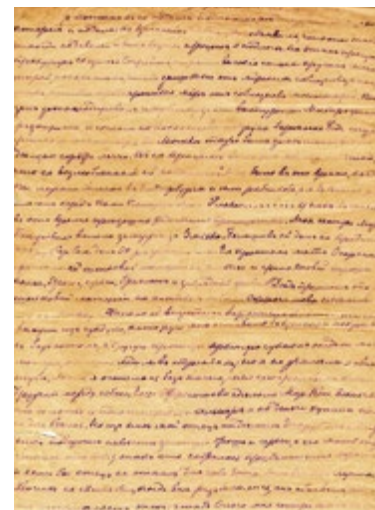
В Мильшине находилась усадьба Екатерины Алексеевны Ржевской. Интересна эта особа тем, что два ее сына, Петр и Сергей, тоже претендуют на роль легендарного поручика Ржевского.

День кончался. Перспектива провести ночь в сугробе в ожидании трактора не прельщала, и я отступила назад.

На следующий день Бог послал мне Надежду и Николая Харченко, жителей деревни Мильшино, у которых был снегоход. Лихо съезжаем с крутой горы. Сквозь шум мотора и ветра с трудом разбираю слова Николая: «Как-то после пурги я два месяца не мог из деревни выбраться. Все из-за этого спуска. Старики говорят, что его еще при барине Ржевском сделали». Первой владелицей Мильшиной в конце XVIII века была генеральша Варвара Афанасьевна Бибикина – двоюродная прабабушка жены Пушкина. Ее муж, Илья Богданович, участник нескольких войн, сенатор, тайный советник, тоже мог похвастаться знаменитым родством – его кузина вышла замуж за Кутузова.

В 1840 году имение купила капитанша Екатерина Алексеевна Ржевская. По наследству оно перешло к ее среднему сыну, Петру Семеновичу Ржевскому. Тот не стал мелочиться. На месте старого дома с разрешения Николая I построил точную мини-копию Зимнего дворца. В особняке было 19 комнат, огромные окна и двери с мраморными арками, узорчатые паркетные полы, в зале – вращающаяся стена с полками, на которых стояло серебро и старинная посуда...

Открыл братьев Ржевских для современников историк и археолог Роман Клянин. Он нашел рукописные воспоминания Надежды Ржевской, старшей дочери Петра Ржевского. Тщательно изучив их, Роман предположил, что брат ее отца, Сергей Семенович Ржевский, был прототипом легендарного поручика Ржевского.

Страница из дневника
Надежды Ржевской, старшей дочери
Петра Ржевского

Прочитав тетради Надежды Петровны, я решила, что ее отец, Петр Ржевский, несправедливо обойден вниманием и также должен участвовать в конкурсе претендентов на роль поручика Ржевского. Он учился в Школе гвардейских подпрапорщиков в Петербурге. В 1836 году поступил на службу офицером в лейб-гвардии Преображенский полк. Храбро сражался с горцами на Кавказе. Через семь лет дослужился до поручика и был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Вышел в отставку в чине штабс-капитана. Пил, кутил, играл в карты. Наделал долгов и так в них увяз, что пришлось женить его на богатой невесте, Екатерине Волконской. В браке родилось шестеро детей. Но образ жизни наш герой не поменял. «Паркетный ловелас» и «блестящий кавалер» – так звали его в свете – продолжал жить на всю катушку и прожигать состояние жены. Петр Семенович получил в наследство имение в Мильшине

и с гусарским размахом начал его перестраивать. Сломал старый дом. И со всем скарбом, семейством и прислугой как снег на голову приехал пожить (на год с лишним) к родне во Власьево. Наконец особняк достроили, и семья вернулась в Мильшино. Денег не было. Топить нечем. В доме – прачечная, а прачку содержать не на что. Холод и голод. Пришлось Петру Семеновичу «устраиваться на

Фото Петра
Семеновича
Ржевского
из экспозиции
Веневского
краеведческого
музея

работу» на должность уездного исправника.

Его брат, Сергей Ржевский, тоже был неординарным человеком. Любил цветы, фейерверки и музыку. Маменька сочла это зазорным и пристроила сына в гвардию. Чадо не оправдало ее надежд. Сергей Семенович служил год и три месяца и большую часть службы просидел под арестом за шалости. Как-то на обедне в женском монастыре он так близко встал позади хорошенькой молодой монашки, что при поклоне упирался лбом ей в спину. Она несколько раз отходила, но он опять становился сзади. Игуменья велела вывести Ржевского из церкви. Две монахини взяли его под руки и повели. Выйдя из церкви, Сергей Семенович прижал монашек к себе и побежал, потащив бедных женщин за собой. Публика хохотала и аплодировала. Монахини, не успевая за ним, падали, а он их все тащил и пел: «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой». На следующий день об этом написали все газеты.

Как-то Сергей Семенович отправился в маскарад. Изготовил из картона костюм печки, разделся и залез туда голый. Спереди сделал затоп, сзади – отдушник. На них написал: «Не открывайте

печку, в ней утар». Конечно же, все открывали и видели... Одни конфузились, другие плевались или хохотали. И этот скандал также попал в газеты. Последней же каплей стала брошенная под ноги начальства хлопушка из грецкого ореха. Начальство чуть не упало в обморок. Сергея Семеновича признали негодным к службе и велели маменьке забрать сына домой.

Его решили женить и уговорили посвататься к хорошенькой, но бедной барышне. Жениха нарядили: фрак, узкие панталоны, белый жилет и галстук. Дали дедушкину ильковую шубу и тройку лошадей с серебряной сбруей. Маменька, женщина суеверная, положила ему в задний карман брюк две корочки черного хлеба – на счастье. Приехав к невесте, Сергей Семенович разволновался, пот выступил у него на лбу. Он выхватил носовой платок из кармана, и две корочки упали на пол. Девушка рассмеялась. Жених так сконфузился, что схватил шубу и выскочил из дома. Больше он и слышать не хотел о женитьбе, так и умер холостяком.

От некогда роскошного имения в Мильшине осталась полуразрушенная церковь. Около нее – брошенное старое кладбище. Здесь и был погребен Петр Ржевский в 1900 году. Я брожу по поясу в снегу среди покосившихся крестов и мрачных камней, пытаюсь найти его могилу, но безрезультатно.

Говорят, его брат, Сергей Семенович, похоронен у стен Веневского монастыря и там видели могильную плиту с его именем. Монахиня Елисавета охладила мой пыл: «Никаких документов об этом нет. Около храма есть старые могилы, но чьи они – мы не знаем. На них нет надписей, только выбит крест. Скажите, а кто это поручик Ржевский? К нам приезжают, спрашивают, а кто он – мы не знаем».

А может быть, и правда его могила не там? Некоторые краеведы считают, что Сергей Ржевский с годами остепенился и остаток жизни провел в имении

Во время съемок «Гусарской баллады» Покровскую церковь в имении Удино «загримировали» под дом отставного майора Азарова

Власьево. Развел там замечательный парк, на который приезжали любоваться даже великие князья.

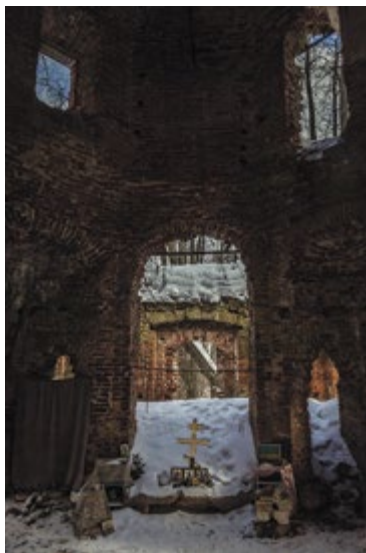
Из Тульской области перемещаясь в Луховицкий район Московской области. Мой гид по Власьеву Игорь Морозов, член Союза писателей, полковник КГБ в отставке. «Раньше вид отсюда был как в Швейцарии, – рассказывает он. – Деревня, а за ней на высоких холмах виднелась усадьба, обнесенная трехметровой белой стеной из известняка. Каменные ступеньки спускались к реке, везде стояли мраморные скамейки». По праздникам Ржевские выносили самовары, баранки и буб-

лики, открывали ворота, и желающие могли посмотреть на имение. И было на что. В оранжерее росли экзотические растения, в роскошном дендрарии возвышались двуглавые сосны, лиственницы, кедр, дубы и редкие деревья, располагался зверинец, были водопады и пруд с лебедями. «После 1917 года имение растащил народ под руководством моего деда, – продолжает Игорь Морозов. – Люди были неграмотные. Все пожгли и уничтожили. А то, что уцелело, разобрали в 60-е годы прошлого века. Кирпича не было. Камень с усадьбы пошел на фундаменты – все старые дома у нас стоят на этом известняке».

В Спас-Дошатом, недалеко от Власьева, при храме еще с петровских времен было кладбище. Сейчас от него ничего не осталось. Кресты сгнили, все заросло деревьями. Возможно, там были похоронены Ржевские... Игорь Морозов не стал меня разубеждать: «Моя бабушка рассказывала, что после войны от церкви остались одни стены и ободранный купол. Был большой паводок, грунтовые воды размывали почву, и посреди не храма всплыл гроб с каким-то князем. Кто это был, никто не знает. Может, ваш поручик».

С историей, вернее, с ее описанием Власьево не везло. Две

Руины Покровской церкви в бывшей усадьбе князя Долгорукова Удино

Венев-Никольский монастырь, на кладбище которого, говорят, похоронен Сергей Ржевский

рукописи вместе с уникальными фотографиями пропали после смерти авторов. Одним из них был Юрий Ермаков. Я разыскала его брата – Виктора Ермакова. «Когда-то тут склеп стоял. Чей – не знаю, – рассказал он. – Может, Ржевских или тех, кто был до них. Там сейчас помойка. В 1958 году одному мужику кирпич понадобился, он склеп и разобрал. Долго ломал и сильно ругался: «Слепили! Не сломаешь!» Слева от склепа рос старый дуб. Ствол – с метр толщиной. Свалило ветром в этом году». Мы не обнаружили документальных подтверждений того, что парк во Власьево посадил Сергей Семенович Ржевский. Но это утверждает народная молва. Сейчас дендрарий гибнет, за ним никто не ухаживает. Падают вековые деревья, зарастают аллеи. Часто между ними бродят люди с металлоискателями – бытует легенда, что Ржевские все, что не смогли увезти, закопали. Недавно парк хотели вырубить и застроить домами. Местные жители отстояли. Пока.

ВЕРСИЯ ПОСЛЕДНЯЯ, АКАДЕМИЧЕСКАЯ

«Сюжеты анекдотов существуют издавна. В фольклоре всегда были безымянные образы военных пошляков, – говорит доктор филологических наук, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Алексей Шмелев. – Например, ходили анекдоты про гусар или корнета и старого генерала. После выхода фильма «Гусарская баллада» образы присвоили имя, и он стал называться поручиком Ржевским». Анекдот – это устный жанр, и для него очень важны способ говорить и манера поведения персонажа, которые можно легко воспроизвести. Именно поэтому большинство героев анекдотов и восходят к фильмам. Есть версия, что анекдоты про поручика Ржевского возникли в 70-е годы прошлого века. Картины «Гусарская баллада» и «Война и мир» сняты в разное время. Одна – в 1962 году, другая – в 1967-м. Но имеет значение не время создания и

выхода фильма на экраны кинотеатров, а когда его показали по телевизору. Возможно, «Гусарская баллада» и «Война и мир» шли одновременно или почти одновременно. В сознании людей родились какие-то ассоциации, и так появились анекдоты про поручика Ржевского и Наташу Ростову. «Скорее всего, анекдоты рождает телевидение, потому что оно входит в каждый дом. И совершенно не важно, что показывают – художественный фильм или телепередачу, – говорит Алексей Шмелев. – Главное, что, с одной стороны, многие смотрят – это массовость, и с другой – то, что смотрят все одновременно». Поэтому, в принципе, мы можем считать временем рождения анекдота дату показа по телевидению. Но это не обязательно должен быть первый показ, может быть и второй, и третий. Сейчас анекдоты про поручика Ржевского продолжают рождаться, но пик их активности прошел. Появятся ли новые – покажет время. ■

Ф.Н. Рисс.
Портрет князя
Д.В. Голицына.
1835 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

УСТРОИТЕЛЬ МОСКВЫ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

«СЛУЖИЛ ОТЕЧЕСТВУ 50 ЛЕТ И БЫЛ МОСКОВСКИМ ВОЕННЫМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ 24 ГОДА 2 МЕСЯЦА 21 ДЕНЬ». ЭТИ СЛОВА ВЫСЕЧЕНЫ НА НАДГРОБНОЙ ПЛИТЕ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ГОЛИЦЫНА В НЕКРОПОЛЕ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ. ХОТЯ ЭПИТАФИЯ МОГЛА БЫ БЫТЬ БОЛЕЕ ВЫСОКОПАРНОЙ, ПРИЧЕМ ВПОЛНЕ ЗАСЛУЖЕННО. ВЕДЬ ИМЕННО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПРИНЯЛ УПРАВЛЕНИЕ МОСКВОЙ, ЕДВА ОПРАВИВШЕЙСЯ ОТ ПОЖАРА 1812 ГОДА, И СУМЕЛ НЕ ТОЛЬКО ВОЗРОДИТЬ, НО И ЛУЧШЕ ПРЕЖНЕГО УКРАСИТЬ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНУЮ.

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛИЦЫН происходил из старинного княжеского рода и, как указывает его биография, был «потомком по мужскому колену в семнадцатой степени первого и славного великого князя литовского Гедимина, который жил в конце XIII и в на-

чале XIV века, и которого дочь, в крещении Анастасия, была первою супругою великого князя Симеона Иоанновича Гордого». Родился будущий устроитель Москвы в 1771 году в имении Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии. Это была вотчина графов Чернышевых (см.: «Русский мир.ru» №11 за

2016 год, статья «Резидент, любезный сердцу». – Прим. ред.), из которого происходила мать Дмитрия Голицына. Кстати, его предки со стороны матери управляли Москвой в XVIII веке: прадед, сподвижник Петра I Григорий Петрович Чернышев, был московским генерал-губернатором в 1730–1735 годах, а брат деда, маршал Захар Григорьевич Чернышев, занимал тот же пост в 1782–1784 годах.

А вот отец нашего героя, князь Владимир Борисович Голицын, мог похвастать лишь скромной должностью бригадира: это чин V класса, между полковником и генералом. Зато был весьма богат. Мать – Наталья Петровна, урожденная графиня Чернышева, по легенде, являлась прототипом старой графини в «Пиковой даме» Александра Пушкина. Она тоже была очень богата: от отца, графа Петра Чернышева, унаследовала более 21 тысячи десятин земли с крепостными крестьянами в Орловской губернии. «Княгиня Наталья Петровна <...> кроме того, что женщина от природы очень умная, была и великая мастерица устраивать свои дела, – писала в мемуарах о жизни дворянской Москвы современница Голицыной Елизавета Янькова. – Муж ее <...> очень простоватый был человек, с большим состоянием, которое от дурного управления было запутано и приносило плохой доход. Чтob устроить дела, княгиня Наталья Петровна продала половину имения, заплатила долги и так хорошо все обделала, что когда умерла, почти что ста лет от роду, то оставила с лишком шестнадцать тысяч душ».

Место рождения
Д.В. Голицына –
имение
Ярополец графов
Чернышевых

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВОЕННАЯ СТЕЗЯ

С 11 до 18 лет Дмитрий Голицын жил и обучался во Франции. Таково было желание его матери – дочери известного дипломата. Сама Наталья Петровна родилась в Берлине, где в то время служил ее отец, позже она подолгу жила в Париже, блистая при французском дворе.

По дворянской традиции Дмитрия готовили к военной службе: сразу после рождения он был записан в лейб-гвардии Преображенский полк унтер-офицером. Отправившись за границу, молодой Голицын учился военному ремеслу сначала в Страсбургской академии, а затем в Парижской офицерской школе. «Он преимущественно любил науки точные, и с редким, постоянным усердием занимался математикой», – отмечается в его биографии.

В Россию молодой князь вернулся в 1789 году и поступил на службу в Конный лейб-гвардии полк. В армии он прослужил (с небольшим перерывом в 1809–1812 годах. – **Прим. ред.**) до 1814 года. Воевал под началом Александра Суворова в конце XVIII века, участвовал в европейских кампаниях 1805–1806 годов, сражался в войне со шведами в 1808–1809 годах. Полковником он стал уже в 1796-м, а спустя два года получил звание генерал-майора.

В битве с Наполеоном при Прейсиш-Эйлау в 1807 году князь Голицын уже в чине генерал-лейтенанта командовал всей кавалерией. Современники отмечали, что Дмитрий Голицын «собственным примером одушевляя воинов, <...> не раз сам водил колонны свои в атаку и являл образец как личной храбрости, так и присутствия духа».

В войну 1812 года 41-летний Голицын командовал конницей Второй Западной армии, а в Бородинской битве – кавалерией левого фланга и сам водил войска в атаку. Он чудом уцелел, когда под ним убили лошадь...

Заслуженный генерал мог спокойно уйти на покой. Однако в январе 1820 года 50-летний князь был назначен на должность генерал-губернатора Москвы.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Л.-П.-А. Бишебуа
и С.-Ф. Дитц.
Лубянская
площадь.
Из серии
«Виды Москвы».
1840-е годы

ИЗ ПЕПЛА ПОЖАРА

Дмитрий Владимирович принял Первопрестольную в тот момент, когда город еще практически лежал в руинах после пожара 1812 года. Именно при нем Москва была восстановлена и отстроена заново. Масштаб работ станет яснее, если напомнить, что во время пожара сгорело две трети из 9 с лишним тысяч московских домов.

«Комиссия для строений в Москве», учрежденная в 1813 году для восстановления и перепланировки города, проработала тридцать лет, 23 из которых пришлось на время правления Голицына. Благодаря де-

ятельности «Комиссии» была установлена строгая архитектурная регламентация и надзор за строительством, что позволило придать архитектурное единство центру Москвы. К 1830 году в городе насчитывалось уже почти 10 тысяч домов, из которых 6,5 тысячи было восстановлено на местах пожарищ (главным образом на средства самих обывателей с дотацией от казны в размере 10 процентов стоимости. – **Прим. авт.**). К 1842 году в Москве было уже 12 тысяч домов. К восстановлению и строительству города князь привлек лучших архитекторов своего времени, включая Осипа Бове и Доменико Жилярди. Именно в губернаторство Голицына была завершена разбивка Александровского сада на прежде заболоченном месте и создана Петровская (сейчас Театральная) площадь у Большого театра. В 1820-е годы – в первое десятилетие правления Голицына – в Москве были упорядочены бульвары, устроены площади на Садовом кольце, возведены триумфальные ворота у Тверской заставы в память о героических победах

Княгиня
Наталья Петровна
Голицына.
Портрет работы
В.Л. Боровиков-
ского

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

русских войск над Наполеоном. В те же годы по проектам Жилярди и Григорьева было построено великолепное здание Опекунского совета (ныне – здание Российской академии медицинских наук, ул. Солянка, 14а. – **Прим. авт.**), занимавшегося попечением о незаконнорожденных детях и сиротах, которых определяли в Воспитательный дом, к кормилицам, выделяли денежные пособия.

Голицын первым из московских руководителей обратил внимание на плохое освещение улиц, реформировал пожарную команду, придумал устройство водоразборных фонтанов в разных частях города (ранее воду возили из Москвы-реки или с Пресни, где были ключи. – **Прим. авт.**). При нем же началась облицовка набережной Москвы-реки гранитом – для предотвращения обрушений берега и наводнений. Кроме того, приступили к строительству постоянных мостов вместо прежних – временных и наплавных, убравшихся во время сильного ледохода.

В губернаторство Голицына развивалась благотворительность: были открыты Набильковская и Маросейская богадельни, в 1837 году начал действовать Комитет по разбору и призрению просящих милостыни. Не менее активно князь занимался вопросами здравоохранения и образования: при нем было открыто немало начальных училищ, куда принимали детей с шестилетнего возраста, а также три новые городские больницы. Причем одна из них стала первой детской больницей в Москве. Она была построена в память супруги генерал-губернатора Татьяны Васильевны Голицыной (урожденной Васильчиковой), умершей в 1841 году. Дмитрий Владимирович Голицын прослужил генерал-губернатором Москвы 24 года, и, по общему признанию, его управление принесло городу много пользы. Отношение москвичей

Ж.-М. Риддер.
Вид части руин,
образовавшихся
из-за взрыва
бомбы
в Московском
Кремле
при отступлении
французов
вечером
18 октября.
1814 год

к Голицыну было выражено в некрологе на смерть князя: «Его не столько любили как начальника, сколько как человека; более и выше этого, мудро что-нибудь прибавить к его достоинствам!»

При императоре Николае I Голицын был награжден всеми высокими знаками отличия: орденом Андрея Первозванного с алмазными знаками, портретом государя, бриллиантовыми эполетами и титулом светлейшего князя.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ВЕЛЬМОЖА

«Князь был видный мужчина довольно высокий ростом, с величественной осанкой, имел прекрасные черты лица и прекрасный цвет, из первого взгляда можно было узнать в нем приветливого, доброжелательного вельможу» – так описывала внешность Дмитрия Владимировича соседка Голицыных по подмосковному имению. Известно также, что князь был очень близорук, но очки не носил, предпочитая пользоваться лорнетом.

У супругов Голицыных родились две дочери. Кроме того, княжеская чета взяла на воспитание двух внебрачных дочерей-сирот скончавшегося старшего брата князя – Бориса Владимировича.

По свидетельству современников, Голицын «хорошо знал иностранные языки и очень плохо русский, так что когда сделавшись московским генерал-губернатором и ему приходилось говорить где-нибудь речи, он сам составлял их для перевода на русский язык и почти затверживал, чтоб суметь прочесть по бумажке». Впрочем, встав во главе Москвы, он научился хорошо говорить по-русски.

Вопреки своему титулу и положению Дмитрий Владимирович жил весьма скромно. Его мать

Ж.-Б. Арну. Дом генерал-губернатора на Тверской улице.
Из серии «Виды Москвы».
1840-е годы

до самой смерти держала все семейное имущество в своих руках. Сыну Дмитрию при женитьбе было дано только имение Рождествено в Московской губернии со 100 крепостными (сейчас Рождествено в Дмитровском районе). Основное наследство – земли с 16 тысячами крепостных – князь получил после смерти матери, когда ему было 66 лет от роду. А пережил он родительницу только на шесть лет. Любопытно, что когда Голицын стал руководить Москвой, то основным источником его дохода было пособие от его матери – то есть часть дохода с родовых имений, откуда продавались сельскохозяйственная продукция и изделия фабрик. Но пособие это было невелико. Как вспоминала Елизавета Янькова, «княгиня Наталья Петровна самовластно всем заведывала, дочерям своим при их замужестве выделила по 2000 душ, а сыну выдавала ежегодно по 50 тысяч рублей ассигнациями». Так что генерал-губернатору Москвы зачастую не хватало денег на поддержание соответствующего образа жизни: «Будучи начальником Москвы, он не мог жить, как частный человек, и хотя получал от казны на приемы и угощения, но этого ему не доставало и он принужден был делать

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

долги». Об этом стало известно императору Николаю I, который сказал старой княгине Голицыной, что ее сын-губернатор нуждается и хорошо было бы, если бы она давала ему больше денег из дохода с имений. Только после этого Наталья Петровна увеличила пособие сыну до 100 тысяч в год ассигнациями. Таковы были нравы эпохи: царь не считал возможным увеличивать содержание генерал-губернатора за счет казны, а сыну было неудобно просить у матери увеличить ту сумму, которую она решила ему давать. Многие отмечали деликатность князя Голицына. В Москве, к примеру, была известна следующая история. Старый камердинер, служивший Дмитрию Владимировичу, любил выпить. Князь, бывало, бранил слугу за

Дж. Доу. Князь Д.В. Голицын. Из Военной галереи Зимнего дворца, созданной для прославления генералов – героев войны 1812 года

К.К. Гампельн. Закладка Москворецкого моста. 1830 год

это, но тот все равно частенько бывал под хмельком. Когда вечером Голицын уезжал в театр или на бал, то всех слуг отпускали, и только швейцар и камердинер должны были дожидаться его возвращения. По возвращении князя последний должен был помочь ему раздеться и отправиться ко сну. «Как-то раз, возвратившись домой довольно поздно, – пишет в мемуарах Янькова, – князь звонит, – камердинер не идет; немного погодя князь звонит еще, никто не является, звонит еще, и все никого нет. Князь идет в соседнюю комнату и находит своего слугу мертвецки пьяного лежащим на полу. Князь никого из людей не потревожил, разул, раздел старого слугу своего и уложил его в постель, сам пошел к себе в спальню и разделся совершенно один. Проснувшись поутру, камердинер припомнил вчерашнее и, зная, что он был пьян и дожидался князя, никак не мог понять, как он вдруг очутился в своей постели, разутый и раздетый. Встав, он отправился допрашивать прочих слуг: кто встречал вчера князя? Говорят: швейцар. Кого звал еще князь? Отвечают: никого. Это старика ужасно тронуло. Он со слезами просил прощения у князя, дал себе клятву никогда более не пить и, действительно, с тех пор никогда уже не напивался».

Дмитрий Владимирович сильно тосковал после смерти любимой супруги и пережил ее только на три года. В конце жизни он страдал от мочекаменной болезни – в Париже ему сделали несколько операций и разбивали камень, там он и скончался в марте 1844 года.

Его погребение в Москве было необыкновенно торжественным. Как писала современница, это было последнее народное выражение всеобщей любви: «не лезть пред могучим вельможей, а всеобщая народная печаль и благодарность» за все его добрые дела. ❀

* Автор – доктор исторических наук.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЖИЗНЬ ЗА КУЛИСАМИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ВООБЩЕ-ТО ЕГО СОБИРАЛИСЬ НАЗВАТЬ ИВАНОМ. И ТОГДА БЫ ОН БЫЛ ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ ИВАНЫЧЕВЫМ. НО ТУТ ВОСПРОТИВИЛАСЬ МАМА БУДУЩЕГО АКТЕРА. И НАЗВАЛА ЕГО ЕВГЕНИЕМ. А ПРОИЗОШЛО ЭТО В МОСКВЕ В 1937-М. ПОЭТОМУ ЕВГЕНИЙ ИВАНЫЧЕВ СЧИТАЕТ СЕБЯ МОСКВИЧОМ, ХОТЯ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ ПРОЖИЛ В РИГЕ...

Б ОЛЕЕ ПОЛУВЕКА НА-родный артист Латвии Евгений Иванычев служит в Рижском русском театре им. Михаила Чехова. За весомый вклад актера в популяризацию русской культуры и его бережное отношение к традициям русского классического и современного театра посол РФ в Латвии Евгений Лукьянов выразил благодарность нашему соотечественнику к его юбилею. А на сцене «Общества свободных актеров» (театр «Оса») при аншлагах прошли три бенефисных спектакля с участием «динозавра» сцены, как назвал

Евгения Иванычева главный режиссер театра Игорь Куликов. По окончании действия на сцену вышли коллеги актера, некоторые из них вспомнили забавные истории, связанные с героем вечера. А вспомнить было что! Евгений Иванычев всегда считался признанным мастером розыгрышей... По словам Игоря Куликова, если собрать все театральные байки Евгения Ивановича под одной обложкой, получился бы весьма увесистый том – «Записки старого хулигана». На основе этих рассказов и был поставлен в «Осе» одноименный спектакль.

Студент первого курса ГИТИСа Женя Иванычев. 1955 год

ДЕТСТВО НА ВОЛГЕ

...Дебютом Евгения Ивановича в кино была роль хулигана. Его он сыграл, когда учился в начальной школе в Куйбышевe, куда родители Жени эвакуировались вместе с авиационным заводом в начале войны. Впрочем, юному Евгению играть хулигана особенно не пришлось – он просто был им. Поэтому учительница сразу назвала фамилию Иванычева, когда «киношники» пришли к ним в школу снимать фильм про нарушителей правил дорожного движения.

В 10 лет Женя занимался шпангой, баскетболом, волейболом. И был большим мастером на всякого рода детские шалости. Неизвестно, кстати, чем бы эти шалости кончились, если бы не драмкружок при куйбышевском Доме офицеров. Здесь в юном хулигане открыли актерский талант. И поручали ему играть только положительных героев.

Летом почти все свое время он проводил с друзьями на Волге. Послевоенное время было не очень сытное – выручала рыбалка. У юных волжских рыбаков была организована своеобразная детская артель – одни ловили рыбу и раков, другие варили их, поджаривали на прутиках и вялили рыбку. А третьи продавали улов у пивных киосков. Заодно торговали папиросками и сапоги чистили. Все доходы делили поровну...

С того послевоенного времени и до сего дня рыбалка осталась для Евгения Иванычева самым любимым в жизни делом. После актерского ремесла, естественно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МОСКОВСКИЕ СЮЖЕТЫ

После школы он долго и не раздумывая: поехал в Москву и подал документы сразу в пять актерских вузов столицы. И ни в один не попал! Повезло только со второй попытки через год. Женя стал студентом актерского отделения ГИТИСа. Но проучился здесь он лишь один семестр. Попал в студенческие круги, где впервые его познакомили с запрещенной литературой.

– Вызывает меня однажды к себе завкафедрой, – вспоминает Евгений Иванович. – Он был явно чем-то встревожен. Приобнял меня по-отечески и говорит: «Женечка, тобой заинтересовались органы. Тебе лучше уехать домой...» И даже денег дал мне на дорогу. Хотя это был период хрущевской оттепели, но из института нас все-таки исключили.

Обучение он продолжил дома в Куйбышевской театральной студии. Одновременно играл в городском драмтеатре. Однажды в Куйбышев приехал известный мэтр эстрады Июким Шароев, которого считали наставником многих певцы, ставшие знаменитостями, например Иосиф Кобзон и Алла Пугачева. Он набирал концертную бригаду для выступления в Колонном зале в Москве перед партийным руководством. Ему понравился молодой волжский актер. Так Евгений в первый раз в жизни вел концерт, на котором присутствовал сам Никита Хрущев.

После окончания театральной студии его взяли в Театр имени

Пушкина в Москву. Главный режиссер театра Борис Равенских обязал всех молодых актеров после репетиций и спектаклей по очереди провожать домой Фаину Георгиевну Раневскую.

– Я был влюблен в эту изумительную актрису и прекрасную женщину, – рассказывает Евгений Иванович. – Провожал ее по вечерам в течение двух лет, и это были незабываемые дни. Жаль только, что был юнцом, многое еще не понимал и не ценил, поэтому ничего не записывал. А ведь Фаина Раневская была просто кладом всяких историй.

В Москве Иванович познакомился и подружился с другим прекрасным актером, позже трагически погибшим на съемках – Евгением Урбанским. Летом Урбанский приезжал на гастроли в Самару, вместе с Ивановичем они рыбачили на Волге, варили уху на костре.

– Несколько раз мы ходили с Женей в цирк, – говорит Евгений. –

Первые роли, первые кинопробы... Друзья-артисты, коллеги. Иных уж нет, а те далеке...

Там познакомились еще с одной легендой – мимом и клоуном Леной Енгибаровым. На рыбалку ходили вдвоем... А однажды в цирке мы с Урбанским засунули голову в пасть бегемоту! У меня даже фото было... Сблизился в те годы Евгений и с другим ставшим не менее легендарным человеком – Владимиром Высоцким. В Московский театр им. Пушкина он попал сразу после института. В сказке «Аленький цветочек» Высоцкий играл лешего, а Иванович – заколдованного принца. С этим и с другими спектаклями они объездили множество российских и украинских городов.

– Мне очень везло на встречи с прекрасными и интересными людьми, – говорит Евгений Иванович. – В Москве я подружился с дочерью Куприна – Ксенией. Она вернулась из эмиграции, из Франции, привезла интересные книги, кучу литературы и пластинки. У нас был свой небольшой круг, в который входили мы с Володей Высоцким, Борис Чирков с женой и еще несколько людей. Мы много читали, обсуждали новые книги, слушали песни, спорили...

ИГРАЙ, БАЯН!...

После Москвы Иванович несколько лет работал в Горьковском (Нижегородском) театре. Здесь он подружился с директором филармонии, который познакомил молодого актера с опальным в те годы музыкантом Мстиславом Ростроповичем, приехавшим в Горький на гастроли.

– На прощальном банкете в узком кругу он нам рассказывал, как недавно побывал на гастролях в Сибири. Ростроповичу разрешили дать там несколько концертов в самых отдаленных районах. Приезжает он в какой-то сельский клуб, а там даже пианино нет. Спрашивает, кто же ему будет аккомпанировать. Ему говорят: да вон у нас баянист есть – нотам не обучен, но на слух сыграет все, что хочешь. Делать нечего – так и начали они вместе играть. Ростропович на виолончели, а баянист – «на слух». Вдруг из зала поднимается на сцену огромный сибиряк, кладет

На сцене Рижского театра в трагедии Дмитрия Мережковского «Царевич Алексей»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Ростроповичу руку на плечо и вежливо так говорит: «Мужик, дай баян послушать, а?»...

Из Горького актерская судьба забросила Евгения в 1965 году в Ленинград. Он стал актером Театра им. Ленинского комсомола. И параллельно начал сниматься в кино. Именно кино сыграло в судьбе героя нашего рассказа огромную роль...

В тот день он летел на съемки фильма по Олимпиаду. Захватывающая история про спортсменов разворачивалась на берегу рижского городского озера, где Иwanyчев должен был играть одного из гребцов. Самолет набрал высоту, и к пассажирам вышла... она. Когда темноглазая рижанка Яна шла по салону, все мужчины провожали ее глазами. Евгений узнал ее номер телефона, пригласил на свидание. Их роман длился два года, которые влюбленные провели в основном в полетах. Потом была свадьба в Латвии. Яна отказалась переехать к нему. В конце концов Рига тоже не была последним городом, к тому же здесь был замечательный Театр русской драмы. И вскоре Евгения Иwanyчева зачислили в рижскую театральную труппу, которую в те годы возглавлял режиссер Аркадий Кац.

КАЦ И «КАЦАНЯТА»

Практически сразу же новичок сыграл главную роль в дуэте с Ниной Незнамовой в спектакле «Варшавская мелодия». Успех был грандиозный, на Иwanyчева и Незнамову публика валом валила. Потом был Васьков в пьесе «А зори здесь тихие», Лукашин в комедии «Однажды в новогоднюю ночь» и еще десятки самых разных ролей.

Евгений Иwanyчев за полвека актерской жизни сыграл в театре более ста ролей и около пятидесяти – в кино. Наиболее известные фильмы с его участием: «Три дня на размышление», «Следствием установлено», «Будьте моей тещей!», «Фанат-2». В 1976 году ему было присвоено звание «заслуженный артист республики», в 1983-м – «народный артист Латвийской ССР»...

С Раймондом Паулсом и другом, бывшим рижанином, киноактером Андреем Ильиным

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– Почти двадцать лет я работал в Рижском театре под руководством замечательного режиссера Аркадия Каца, – рассказывает Евгений Иванович. – Его по праву считали одним из лучших режиссеров бывшего Союза. Это было прекрасное время. Я даже придумал для нашей группы актеров название – «кацанята». Ими были и Марк Лебедев, и Нина Незнамова, и Людмила Голубева, и Родион Гордиенко, и Ирина Егорова... Когда у них с женой в 1970 году родилась дочка Лада, Яна оставила работу стюардессы. А Евгений играл на сцене, ездил на гастроли и съемки по всему Союзу. Зимой в Латвии он на несколько дней превращался в Деда Мороза. Его по праву считают самым старым Дедом Морозом Риги и ее окрестностей. Менялись только Снегурочки... Он сам писал сценарии праздников, сочинял и пел куплеты.

– В те годы ритм жизни у нас был напряженный, – рассказывает Евгений Иванович. – На гастролях, бывало, за два месяца отработывали по 70 и более спектаклей. Как-то мы с Яной под считали, что я в году по восемь

месяцев не был дома. Иногда получалось так: завтракал в Риге, обедал в Одессе, ужинал в Ленинграде. Утром завтракал в Москве, а обедал уже снова в Риге. Даже если это некоторое преувеличение, то все равно очень близко к правде жизни. Да большинство актеров так жили...

Но на все гастроли и киносьемки он всегда брал с собой рыболовные снасти. Многие знают Евгения Иwanyчева не только как актера, но и как специалиста по рыбной ловле. Одно время он вел свою авторскую передачу на телевидении «Рыбак рыбаку», а еще писал рыбацкие байки в рижские газеты.

Самый большой его личный рекордный улов – 6-килограммовая щука. Правда, поймал он ее не в заморских краях, а у себя на хуторе.

МИХАЛКОВ, ВЫСОЦКИЙ, АРТМАНЕ...

В начале 80-х годов актеры Рижского театра на гастролях в Днепропетровске жили в одной гостинице со съемочной группой Никиты Михалкова, который снимал здесь фильм «Родня». Договорились сыграть в футбол. Евгений Иwanyчев был судьей. И во время футбольного матча так разозлил Михалкова, что тот подлетел к нему и в запале крикнул: «После игры я тебе морду набью!»

После матча все пошли в гостиницу мыться и переодеваться, а Никита Михалков – на пробежку. 5 километров по набережной. После отдохнувший Иwanyчев подошел к нему: «Вот, пришел тебе морду подставлять». Остывший после пробежки кинорежиссер махнул рукой и предложил пойти в бар – распить мировую. Потом он подарил актеру свою фотографию с надписью «Учись судить!»...

– Михалков оказался очень компанейским человеком, без всяких признаков звездной болезни, – уверяет Евгений Иванович. – Бывало, на общих посиделках мы могли спорить чуть ли не до рассвета, но в шесть утра Никита всегда выходил на пробежку – ни разу не пропустил! Уже за одно это его многие уважали. А когда съемки закон-

История о том, как футбол чуть не рассорил центрального нападающего Никиту Михалкова и судившего матч рижского актера Евгения Иwanyчева (справа). 1980 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

чилились, он пригласил всех на банкет – никого не забыл...

...Однажды на гастролях в Ростове-на-Дону его поселили в одном гостиничном номере с Владимиром Высоцким. Это было начало 70-х, когда Владимир Семенович еще не был всенародно любимым актером и бардом. Высоцкий получил гонорар за съемки и суточные – довольно внушительную сумму, и оба молодых актера решили поехать на речку искупаться, а потом пообедать. Ростов, Дон, жара, городской пляж... Актеры разделись, аккуратно сложили на берегу брюки, рубашки, туфли. Минут пятнадцать плавали и ныряли, наслаждаясь прохладой и свежестью. А когда вышли из воды, обнаружили, что их вещи исчезли! Молодые люди кинулись за помощью к дежурившему неподалеку милиционеру. Он поднял москвичей на смех: кто ж в Ростове хорошие вещи без присмотра оставляет? С трудом актеры уговорили его отвезти их в гостиницу на милицейском уазике. Потом еще два месяца им пришлось жить впроголодь...

– Спустя несколько лет мы с Володией встретились в Харькове, – рассказывает Евгений Иванович. – Я был на гастролях нашего театра и спешил на вечерний спектакль, как вдруг у входа в гостиницу встретил Высоцкого с какой-то маленькой, худенькой светловолосой женщиной, одетой в клетчатую рубашку. Он нас познакомил, это была Марина Влади, чуть живая после трудного перелета... Узнав, что они хотели передохнуть, а в гостинице нет свободных мест, я им отдал ключи от своего номера. Вернувшись поздно ночью, в номере я уже никого не застал. Володя уехал, оставив мне записку на столе: «Женя, спасибо от меня и поцелуй от Марины!»... Этот поцелуй губной помадой под автографом Высоцкого он хранил как талисман долгие годы, пока однажды эта записка таинственным образом не исчезла из кармана его пиджака вместе с портмоне...

...С Вией Артмане Евгений снимался вместе в кинофильмах

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Рижской киностудии – «Следствием установлено» и «Три дня на размышление». Любимая многими актриса к нему относилась по-матерински, называя ласково: «Женечка». В перерывах Вия Артмане любила попить чай. А Евгений обычно добывал по ее просьбе кипяток на площадке. У Артмане это слово получалось с мягким латышским акцентом – «кипьяток». Коллеги потом еще долго по-доброму подсмеивались над молодым актером, называя его «Женя-кипьяток»...

С Раймондом Паулсом познакомились тоже благодаря кино. Композитор писал музыку к кинофильмам, в которых играл Иванычев. В фильме «Будьте моей тещей» ему досталась главная роль – робкого ветеринара из провинции Андриса, который попадает в различные драматичные коллизии. Его партнершей была популярная латвийская актриса и красавица Мирдза Мартинсоне. А музыку к картине писал Раймонд Паулс. Они часто встречались на киностудии на озвучивании фильма. Помимо работы актера и композитора объединяла еще и страстная любовь к рыбалке. Был короткий период в первые годы восстановления независимости Латвии, когда популярный композитор был министром культуры. В это время Театр русской драмы остался без своего руководителя, так как Аркадий Кац уехал в Москву. При встрече с министром Паулсом Иванычев посоветовал ему назначить новым директором театра Эдуарда Цеховала, заверив, что лучшую кандидатуру на эту должность

В театре «Оса» с женой Яной и партнером по сцене Арнисом Лицитисом. Рига. 2017 год

не найти. Так или иначе, но Цеховал действительно стал руководителем театра, который возглавлял без малого тридцать лет. И лишь недавно ушел на пенсию...

А вот Евгению Ивановичу уйти в запас пришлось значительно раньше – когда в театре начались нелегкие времена.

ВОСПОМИНАНИЯ, ГРУСТНЫЕ И РАЗНЫЕ...

В начале 2000-х директор театра пригласил к себе ветеранов сцены и предложил им перейти на работу на договорной основе, что в материальном отношении ощутило ухудшало их положение, поскольку оплата начислялась только в случае занятости актера в том или ином спектакле. Некоторые обиделись и ушли на пенсию. Евгений Иванычев, не без колебаний, остался.

Одновременно с уходом в свободное плавание Евгений Иванович начал вести Студию актерского мастерства в Доме журналистов.

С появлением молодежного театра «Оса» театральная жизнь в Риге немного оживилась. А когда в Ригу из Москвы приехал бывший главреж Рижского театра русской драмы Аркадий Кац, чтобы поставить в «Осе» «Дон Жуана», Иванычев был первым актером, кого он позвал для участия в спектакле. Правда, на безгонорарной основе. Но Евгений Иванович согласился и почти год играл в «Дон Жуане» – удовольствия ради. Его участие в жизни вольного театра высоко ценит и руководитель «Осы» Игорь Куликов:

– Мы много играли на сцене с Евгением Ивановичем и вместе много работали. У него какая-то невероятно сумасшедшая органика, он может сыграть кого угодно, и сыграть гениально. Я очень рад, что мои ребята соприкоснулись на сцене с таким талантливым человеком, потому что ни один театральный вуз не может научить актера такому понятию, как видение профессии. Это только можно перенять, когда такие мастера, как Евгений Иванычев, находятся рядом с тобой на одной сцене. В этом, наверное, и есть преемственность поколений. ♡

Портрет
Даниила
Хармса
работы
Алисы Порет.
1939 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОТЕЦ ПОЭТА ИВАН Ювачев в молодости был мичманом на флоте. В начале 1880-х годов он сошелся с народолюбцами и организовал кружок из офицеров Черноморского флота. После перевода в 1882 году на Балтийский флот он поступил в Петербургскую морскую академию, но окончить ее не смог. Его арестовали в 1883-м, приговорили к смерти, но заменили приговор 15-летней каторгой.

Четыре года заключения в Шлиссельбургской крепости привели его к радикальному перелому в мировоззрении: он стал глубоко верующим. После заключения Ювачева отправили на Сахалин, где он работал плотником, а потом заведовал метеостанцией. Чехов в книге «Остров Сахалин» назвал его «человеком замечательно трудолюбивым и добрым». Позже он жил во Владивостоке, затем в Любани под Петербургом, потом ему разрешили вернуться в столицу. На склоне лет он занялся духовными трудами, для публикации которых избрал псевдоним Мирюлюбов.

Со своей будущей женой, 33-летней Надеждой Колюбакиной, Иван Ювачев познакомился в 1902 году. Она окончила Ека-

ВОЗДУШНАЯ СВОБОДА

АВТОР

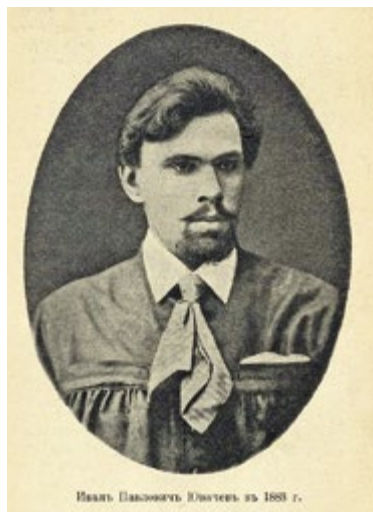
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ХАРМС ВХОДИТ В ЖИЗНЬ РУССКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С ИХ ПЕРВЫХ ЛЕТ – С ВЕСЕЛЫМ ХИХИКАЮЩИМ СТАРИЧКОМ, С МАРШИРУЮЩИМ ОТРЯДОМ – РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ! – С УМОРИТЕЛЬНЫМ ИВАНОМ ТОПОРЫШКИНЫМ И ЕГО ПУДЕЛЕМ. СТАНОВЯСЬ СТАРШЕ, МЫ ОТКРЫВАЕМ ДРУГОГО ХАРМСА – СЛОЖНОГО, ЯЗВИТЕЛЬНОГО, НЕПОНЯТНОГО. НО ПЕРВОГО ЛЮБИТЬ НЕ ПЕРЕСТАЕМ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги И.П. Ювачева
«Шлиссельбургская крепость».
1907 год

Иван Павлович Ювачев,
отец писателя. 1883 год

Надежда
Ивановна
Ювачева
(урожденная
Колюбакина),
мать писателя.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

терининский институт благородных девиц и возглавляла Ольденбургский приют для женщин, вышедших из тюрьмы. В приюте у нее была казенная квартира, где и поселилась семья Ювачевых. Детей у них было четверо, но первенец умер совсем маленьким. Из оставшихся старшим был Даниил, родившийся в 1905 году. Его сестра Наташа умерла шестилетней в 1918 году от дизентерии, а вторая сестра, Елизавета, дожила до 1992 года.

Иван Павлович стал банковским ревизором; работа была связана с постоянными разъездами, с семьей он общался в основном по переписке. В одном из писем жена писала ему про пятилетнего Даню, что он «врет много», что он «ужасно занят книгами», но она не позволяет ему много читать, а то потом он «во сне болтает».

Семья была религиозной, и мальчик с детства привык молиться и ходить в церковь; веру он сохранил и во взрослом возрасте. Читать и писать он научился около 5 лет. Начальное образование получил дома. В 1915 году Даня поступил в школу, но какую – неизвестно; эту школу распустили во время революции, и в 1917 году мальчик был зачислен в третий класс реального училища в составе немецкой школы Петришуле – одной

из лучших в Петрограде. Учился Даня плохо, отличаясь разве что примерным поведением. При этом, как вспоминали его гимназические товарищи, он любил дурачиться. «Под каменной лестницей дома, в котором жила семья Ювачевых, он поселил воображаемую любимую «муттерхен» и вел с ней долгие беседы в присутствии пораженных соседей

Даня Ювачев.
Около 1912 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

или школьных приятелей», – пишет биограф поэта Валерий Шубинский.

Тетка Дани, Наталья Ивановна Колюбакина, директор и учитель русского языка Царскосельской Мариинской женской гимназии, писала в 1916 году сестре, что «Данила... пишет какую-то сказку для Наташи – произведение собственной фантазии».

Спасаясь от голода в Петрограде, Ювачевы в 1918 году уехали в Саратовскую губернию, на родину матери. В 1919-м вернулись в Петроград. Лето Даня провел у тетки в Детском (бывшем Царском) Селе. Родители смогли найти работу и при новой власти: мать устроилась в Боткинскую больницу кастеляншей, отец – бухгалтером сначала на электромельнице, а затем на Волховстрое. Даня вернулся в Петришуле, а кроме того, в 1920–1921 годах числился подручным монтера в Боткинской больнице.

Учился он по-прежнему посредственно и в 1922 году был вынужден оставить Петришуле. Доучивался под присмотром тети в Детскосельской школе и окончил ее в 1924 году. Его одноклассница М.П. Семёнова-Руденская запомнила его высоким, совсем взрослым молодым человеком, одетым в коричневый костюм; уже тогда он носил брюки до колен и гольфы. Из жилетного кармана свисала часовая цепочка, на ней висел акулий зуб. Даня пел по-немецки басом популярную песенку «Мама, мама, что мы будем делать» и отбивал чечетку. Впрочем, по словам мемуаристки, «он жил в своем мире, в нем шла какая-то внутренняя работа. Мрачноватый, замкнутый, немногословный, он... часто, закулив трубку, распахнув пиджак и засунув руки в карманы, стоял так, оглядывая класс, как казалось, несколько свысока».

Стихи он начал писать еще в Детском Селе. Дошедшие до нас первые стихотворения уже отличают особый, харм-

совский абсурд и внимание к форме, к звуку – стихотворения явно рассчитаны на чтение вслух. Уже в 1921–1922 годах появляется псевдоним Хармс, о происхождении которого много спорят литературоведы, усматривая в нем множество созвучий – от английского harm (вред) до индуистской «дхармы» (путь). Ранние стихи Хармса носят отпечаток увлечения заумью Крученых и словотворчеством Хлебникова. Интересовали его и в целом эстетика футуристов, и их эпатажное поведение. Друзья и знакомые Хармса вспоминали, как он ходил по улице с разрисованным лицом, держа в руке ножку от стула, и просил приятеля фиксировать, что про него говорят; или предлагал знакомой пройти с ним по улице, чтобы она была одета няней, а у него на груди висела соска. Эти эксперименты давали ему возможность и творческой свободы, и изучения публики, и в каком-то смысле самозащиты: маска чудака, безумца, денди помогала ему самому оставаться под ее защитой.

Юный Даня Ювачев зачитывался Гамсуном и Мейринком, из русских писателей любил Гоголя и Козьму Пруткува. В дневниках 1925 года в списках прочитанных книг упоминаются современные русские и зарубежные писатели, философы – и множество книг по психологии и проблеме пола, сейчас бы сказали – сексологии. Есть в дневниках и список «наизустных» стихов: больше всего в его репертуаре стихотворений футуристов – Маяковского, Северянина, Каменского, Асеева, но есть и Блок, Сологуб, Ахматова, и друзья-поэты, примыкающие к футуристам. Необходимость записать «наизустные» стихи вызвана, вероятно, тем, что во время учебы в электротехникуме, куда Хармс поступил в 1924 году, он много выступал с чтением стихов со сцены. Семья не особенно одобряла его литературные вкусы и творчество.

Даниил Хармс.
1926 год

ОКНО И ЗВЕЗДА

В 1924 году Хармс познакомился с дочерью политэмигранта Эстер Русаковой и полюбил ее. Она родилась и тринадцать лет прожила во Франции, в Россию ее семья вернулась в 1919 году. У Эстер был жених, за которого она вскоре после знакомства с Хармсом вышла замуж, а женой Хармса стала после расставания с мужем, в 1928 году. Через год они расстались, но Хармс не переставал любить ее. Любовь эта была изматывающей: в дневниках Хармс то молил Бога не раз-

лучать его с Эстер, то дать им сил разойтись. Из латинских букв имени ESTHER он создал монограмму – значок, похожий на восьмерку в индексе и обозначающий окно, в которое видно звезду (имя Эстер означает «звезда»). Отсюда – особая символика окна в его лирике:

Окно:

Я внезапно растворилось.

Я – дыра в стене домов.

Сквозь меня душа пролилась.

Я – форточка возвышенных умов.

Дневниковые записи, посвященные Эстер, полны любовного томления, физиологических подробностей, ревности, ярости, нежности, площадной брани и ласковых слов. Вот одна из записей, сделанная в 1932 году: «Непонятно, почему я так люблю Эстер. Все, что она говорит, неприятно, глупо и плохого тона, но вот ведь люблю ее, несмотря ни на что! Сколько раз она изменяла мне и уходила от меня, но любовь моя к ней только окрепла от этого. Я стоял на пустой площадке и пел, прославляя Бога и Эстер. До самых ворот дома я пел: Весь мир – Окно – Эстер».

В 1936 году Эстер арестовали вместе со всей семьей по обвинению в троцкистском заговоре; в 1938-м она погибла в лагере. У Хармса было множество увлечений и связей, но ни к одной из своих женщин он не был так мучительно привязан, как к Эстер.

Эстер Русакова.
1920-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**НЕАКТИВНОСТЬ
В ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТАХ**

Уже в 1925 году ему предложили оставить техникум. В дневнике записаны три причины: «Слабая посещаемость. Неактивность в общественных работах. Я не подхожу классу физиологически». Хармс в этот момент больше всего увлекала литература. В начале 1925 года было воссоздано Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов, прекратившее работу после смерти Гумилева и Блока. Оно стало регулярно собираться на поэтические вечера и закрытые обсуждения новых стихов. Хармс посещал эти собрания, но заявление на вступление подал только осенью, представив на рассмотрение две тетрадки своих стихов. Вступительную анкету подписал «Ювачев-Хармс». Вопрос о вступлении отложили, предложив молодому поэту дополнить заумные стихи другими; приняли его в союз только в марте 1926 года.

В это время он познакомился с последователем Хлебникова, поэтом Александром Туфановым, принявшим титул Председателя земного шара зауми. Туфанов собрал поэтический «Орден заумников DSO», в состав которого среди других входили Хармс и Александр Введенский. С последним Хармс подружился, и тот познакомил его со своими друзьями – Яковом Друскиным и Леонидом Липавским, учениками философа Лосского. «Неожиданно он оказался настолько близким нам, что ему не надо было перестраиваться, как будто он уже давно был с нами», – писал Друскин. Участники этой компании называли себя «чинарями» – в те времена это слово значило «окурок», да и сейчас употребительно в форме «чинарик».

Чинари собирались у Липавского или Друскина не менее десятка лет, но чинарями, как утверждает Друскин, называли себя только с 1925 по 1927 год. Обсуждали они в основном вопросы философии, познания, богословия – впрочем, вряд ли можно

Александр
Введенский.
1930-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Яков Друскин. 1930-е годы

Обложка книги
Д. Хармса
«О том,
как Колька
Панкин летал
в Бразилию,
а Петька
Ершов ничему
не верил».
Художник
Е. Эвенбах (1928)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

считать, что это был философский кружок, слишком много в этих разговорах было абсурда и дуракаваляния. Выступали они вместе, Хармс имел титул чинаря-взиральника. Возможно, это означает, что он пока наблюдал за процессом, тогда как Александр Введенский в ранге чинаря-авторитета бессмыслицы эту бессмыслицу утверждал. К этому кругу примкнули Николай Заболоцкий и Николай Олейников. Хармс записывал в дневнике в 1926 году: «Что мне делать! Что

мне делать! Как писать? В меня прет смысл. Я ощущаю его потребность. Но нужен ли он? Бог помощи. И вам того же». Он действительно, кажется, вырос из зауми: теперь формальные эксперименты в его стихах работают не на уничтожение смысла, а на приращение, не на разложение реальности, а на воссоздание – хотя реальность эта абсурдна и нелогична.

Зимой 1926 года Хармса исключили из электротехникума, и он подал документы на Высшие курсы искусствоведения при Институте истории искусств – на отделение театра и кинематографа. Их он тоже не окончил. Зато на курсах он познакомился с Игорем Бахтеревым, который принимал участие в создании студенческого театра «Радикс», пытавшегося найти пути развития нового театра – и обратился к чинарям с идеей написать пьесу. «Моя мама вся в часах» была создана из фрагментов произведений Введенского и Хармса. Постановка не состоялась, поскольку труппа развалилась в процессе репетиций.

Первые опубликованные стихи Хармса увидели свет в сборниках Ленинградского отделения Союза поэтов – это «Случай на железной дороге» и «Стих Петра Яшкина-коммуниста» (при публикации последнее слово в названии было вычеркнуто). С тех пор у Хармса и его соратников

больше не было «взрослых» публикаций – печататься они могли только в качестве детских поэтов. Примерно в это же время Хармс впервые встретился с Маршаком; с 1928 года в Детиздате стал выходить журнал «Еж», редактором которого стал Николай Олейников, а Хармс вошел в число постоянных авторов.

Но пока чинари пытались утвердить свое место во «взрослой» поэзии, думали над планом сборника и выступали с чтением стихов. Одно из чтений на курсах искусствоведения закончилось скандалом: публика расшумелась, и Хармс заявил: «Я в конюшнях и публичных домах не читаю». После этого студенты потребовали исключения его из Союза поэтов, но оно не последовало. Наконец, директор Дома печати Николай Баскаков предложил молодым поэтам, которые к этому времени сменили несколько названий своей группы и теперь назывались «Академией левых классиков», выступать в Доме печати, но обойтись без политических определений в названии. Так на свет в 1927 году появилось название «ОБЭРИУ», «объединение реального искусства». Обэриуты подписали декларацию, написанную Николаем Заболоцким: «В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. <...> Посмотрите на предмет голыми глазами, и вы увидите его впервые очищенным от ветхой литературной позолоты».

ОБЭРИУ просуществовало два с половиной года и стало ярким явлением в истории русской литературы. Сдвинутая реальность, позволяющая по-новому, «голыми глазами» взглянуть на вещь или явление, абсурд, пронизывающий не только текст, но и общество, и мироздание, гротеск, смыкающийся с трагедией, были совершенно новой областью для литературы – не только советской, но и мировой. Разобраться в этой сумасшедшей

Шарж Николая
Заболоцкого
на Хармса.
1930-е годы

реальности мог или ребенок, или душевнобольной, или, может быть, «естественный мыслитель» – чужак вроде Кулибина, тот, кто соприроден этой действительности, созвучен ей.

В 1928 году на вечере обэриутов «Три левых часа» была поставлена пьеса Хармса «Елизавета Бам», которая показалась зрителям сумбуром. В самом деле: современный читатель, освоивший культурное наследие XX века, уже в состоянии понять, что такое театр абсурда. Но для зрителя конца 20-х это был новый, дикий и странный взгляд – и вряд ли кто-то понимал, что это взгляд в будущее. Театральный критик Падво даже потребовал остановить спектакль, угрожая, что он вызовет НКВД. Спектакль не остановили, звонок в НКВД последовал – но времена еще были такие, что ничего из этого не вы-

шло. Публика не расходилась до шести утра, бурно обсуждала увиденное, ругалась, хвалила чтение Заболоцкого и Вагинова в поэтическом отделении вечера.

В 1928 году Хармс женился на Эстер Русаковой. Через два дня после свадьбы его забрали на военные сборы. «Интересно, но противно», – записал он в дневнике. Скоро там появилась строчка «Боже, спаси меня от мытья в уборной». К службе в армии он был так же мало пригоден, как любимые им Хлебников и Северянин.

В 1929 году Виктор Шкловский позвал обэриутов участвовать в сборнике «Ванна Архимеда»; он был отправлен в издательство, но не вышел: уже началась борьба с формализмом. Наконец, после выступления в Мытнинском общежитии Ленинградского университета в газете «Смена» вышла статья Нильвича «Реакционное жонглерство (об одной вылазке литературных хулиганов)», где обэриутам предъявили политические обвинения: «Они ненавидят борьбу, которую ведет пролетариат. Их уход от жизни, их бессмысленная поэзия, их заумное жонглерство – это протест против диктатуры пролетариата. Это поэзия чуждых нам людей, поэзия классового врага»... После еще двух статей в том же роде ни существование обэриутов, ни публичные выступления были уже невозможны. Осталась детская литература.

Николай
Заболоцкий.
Начало 1930-х
годов

Николай Олейников. 1931 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Даниил Хармс на балконе Дома книги. Середина 1930-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗДЕСЬ УБИВАЮТ ДЕТЕЙ

В «Еже» («Ежемесячном Журнале») Хармс публиковался с первого номера – с февраля 1928 года; затем к «Ежу» добавился «Чиж», журнал для самых маленьких («Чрезвычайно Интересный Журнал»). Хармсовский свежий, отстраненный взгляд на мир, умение найти в нем множество нелепостей и странных поводов для смеха скоро сделали его одним из любимых читателями детских поэтов. Сам Хармс детей терпеть не мог и всячески это декларировал; широко известна его фраза «Травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!». А на стене у него висел рисунок: дом с надписью «Здесь убивают детей». В принципе, манера шутить, принятая в редакции «Ежа» и «Чижа», вполне этому соответствовала: «Утром съев конфету «Еж», // В восемь вечера помрешь».

Лидия Чуковская, сотрудница маршаковской редакции, вспоминала, что в ней очень много работали и «были тесно, неразрывно дружны». «К тому же в редакции было весело. <...> Каждый день, по несколько раз в день, в комнатухи нашей книжной редакции за-

являлись из соседних комнат, из редакций журналов «Чиж» и «Еж» такие мастера эпиграмм, шуточных пародий и фарсов, как Ираклий Андроников, Олейников, Хармс, Шварц, Заболоцкий, Мирон Левин. Их издевательским объяснениям в любви (каждой из нас по очереди, но при всех!), их лирико-комическому стихотворству,

Обложка первого номера журнала «Еж» [1928].

В этом номере было впервые опубликовано стихотворение Хармса «Иван Иванович Самовар». Художник Вера Ермолаева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

их нравоучительным – навыворот! – басням, их словесным и актерским дурачествам не было конца...».

Как и другие детские поэты, Хармс много выступал перед детьми. Читал стихи, жонглировал шариками. Дети относились к нему с восторгом.

Вне детгизовских дурачеств это был мрачный и замкнутый человек. Дневники его – хроника тоски; абсурда в них много, смех – только мрачный, почти истерический. Солнечного Хармса, способного написать «несчастливая кошка порезала лапу» или «подходит таксик маленький, с морщинками на лбу» в них совсем не видно. А он, несомненно, был. Другой вопрос, что в глазах советского читателя он совершенно затмил другого Хармса – того, что тяжело смотрит из-под нависающих надбровных дуг на фотографии и записывает в дневнике отчаянные молитвы.

В «Еже» увидели свет «Иван Иванович Самовар», «Иван Топорышкин», «Миллион» – то, что сегодня считается бесспорной классикой детской литературы. Но в начале 30-х они стали поводом для дела о вредительстве.

Одним из определяющих понятий для поэтики Хармса в это время становится слово «чистота». Евгений Шварц цитирует Хармса: «Хочу писать так, чтобы было чисто». В одном из писем, написанных в 1933 году, он так объяснял понятие чистоты: «Эта чистота одна и та же в солнце, траве, человеке и стихах. Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением. Оно обязательно реально». И этой чистоты он добился – и детские стихи с их четкостью, ясностью сослужили ему добрую службу.

Лес качает вершинами,
люди ходят с кувшинами,
ловят из воздуха воду.
Гнется в море вода.
Но не гнется огонь никогда.
Огонь любит воздушную свободу.

КОНТРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

В 1931 году вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об издательской работе», уделявшее особое внимание детской и юношеской литературе. В документе подчеркивалось, что они должны «отвечать задачам социалистической реконструкции». Постановление надлежало обсуждать на собраниях писательских организаций, и на одном из них обэриутов обвинили в том, что они «находятся на буржуазных позициях и отсиживают в детской литературе». Потом было несколько обличительных статей в прессе. Скажем, Ольга Берггольц в газете «Наступление» написала, что основное в Хармсе и Введенском – «это доведенная до абсурда, оторванная от всякой жизненной практики тематика, уводящая ребенка от действительности, усыпляющая классовое сознание ребенка» – а значит, это «классово враждебная контрреволюционная пропаганда».

10 декабря 1931 года Хармса арестовали, в его квартире прошел обыск. Следователь пытался на основании доносов о разговорах Хармса в доме у его приятеля и газетных статей об обэриутах составить дело о вредительстве в детской литературе. Хармс на допросе заявил, что не согласен с политикой советской власти в области литературы и желает свободы печати. Следователи довели работу до конца, но сигнала раскрутить большое дело вредителей в литературе не получили: шел 1932 год, готовилось создание Союза советских писателей, и пугать их крупными делами было не нужно. Хармса обвинили в том, что он «был идеологом и организатором антисоветской группы литераторов», «сочинял и нелегально распространял антисоветские литературные произведения». 21 марта приговор был вынесен, Хармс получил три года ссылки и выбрал в качестве места ее отбывания Курск, куда и отправился в июне. Поселился он там вместе с Введенским, но большой радости им совместная жизнь не принесла.

Хармс не работал, предавался ипохондрии. Отец за него хлопотал.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Даниил Хармс.
Фото сделано
12 июня
1938 года

Осенью Хармс смог вернуться и поселиться у тетки в Детском Селе.

Дальше была короткая влюбленность в художницу Алису Порет, совместные прогулки, дружное валяние дурака. Влюбленность окончилась разочарованием: «Я узнал, что она женщина неинтересная, по крайней мере, на мой вкус».

Снова, как во времена чинарей, Хармс стал просиживать вечера за разговорами у Леонида Липавского и его жены: там образовался «Клуб малограмотных ученых», в котором принимали участие помимо хозяев дома За-

болоцкий, Введенский, Друскин и филолог Михайлов. Разговоры эти Липавский записывал. Все участники бесед обозначали области своих интересов, и вот как ее обозначил Хармс: «Писание стихов и узнавание из стихов разных вещей. Проза. Озарение, вдохновение, просветление, сверхсознание, все, что к этому имеет отношение; пути достижения этого; нахождение своей системы достижения. Различные знания, неизвестные науке. Нуль и ноль. Числа, особенно не связанные порядком последовательности. Знаки. Буквы. Шрифты и почерки. Все логически бессмысленное и нелепое. Все вызывающее смех, юмор. Глупость. Естественные мыслители. Приметы старинные и заново выдуманые кем бы то ни было. Чудо. Фокусы (без аппаратов). Человеческие, частные взаимоотношения...» Далее следует перечень бытовых и житейских интересов, от «умывания, купания, ванны» и «писания на бумаге чернилами и карандашом» до «половой физиологии женщин», упоминаются также «Каббала. Пифагор. Театр (свой). Пение. Церковное богослужение и пение. Всякие обряды». Пожалуй, по каждому пункту этого списка можно написать целую главу исследовательской работы – так тесно здесь увязаны друг с другом ключевые понятия философской системы Хармса, основные принципы его поэтики, мотивы его чудаковатого поведения, особенности его внутреннего мира.

К 1934 году встречи прекратились. А Хармс встретил свою вторую жену, Марину Малич. 16 июля 1934 года они расписались. Семейную жизнь и скучный быт Марина Малич подробно описала в мемуарах, записанных Владимиром Глоцером. Жили бедно, но весело – много дурачились, смеялись. Он называл ее Фефюлькой и посвящал ей трогательные стихи. Но семейное счастье длилось недолго: Хармс начал изменять Марине, она обижалась, плакала, совместная жизнь – и так-то хрупкая, бестолковая – расклеивалась на глазах.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Марина Малич
за фисгармонией
в комнате
Хармса. Конец
1930-х годов

Он размышляет о времени и смерти, экспериментирует со стихом – теперь с классическим, и на свет появляется живое и нежное стихотворение «Неизвестной Наташе». В середине 30-х он пишет прозаические миниатюры, вошедшие в цикл «Случаи» – наверное, каждый мало-мальски образованный читатель помнит вываливающихся из окна старух, и «театр закрывается, нас всех тошнит», и «жизнь победила смерть неизвестным способом»...

Внешняя его жизнь – жизнь детского писателя, члена Союза писателей. Он перевел с немецкого книгу Вильгельма Буша «Плих и Плюх», написал для театра марионеток пьесу «Цирк Шардам», много выступал перед детьми. В дневниках его постоянно встречаются жалобы на безденежье – вплоть до того, что не на что купить еды. Но как только он получает деньги – покупает на них дорогую фисгармонию.

А ПОТОМ НАЧИНАЕТСЯ УЖАС

В 1937 году Хармса перестали печатать в Детгизе. Поводом для этого стало опубликованное в «Чиж» стихотворение «Из дома вышел человек», которое сейчас воспринимается как точное изображение времени: «И вот однажды на заре // Вошел он в темный лес. // И с той поры, // И с той поры, // И с той поры исчез». В Детгизе начались аресты – и, может быть, отдаление Хармса от издательских дел отсрочило его арест. Николай Олейников был арестован и вскоре расстрелян. В марте 1938 года арестовали Николая Заболоцкого. Маршак перебрался в Москву, Введенский – в Харьков. Хармс остался один, без работы и денег. Записи о безденежье в дневниках Хармса приобретают катастрофический характер. Марина Малич вспоминала, что в это время не ела по нескольку дней. Именно сейчас – сейчас, а не в блокаду – написано стихотворение «Так начинается голод», честно фиксирующее состояние голодного:

Фото
Даниила Хармса
из следственного
дела. 1941 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

*Так начинается голод:
с утра просыпаешься бодрым,
потом начинается слабость,
потом начинается скука,
потом наступает потеря
быстрого разума силы,
потом наступает спокойствие.
А потом начинается ужас.*

Его положение то улучшалось, то ухудшалось – приходили деньги за какие-то издания, голодать он вроде бы перестал, но зарабатывать хорошо не начал. Друг Хармса записал его мрачное пророчество: «Либо будет война, либо мы все умрем от парши». Войну Хармс предвидел, не хотел ее и боялся: «Если государство уподобить человеческому организму, то в случае войны я хотел бы жить в пятке». В начале финской войны его пытались мобилизовать, он убедительно изобразил сумасше-

ствие, получил диагноз «шизофрения» и инвалидность.

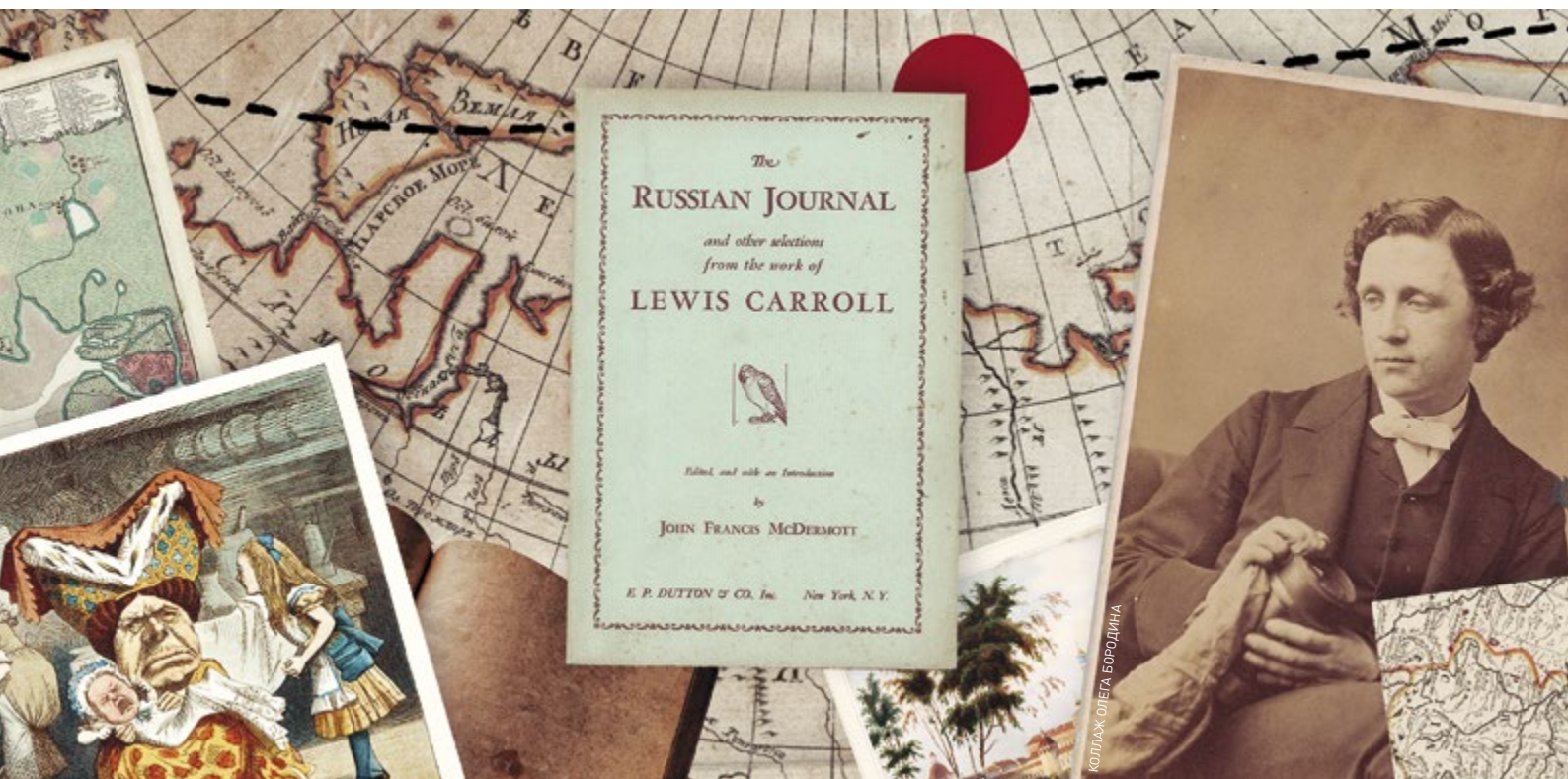
В 1941 году его не взяли на фронт по инвалидности; справка об этом подписана 6 августа. 23 августа его арестовали за распространение «клеветнических и поражественческих настроений». В сентябре медики освидетельствовали Хармса и снова подтвердили диагноз: шизофрения. Признать его виновным и судить было нельзя, и Хармс ожидал в тюремной больнице решения своей судьбы на блокадном пайке для заключенных. Последняя его фотография, сделанная в тюрьме, просто страшная – истощенный Хармс с закатывшимися глазами больше похож на покойника, чем на живого человека.

Он умер в тюрьме от дистрофии 2 февраля 1942 года. Марина к этому времени безуспешно искала его в Новосибирске. В их дом попала бомба, и Марина перебралась в писательский дом в центре. Узнав об этом, Яков Друскин пришел в покинутый дом и вынес из него весь архив Хармса, чтобы сохранить его. И сохранил. И лишь десятилетия спустя читателям стал открываться другой Хармс – не веселый и эксцентричный автор бодрых стихов для детей, а философ и мыслитель, умевший заметить в своем времени самое главное – и найти для этого главное выражение. Хармс страшный, смешной, абсурдный, трагический, нелепый – как его время, как сама жизнь. ♣

Первая
публикация
стихотворения
Хармса «Из дома
вышел человек»
[«Чиж», 1937, №3].
Художник
Иван Шабанов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РУССКИЙ ДНЕВНИК ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

НЕ ЗНАЮ, КАК ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИЖНЫХ НОВИНОК, ОТСЛЕЖИВАЮЩИХ ИХ ВЫХОД ПОЧТИ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СКРУПУЛЕЗНОСТЬЮ, НО ДЛЯ МЕНЯ ПОЯВЛЕНИЕ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ В РОССИЮ В 1867 ГОДУ» ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА – ВЕЛИКОГО СКАЗОЧНИКА, КОТОРОМУ МИР ОБЯЗАН ТАКИМИ ШЕДЕВРАМИ, КАК «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» И «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ», – БЫЛО ПОДОБНО ГРОМУ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА.

ПРИЗНАЮСЬ, ОБРАЗ Кэрролла так крепко был связан в моем сознании с викторианской Англией, что я просто не представлял себе этого скромного оксфордского священника, преподавателя математики и логики путешественником. Тем более по России!

Как-то даже не верилось, что автор «Безумного чаепития» спокойно и рассудительно пил чай где-нибудь на Невском или на Тверской, тщательно выбирал для покупки иконы в Новом Иерусалиме и, не зная даже языка, спешил в театр в Нижнем Новгороде. Короче, мир перевернулся. Я перечитал сказки

про Алису – втайне опасаясь, что метод абсурда, столь удачно примененный Кэрроллом для выворачивания мира наизнанку, будет использован им и в описании России. В России же всегда было что покритиковать и над чем поиронизировать человеку Запада. К разочарованию или к облегчению моему – «Русский дневник» Кэрролла оказался обычными, слегка скучноватыми, но зато полными симпатии ко всему увиденному путевыми заметками. Дневником, не претендующим на что-то большее. Так что же открылось гениальному англичанину? Что в России 150-летней давности показалось ему достойным внимания? Мы не можем ответить на этот вопрос до тех пор, пока для нас остается тайной сама личность Кэрролла.

**ДОДЖСОН ИЗ ЧЕШИРА
И КЭРРОЛЛ ИЗ КРАЙСТ-ЧЁРЧ**

Льюис Кэрролл – литературный псевдоним, взятый сыном бедного священника из графства Чешир Чарльзом Лютвиджем Доджсоном, который в компании еще десяти братьев и сестер провел детство и юность в провинции. Левша. Слегка заикающийся и очень застенчивый молодой человек. В конце концов фортуна улыбнулась ему, и в возрасте 18 лет благодаря своим выдающимся математическим способностям он попал в колледж Крайст-Чёрч – одно из самых престижных учебных заведений при Оксфордском университете. В этом университетском кругу он так и остался до конца жизни: получив степень бакалавра, выиграл конкурс на чтение лекций по математике и логике в том же Крайст-Чёрч. Согласно существующей в школе традиции он должен был принять священнический сан – и он сделал это, удовлетворившись должностью диакона, имевшего право читать проповеди, но не связанного работой в приходе. При этом он все еще остается Чарльзом Лютвиджем Доджсоном, ибо Льюис Кэрролл еще не родился. Да и, судя по тогдашней жизни Чарльза, было маловероятно, что он вообще появится.

Возможно, вспышка гениальности в голове – или в сердце – Доджсона произошла благодаря случайному событию: в 1856 году в колледже появляется новый декан – Генри Лиддел, с которым приехала его жена и пятеро детей. Среди них – и 4-летняя Алиса Лиддел. Дальнейшее, в общем, известно: после знакомства с семейством Лиддел Алиса становится любимицей Доджсона. В наши дни из-за такой привязанности к маленькой девочке его непременно заподозрили бы в чем-то предосудительном, но, по счастью, Доджсон был настолько чист, он еще сам оставался ребенком, и такие подозрения к нему были неприменимы. Он просто любил детей. А дети любили его. Однажды, когда Алисе исполнилось 10 лет, Додж-

сон со своей маленькой подругой отправился на лодке вверх по реке. День был жаркий, они высадились на берег и сели в тени стога свежего сена. И вдруг увидели кролика. Вернее, они увидели говорящего кролика в жилетке, который пробежал мимо них, поглядывая на часы и озабоченно приговаривая: «Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю!» Говорящий кролик юркнул в свою норку, и Алиса, недолго думая, юркнула за ним, после чего и попала в Страну чудес. Доджсона просто взорвало: за несколько часов он, преподаватель математики и логики, рассказал своей маленькой подруге сказку столь невероятную, что та сама уговорила учителя ее записать... В 1865 году книга вышла отдельным изданием. Критика абсолютно не приняла ее: «...Мы полагаем, что любой ребенок будет скорее недоумевать, чем радоваться, прочитав эту неестественную и перегруженную всякими странностями сказку», – писал влиятельный лондонский «Атенеум». Тем не менее первый тираж был быстро распродан. И второй тоже. У Кэрролла появились гонорары. Он стоял на пороге мировой славы, когда его друг по Крайст-Чёрч Генри Парри Лиддон – в ту пору уже влиятельный богослов, снискавший внимание епископа Оксфордского Уилберфорса, – пригласил его поехать с ним в Россию.

Впрочем, мы не закончили. Гилберт Честертон в своих эссе о Кэрролле неоднократно употребляет слово «каникулы». «Алиса...» взорвалась в голове у Доджсона 4 июля, когда действительно стояла каникулярная пора. Но Честертон имеет в виду и нечто другое: «каникулами» была вся Викторианская эпоха. Именно в ней-то и могла родиться литература нонсенса. Кэрролл, писал Честертон, «не только учил детей стоять на голове; он учил стоять на голове и ученых. А это для головы хорошая проверка. Когда викторианцам хотелось устроить себе каникулы, они их и устраивали, настоящие интеллектуальные кани-

кулы. Они сумели создать мир, который – для меня по меньшей мере – до сих пор остается своеобразным прибежищем и тайными каникулами <...> То был нонсенси ради нонсенса. Если мы спросим, где нашли это волшебное зеркало, ответ будет таким: среди очень мягкой и удобной викторианской мебели; иными словами, это произошло потому, что, благодаря исторической случайности, Доджсон, Оксфорд и Англия в то время наслаждались благополучием и безопасностью». Именно Честертон первым назвал «Алису...» «сказкой для взрослых» и даже «сказкой для ученых».

И все-таки, кажется, глубже всего увидела суть проблемы Вирджиния Вулф, когда первому полному собранию сочинений Кэрролла 1939 года она предпослала такое предисловие: «...мы обнаруживаем, что у достопочтенного Ч.-Л. Доджсона не было жизни. Он шел по земле таким легким шагом, что не оставил следов. Он до такой степени пассивно растворился в Оксфорде, что стал невидимкой. <...> Если у оксфордской профессуры XIX века была некая суть, то этой сутью был он. Он отличался такой добротой, что сестры его боготворили; такой чистотой и безупречностью, что его племяннику нечего о нем сказать...» А в то же время у писателя Льюиса Кэрролла была своя, исполненная смысла жизнь, погруженная в память о детстве. «Почему-то – мы так и не знаем почему, – продолжает Вулф, – детство его было словно отсечено ножом. Оно осталось в нем целиком, во всей полноте. Он так и не смог его расстать. <...> Он скользил по миру взрослых, словно тень <...> Но, так как детство хранилось в нем целиком, он сумел сделать то, что больше никому не удалось, – он сумел вернуться в этот мир; сумел воссоздать его так, что и мы становимся детьми. <...> Вот почему обе книги об Алисе – книги не детские; это единственные книги, в которых мы становимся детьми...». В этом и заключена магия Кэрролла.

ПОЧЕМУ В РОССИЮ?

К слову сказать, отправляясь в Россию, Кэрролл все еще оставался достопочтенным Доджсоном: слава еще не настигла его, а вторая гениальная сказка, «Алиса в Зазеркалье» (1871), еще не была даже написана. Чарльз Доджсон только-только благодаря гонорарам и скромной зарплате начинал ощущать себя мало-мальски состоятельным человеком. Поэтому инициатором поездки в Россию был все же Генри Лиддон, избравший духовную карьеру. Это налагало на него определенные обязательства. Все дело в том, что 150 лет назад между православной и англиканской церквями шли довольно активные дебаты о возможном воссоединении. Да-да, не удивляйтесь. Время как будто потом показало бесплодность любых попыток подобного рода: чаще всего они натываются на банальный национализм, но и теперь еще идея о единстве всех христиан не изжила себя. А в 1867 году эпоха разочарований еще не наступила, напротив, все были исполнены надежд, и Лиддон помимо прочего вез в Россию письма епископа Оксфордского Уилберфорса митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету, крупнейшему русскому православному богослову XIX века. У Лиддона, таким образом, была миссия. Доджсон ехал вместе с ним компаньоном. Но мы напрасно будем искать в дневнике Кэрролла рассказы о захватывающих приключениях в России – они ехали не за этим. К тому же не следует забывать, что в Россию с Лиддоном ехал преподобный Чарльз Лютвидж Доджсон, а отнюдь не гениальный Кэрролл. Во всяком случае, не тот человек, которого можно заподозрить в парадоксальном взгляде на пространство. Зато теперь объясним, почему в каждом городе, где бы они ни оказались, друзья стремились обойти по возможности все церкви, попристутствовать на службе, послушать церковное пение и пообщаться с особами

духовного сана. В общем, они увидели то, что должны были увидеть в эпоху 1860-х – подъем, воодушевление в обществе, вызванное отменой крепостного права, бурно развивающуюся промышленность, железные дороги, ярмарки, кабаки, изобилие на рынках, своих соотечественников-англичан, спешащих начать в новой России собственное дело...

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Россия всегда была для Европы неким зазеркальем: принимая участие в европейских делах, она в то же время более сосредотачивалась на своих внутренних проблемах. Будучи (особенно в столицах) страной, безусловно, европейской культуры, она в то же время восприняла в своем становлении так много Азии, что правильнее было бы назвать ее страной евразийской. Русский высший свет легко изъяснялся по-английски и по-французски, между тем вокруг столиц простирались первозданная целина русского языка, о котором европейцы не имели ни малейшего представления. Русский язык казался очень трудным и столь сложным, что овладеть им считалось едва ли возможным. Недаром в поезде, где спутником компаньонов оказался Эндрю Мюр, один из соучредителей фирмы «Мюр и Мерилиз» (позднее построившей в Москве знаменитый универсальный магазин – нынешний ЦУМ. – Прим. авт.), он первым делом стал пугать друзей сложностями русского языка: «Он чрезвычайно любезно <...> – пишет Кэрролл, – разъяснил нам, что следует посмотреть в Петербурге, как произносить русские слова и проч.; впрочем, он нас отнюдь не обнадежил, сказав, что среди местных жителей мало кто говорит на каком-либо языке, кроме русского. В качестве примера необычайно длинных слов, которыми отличается русский язык, он записал мне следующее слово: ЗАЩИЩАЮЩИХСЯ, которое, если записать его английскими буквами, будет выглядеть так:

zashtsheeshtschayjushtsheekhshya; это устрашающее слово представляет собой родительный падеж множественного числа причастия и означает: «тех, кто себя защищает».

Плюс огромные российские пространства! Если в первый день путешествия друзья успели проделать путь от Дувра (Англия) до Кале (Франция) и Брюсселя (Бельгия), то путь их от прусской границы в Петербург занял 28,5 часа. 28,5 часа почти полной пустоты! Было от чего прийти в трепет! Лишь на одной станции, «где поезд остановился для обеда, мы увидели мужчину, играющего на гитаре с дудочками, прикрепленными сверху, и колокольчиками еще где-то – он умудрялся играть на всех этих инструментах в тон и в лад; станция запомнилась мне еще и потому, что там мы впервые попробовали местный суп под названием ШИ (произносится *shtshee*), очень недурной, хотя в нем чувствовалась какая-то кислота, возможно, необходимая для русского вкуса...».

Поразительным показался друзьям и сам Петербург: «Времени до обеда едва хватило на небольшую прогулку, но все нас поразило новизной и необычностью. Чрезвычайная ширина улиц (даже второстепенные шире любой в Лондоне), крошечные дрожки, шмыгающие вокруг, явно не заботясь о безопасности прохожих <...>, огромные пестрые вывески над лавками, гигантские церкви с усыпанными золотыми звездами синими куполами, и дикий дикий говор местного люда – все приводило нас в изумление <...> [Город] настолько непохож на все, что мне доводилось видеть, что, кажется, я мог бы много дней подряд просто бродить по нему; <...> Невский с многочисленными прекрасными зданиями мы прошли весь <...> это, верно, одна из самых прекрасных улиц в мире; она оканчивается самой большой (вероятно) площадью в мире, площадью Адмиралтейства; в ней не менее мили длины, причем Адмирал-

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

тейство занимает одну из ее сторон почти целиком.

Возле Адмиралтейства стоит прекрасная конная статуя Петра Великого. Пьедесталом ей служит необработанная гранитная глыба, подобная настоящей скале...

«Долго гуляли по городу; прошли, вероятно, в целом миль 15 или 16 – расстояния здесь огромные: кажется, будто идешь по городу великанов...».

Москва, куда путешественники отбыли после недельного пребывания в Петербурге, кажется более соразмерной и уже не вызывает столь бурных чувств. В Москве все спокойнее. На следующее же по прибытии утро Лиддон и Кэрролл отправились на поиски англиканского священника мистера Пенни. Тот оказался добрейшим человеком, они скоро сдружились, что ни день – ужинали у него. Мистер Пенни сослужил им добрую службу, познакомив с епископом Леонидом – викарием митрополита Филарета, встречи с которым они искали. В свободное время друзья изучали город. Наиболее яркие впечатления: «Мы начали с храма Василия Блаженного, который внутри так же причудлив (почти фантастичен), как снаружи <...> Потом мы отправились в

Оружейную палату, где осматривали троны, короны и драгоценности до тех пор, пока в глазах у нас не зарябило от них, как от ежевики. Некоторые троны и проч. были буквально усыпаны жемчугом, как каплями дождя. Затем нам показали такой дворец, после которого все другие дворцы должны казаться тесными и неказистыми. Я измерил шагами один из приемных покоев – в нем оказалось 80 ярдов в длину и не менее 25 или, пожалуй, 30 в ширину. <...> [Залы] все высокие, изысканно убранные, от паркета из атласного дерева и прочих пород до расписных потолков, всюду позолота – в жилых комнатах стены, обтянутые шелком или атласом вместо обоев – и все обставлено и убрано так, словно богатство их владельцев не имеет границ...»

Затем была поездка в Троице-Сергиеву лавру и встреча с митрополитом Филаретом, во время которой тому и были переданы письма епископа Оксфордского. Сам Филарет произвел на друзей очень сильное впечатление. Лиддон записал в своем дневнике: «Филарет имеет около 7000 фунтов в год, из которых он раздает все, оставляя себе лишь 200. Его жизнь явно следует незнакомому нам строгому и величественному

образцу – в Англии он, вероятно, был бы невозможен, но здесь оказывает безграничное влияние на людей». Кэрролла же больше поразили отшельники, жившие при лавре в особых подземных кельях. И Лиддону, и Кэрроллу, «достопочтенным» людям западного мира, любая аскеза казалась чрезмерной.

Ну, и, наконец, обед в русском ресторане: «...Мы пообедали в «Московском трактире» <...> Суп был прозрачный с мелко нарезанными овощами и куриными ножками, а «pirashkee» к нему маленькие, с начинкой в основном из крутых яиц. «Parasainok» – это кусок холодной свинины под соусом, приготовленным, очевидно, из протертого хрена со сметаной. «Asetrina» – это еще одно холодное блюдо с гарниром из крабов, маслин, каперсов и под каким-то густым соусом. «Kotletee» были, по-моему, телячьи. «Marojenoi» означает различные виды удивительно вкусного мороженого: одно – лимонное, другое – из черной смородины, каких я раньше никогда не пробовал. Крымское вино также оказалось очень приятным, да и вообще весь обед (разве что за исключением стряпни из осетрины) был чрезвычайно хорош...»

КОллаж ОПЕГА БОРОДИНА

ИНДУСТРИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Поскольку индустрии развлечений в 1867 году в России еще не существовало, за исключением, быть может, ярмарочных каруселей и цирков, друзья вынуждены были развлекаться на свой вкус. Так как ни Третьяковской галереи, ни других каких-либо музеев, исключая Грановитую палату, в Москве тоже еще не было, почти каждый день Лиддона и Кэрролла начинался с посещения какой-нибудь церкви. Скажем, Симонова монастыря, разрушенного в 1930-е годы: «Церкви расписаны чудесными фресками, одна из которых представляет любопытное, почти гротескное изображение пылинки в луче света; нас угостили черным хлебом, который едят монахи, несомненно, съедобным, но не аппетитным...» В Симоновом же монастыре слушали «очень длинную, но очень красивую службу». Затем – прогулка по Москве. «Мистер Пенни любезно прошел с нами по Двору (или Базару) и показал нам, где лучше всего купить иконы и проч.». На другой день посетили Петровский путевой дворец.

За неделю пребывания в Петербурге Лиддон и Кэрролл при содействии друзей успели посетить Исаакиевский собор, Гостиный двор, Петропавловскую

крепость, Эрмитаж и Петергоф. За две недели, что они провели в Москве, они дважды побывали у Троицы, съездили в Новый Иерусалим и в Нижний Новгород. Человек XIX века еще не знал виртуальной реальности и поэтому действовал в реальности как таковой, решительно и не боясь излишних энергозатрат. Впечатления окупали их.

В Нижнем, куда друзья отправились на знаменитую ярмарку, Кэрролл был особенно поражен неожиданной встречей с Востоком. Сам он описывает это так: «...все сюрпризы этого дня затмило наше приключение на закате: мы вышли к Татарской мечети (единственной в Нижнем) в тот самый миг, когда один из служителей появился на крыше, чтобы произнести... призыв к молитве. <...> мне в жизни не доводилось слышать ничего подобного. Начало каждого предложения произносилось монотонной скороговоркой, а по мере приближения к концу голос служителя поднимался все выше, пока не заканчивался долгим пронзительным воплем, который так заунывно звучал в тишине, что сердце холодело; ночью его можно было бы принять за крик феи-плакальщицы, пророчащей беду».

Вечером Кэрролл отправляется в Нижегородский театр, кото-

рый так понравился ему, что впоследствии он даже предпочел его московскому Малому: «Больше всего мне понравилась первая пьеса, бурлеск «Аладдин и волшебная лампа» – играли превосходно, а также очень прилично пели и танцевали; я никогда не видел актеров, которые бы так внимательно следили за действиями своих партнеров и так мало смотрели в зал...» Кэрролл был завзятый театрал, так что успел ознакомиться с театральным репертуаром Нижнего, Москвы, Петербурга и западноевропейских городов, вплоть до Парижа. Это была важная часть его «индустрии развлечений».

ИСПЫТАНИЕ РЕАЛЬНОСТЬЮ

В общем, путешествие Лиддона и Кэрролла шло по накатанным рельсам, пока однажды при поездке в Ново-Иерусалимский монастырь не случился сбой: «...Мы полагали, что с легкостью уложимся в один день, но это оказалось заблуждением. Часов до 10 мы ехали поездом. Затем наняли «тарантас» (такой вид приобрела бы четырехместная коляска, если бы ее удлинить чуть ли не вдвое, а пружины вынуть) и тряслись на нем миль 14 по чудовищной дороге, хуже которой я в жизни не видывал. <...> Хотя в тарантас были

впряжены три лошади, нам потребовалось почти 3 часа, чтобы преодолеть это расстояние...» В общем, Кэрролл столкнулся с типичной, но непривычной европейцу реальностью России: плохими дорогами. Уехать в тот же день было нельзя: лошади выбились из сил, и хозяин постоялого двора, где остановились путешественники, сказал, что ехать можно будет только на рассвете. Но Бог милостив. Он послал друзьям монаха, свободно владевшего французским языком, и они весь день осматривали исполинский комплекс Ново-Иерусалимского монастыря. Вечером монах пригласил их к себе: «...вместо кельи с черепом, костями и проч. мы увидели уютную гостиную, в которой пили чай 2 дамы, мать и дочь, и джентльмен, который, как я полагаю, был отцом семейства. Старшая из дам очень неплохо говорила по-французски, а младшая – чрезвычайно хорошо по-английски. От нее мы узнали, что она преподает французский язык в одной из московских «гимназий»; она была явно хорошо образованна и умна». Однако на ночь Лиддону и Кэрроллу предстояло вернуться на постоялый двор, где ни одна душа не знала ни полслова на каком-нибудь «цивилизованном» языке. Но чудо! За время, что они отсутствовали, появился постоялец, говорящий по-французски. Они вступают в разговор и засиживаются до полуночи. К ним в комнату то и дело вбегает хозяин и, хохоча, пожимает им руки, заверяя в своей преданности. Бедняга повредился умом, потеряв миллионное состояние...

В три – подъем. В четыре – выезд. Кэрролл продержался молодцом. «...В 4 мы отбыли и еще часа 3 тряслись по ухабам – утешило нас только зрелище дивного восхода и звон бубенцов двуколки, которая ехала за нами по пятам...» Приехав в Москву, навещают мистера Пенни и в тот же день (несмотря на три часа сна) отправляются осматривать Московский воспитательный дом; там держали

детей-сирот, но так как большинство старших детей находились в этот момент в деревне, «мы не увидели практически ничего, кроме множества длинных и узких дортуаров, уставленных кроватями, нянек да бесчисленных младенцев. Все малыши были чистенькими, ухоженными и веселыми...». Вечером друзья еще «поехали ненадолго в Петровский парк, где послушали военный оркестр». Обращает на себя внимание то, как мало способны были спать люди того времени. Они не просто рано ложатся и рано встают – они способны лечь в 12 вечера, встать в 3 утра и при этом провести весь следующий день вполне полноценно. У них нервы были крепче. Жизнь здоровее и спокойнее. Поэтому и с нервами проблем не было.

18 августа: последняя ночь в Москве – «домой мы пошли через Кремль и в последний раз любовались анфиладой этих зданий в самое, возможно, прекрасное для них время – в чистом холодном свете луны стены и башни ярко белели, а на позолоченные купола лунный свет бросал блики, которые не сравнить с солнечными...».

Снова Петербург, откуда им предстоит тронуться в обратный путь в Европу. Кронштадт. Александров-Невская лавра: «...это было одно из самых прекрасных православных богослужений, которое мне удалось услышать. <...> Один распев, в особенности многократно повторяемый во время службы <...>, был так прекрасен, что я охотно слушал бы его еще и еще...»

Странно, что, выезжая из России в Пруссию, Кэрролл все-таки испускает вздох облегчения: «...Приятно было наблюдать, как по мере приближения к Пруссии земли становились все более обитаемыми и возделанными – грубого и сурового русского солдата сменил более мягкий и сообразительный прусак – даже крестьяне, казалось, менялись к лучшему, в них чувствовалось больше индивидуальности и независимости; русский крестьянин с его мягким,

тонким, часто благородным лицом всегда, как мне кажется, более походит на покорное животное, чем на человека, способного и готового себя защитить».

После этой поездки Льюис Кэрролл никогда больше не покидал Англии. В его дальнейшем творчестве тема России отсутствует. Поскольку дневники путешествия по России и не предполагались к публикации, они не были ни откровением, ни манифестом. Впервые тиражом 66 экземпляров они были изданы американским коллекционером Морисом Л. Пэрришем только в 1928 году. С тех пор было принято еще несколько изданий, но все они грешили ошибками, особенно в написании русских слов. Лишь в 1999 году исследователь Эдвард Вейклинг, подготовивший предпринятое английским Обществом Льюиса Кэрролла полное издание дневников писателя, опубликовал тщательно выверенный текст «Русского дневника».

Он действительно стоит на отшибе творчества писателя. Бесконечное «зазеркалье» России не втискивалось в строго логическую, шахматную схему «Зазеркалья» Алисы. Лишь одна фраза поражает нас странным созвучием: помните? «Нам показали такой дворец, после которого все другие дворцы должны казаться тесными и неказистыми». Ей эхом отзывается в «Зазеркалье» Черная королева: «Видала я такие холмы, рядом с которым этот – просто равнина!» Честертон въедливо замечает: на одной этой фразе «можно было бы построить с десяток лекций против ереси о простейшей Относительности». «Игры ума», которым предавался Кэрролл, в действительности значили для него неизмеримо больше, чем Россия.

Он, конечно, вывез из России что-то важное, но не захотел поделиться этим. Может быть, потому, что этого было мало. Очень мало. Любви. Малым не делятся... Он оставил это для себя:

«...Вечером гуляли по набережной и любовались Николаевским мостом на закате...» ■

РАКЕТНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ГОЛОВНОЙ ГАРМАШ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ ДМИТРИЙ ЗАСЯДЬКО МЕЧТАЛ О ТОМ, ЧТО ЕГО СЫНОВЬЯ ПРОДОЛЖАТ ОТЦОВСКОЕ ДЕЛО. ПОТОМУ И ОТПРАВИЛ АЛЕКСАНДРА И ДАНИЛУ НА УЧЕБУ В ПЕТЕРБУРГ. В АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ И ИНЖЕНЕРНЫЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС. ГОЛОВНОЙ ГАРМАШ, ЕСЛИ КОМУ НЕВЕДОМО, ЭТО – НАЧАЛЬНИК АРТИЛЛЕРИИ.

ДЕНЬ РАКЕТЧИКА В России отмечают 19 ноября. Официально праздник называется так: День ракетных войск и артиллерии РФ. Повод к этой дате возник в 1942 году, когда контрнаступление советских войск под Сталинградом предварила мощная артиллерийская подготовка. Спустя два года указ правительства закрепил этот день за артиллеристами. А еще через двадцать лет, в 1964-м, к пушкарям присоединили ракетчиков, посчитав, что между ствольной артиллерией и ракетными установками много общего. Иных, более внятных оснований для такого решения обнаружить не удалось. И в этом случае, как и во множестве других, история страны началась после 1917 года. Нет, никто не собирается оспаривать подвиги артиллеристов под Сталинградом и в других сражениях Великой Отечественной войны. Но ведь подобным подвигам несть числа и в досоветскую эпоху. Подвиги ракетчиков тогда тоже имели место. Думается, многие удивленно вскинут брови, услышав про достижения русских ракетных сил в XIX веке. Однако ж было, было...

Александр
Дмитриевич
Засядько
(1774–1837)

БЛИЗКОЕ ЗНАКОМСТВО

Впервые боевые ракеты в деле полковник Александр Засядько (в современной литературе используется написание фамилии Засядко. – Прим. ред.) увидел во время Заграничных походов Русской армии 1813–1814 годов, когда во главе 15-й артиллерийской бригады крушил французские колонны и сбивал французские пушки. Эти ракеты применяли британские войска. Назывались они по фамилии их изобретателя Уильяма Конгрива – Congreve

rockets. Хотя изобретатель – это громко сказано. В последнем десятилетии XVIII века Великобритания настойчиво старалась навязать господство индийской провинции Майсор. Ее раджа Хайдар Али был не так прост, как хотелось бы англичанам, привыкшим к другому уровню «ай-кью» в Африке и Австралии. В 1766 году он создал в своей армии специальную часть – ракетную. Личный состав – 1200 человек. Ко времени вторжения британцев ракетный корпус насчитывал до 6 тысяч спецов. Технологии были заимствованы в Китае, где ракетное дело возникло бог знает когда. По крайней мере, не позднее 1232 года, сохранившего нам хронику под названием «Тунлянь Канму» с описанием проторакетной атаки при осаде Пекина монголами. Однако, в отличие от китайских бамбуковых палок, начиненных порохом, в армии раджи использовали деревянные и металлические трубки, позволявшие отправлять в сторону противника заряды весом до 5,5 килограмма на расстояние более километра. В двух сражениях за город Серингапаттам, в 1792 и 1799 годах, англичанам особенно досталось именно от ракетного обстрела. По одним данным, информацию о невиданном оружии доставил в Европу полковник Уильям Конгрив – старший, лично участвовавший в индийской кампании. По другим, некто Инне Монро издал книгу «Обзор военных действий на Коромандельском побережье», в которой было подробное описание как самих ракет, так и результатов их работы. В любом случае, Конгрив-младший получил необходимые материалы для создания европейского варианта. К слову, первые образцы уступали индийским по всем параметрам, в том числе таким важным, как дальность и точность стрельбы. Со временем британец усовершенствовал де тище, и оно блистательно показало себя при уничтожении Копенгагена. 25 тысяч ракет сожгли город дотла, а вместе с ним и несколько тысяч мирных жителей. Участие ракетчиков в Битве наро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дов под Лейпцигом в 1813 году не носило столь варварский характер, так как новое оружие применялось против вооруженного противника. И настолько успешно, что французская пехотная бригада, в полном составе ошалевшая от обстрела, сдалась в плен бригаде ракетной. Но есть немало примеров, когда ракеты Конгрива вели себя бестолково: срывались с траектории, не воспламенялись, а то и вовсе поворачивали в обратную сторону. Важно отметить, что Конгрив был далеко не единственным конструктором, которого занимала ракетная тема. Таковых в Европе было в достатке и в конце XVIII века, и даже ранее. Довольно вспомнить поляка Казимира Семеновича и его книгу *Artis magnae artilleriae pars prima* («Великое искусство артиллерии. Часть первая»), изданную в Амстердаме в 1650 году. Малоизвестный польский военачальник довольно подробно объяснял конструкцию ракеты, причем многоступенчатой. За век до Семеновича немецкий изобретатель Конрад Хаас также представил теоретические разработки боевой ракеты своему работодателю – императору Священной Римской империи Фердинанду I. Тот, видать, интереса не проявил. Другое дело, что все – от Хааса до француза Шевалье – в основном объясняли. Конгрив же сделал и сумел навязать полученное от индийцев наследство вечно дотошному и скаредному британскому правительству.

ОТ СУВОРОВА ДО КУТУЗОВА

Видевший работу ракет под Лейпцигом полковник Засядько, что называется, мотал на ус. Ему ли, уроженцу Полтавщины, было не знать, как сворачивается этот мыслительный процесс. Помогал подмечать нюансы и огромный боевой опыт кадрового артиллериста. Александр вышел из корпуса в 1797 году. Был одним из лучших в выпуске, за что и получил чин подпоручика, в отличие от большинства однокашников, ставших прапорщиками. В характеристике свежее испеченного офицера значилось: «Науку инженерную и артиллерийскую знает превосходно, по-французски говорит и переводит весьма изрядно, по латыни разумеет, а в географии и географии хорошее начало имеет». Такие оценки давали возможность остаться служить в столице, но Засядько выбрал гарнизонную службу в Херсонской губернии. Вскоре стало ясно, что

Обстрел форта Мак-Генри у порта Балтимор 13 сентября 1814 года. Англо-американская война 1812–1815 годов. Англичане использовали ракеты Конгрива

Дэвид Роулэндс. Ракетная бригада в Лейпцигской битве 18 октября 1813 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

он вытащил счастливый жребий. Артиллерийский батальон, в котором он начал службу, оказался среди тех частей и подразделений, что попали под руку Александра Суворова при формировании Итальянского корпуса. Первый поход – и сразу вместе с великим фельдмаршалом. Первое сражение – под Мантуей, и лестная оценка полководца-легенды. Из Итальянского и Швейцарского походов Засядько вышел поручиком. Но на родину не вернулся.

Он был отправлен служить на Черноморский флот, к капитану 1-го ранга Дмитрию Сенявину, командиру линейного корабля «Святой Петр», входившего в Средиземноморскую эскадру адмирала Федора Ушакова. За операцию по выдворению французов с Ионических островов Засядько был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Следующее испытание – Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Уже капитан, Засядько награждается двумя орденами и Золотым оружием «За храбрость». В Отечественную войну 1812 года бригада Засядько особенно здорово дралась в сражениях под Борисовом и Городецко.

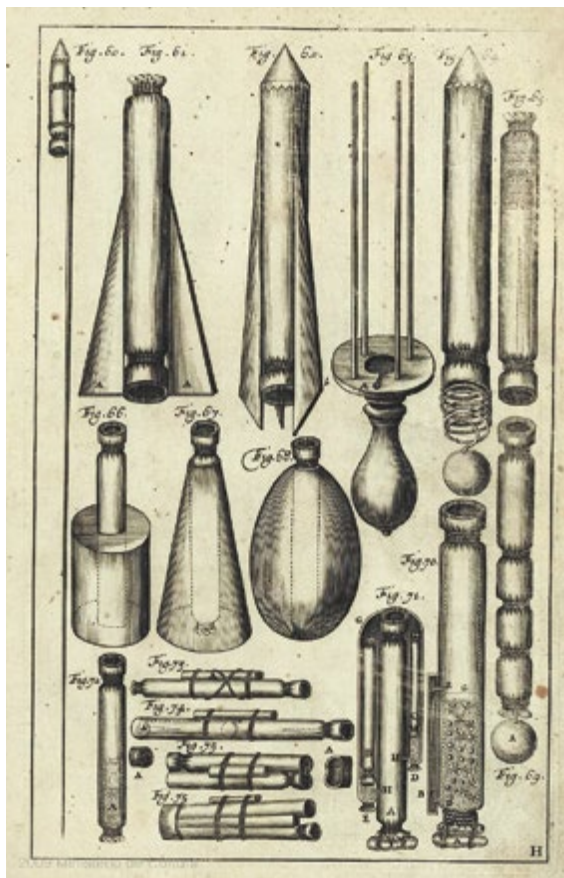
Сразу после возвращения в Россию из Заграничных походов Александр Дмитриевич подал в отставку. Казалось бы, 40 лет, четыре войны за плечами, полковник, кавалер шести боевых орденов и Золотого оружия, лично известен императору... Что еще надо для успешной карьеры? Но Засядько загорелся мечтой – создать российское ракетное оружие. И не ради эксперимента. Чтобы оружие было, нужны не только опытные образцы, но и стабильное производство. Появится производство – потребуются люди, которые умеют этим оружием пользоваться эффективно. Выходит, нужна организация, структура для нового рода войск. И все это требуется делать быстро, так как ракеты Конгрива, пусть и несовершенные, пусть нелепые, но уже есть и проверены в деле. А в России ничего подобного пока нет.

ЧЕЛОВЕК-КОНСТРУКТОР

Нельзя сказать, что понятие «ракета» Русской армии было вовсе не знакомо. В 1717 году Петр I официально ввел в армейский устав правила по использованию им же изобретенной сигнальной ракеты. Да, она не являлась боевым оружием, но имела военную природу и отвечала военным смыслам. Гильза была из картона, набивалась пороховой смесью. В конце, как положено, сопло. В начале – сигнальный состав. Пороховые газы возгорались, появившаяся энергия поднимала гильзу в воздух, далее воспламенялся сигнальный состав – и в небе появлялись разноцветные огни. Определенный цвет огней обозначал определенную команду. «Сигналки» были особенно полезны для артиллеристов, нередко располагавшихся вне зоны прямой видимости противника. Позже подобные средства связи стали необходимы и для других родов войск. Сигнальная ракета Петра Великого прослужила в Русской армии 150 лет.

Опять-таки, как и в Европе, корни ракетной истории уходят глубже петровских времен. В 1680 году 8-летний Петр Алексеевич уже жил на свете, но еще не царствовал, и этот период петровским никак не назовешь. В том году на Москве появилось специальное Ракетное заведение, где экспериментировали в области ракетостроения. Как раз в этом заведении юный Петр познакомился с фейерверками и шутихами. «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» был создан дяком Посольского приказа Онисимом Михайловым-Родигаевским еще раньше, в 1607–1621 годах. В историю он вошел как «Пушкарский устав». В уставе – параграф, в котором детально представлен проект ракеты и способы ее боевого применения.

И опять, как и в Европе, рассказывали, описывали, экспериментировали, зажигали фейерверки на петровских ассамблеях и екатерининских балах, но далее не шли. Впрочем, есть одна

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

версия, описанная, мягко говоря, в неоднозначном труде «История русов», увидевшем свет то ли в конце XVIII века, то ли в начале XIX. Автор его также не определен. «История» рассказывает об «истории» Малороссии, которая якобы жила на вольном казачестве. Среди прочих аргументов в пользу казацкой вольницы приводится и такой: «...Гетман выслал отряд конницы с приготовленными заранее бумаж-

Иллюстрация из книги Казимира Семеновича, показывающая устройство ступеней ракет

Унтер-офицер
Охтинского
порохового
завода.
1826–1828 годы

ными ракетами, которые, когда бросить, могли перескакивать с места на место и делать до шести выстрелов каждая. Конница та, налетев на татарские владения, зажгла свои ракеты, бросила их меж коней татарских и учинила большую сумятицу...» Случилось сие неподалеку от Белгорода, на реке Донец. Имелся в виду Северский Донец, ибо Белгород и доныне стоит на его берегах. Было так или не было – кто ж теперь проверит. Но дыма без огня, как известно, не бывает. Равно как и ракеты без топлива. Далее пошел Александр Засядько и еще один изобретатель – чиновник V класса провиантского штата Алексей Картмазов. Специалист по провианту получил образцы ракет Конгрива еще в 1811 году. Причем если не из рук императора Александра I, которому их подарил наследник английского престола, будущий король Георг IV, то уж точно по прямому указанию государя. Почему именно Картмазову достались для исследования эти образцы – загадка, которую, видимо, уже не разгадать. Конечно, чиновник V класса провиантского штата – это человек достойный. По Табели о рангах – статский советник, где-то между полковником и генерал-майором. А по части провиантской службы так и вовсе генерал-провиантмейстер. Но ракеты все-таки не солдатские сухари. Тем не менее Картмазов с задачей справился. Даже чуть опередил визави по срокам. Он изобрел три вида ракет, различающихся по калибру и дальности полета – от 1500 до 3 тысяч метров. Однако при испытаниях выяснилось, что опытные образцы оставляют желать лучшего по части точности. Представленные Засядько четыре варианта ракеты (от 51 миллиметра до 102 миллиметров) произвели лучшее впечатление, тем более что они были оборудованы оригинальными пусковыми станками. Дальность стрельбы была аналогична картмазовским показателям. Но рекордный показатель превысил норму в два

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

раза. Ракета улетела на 6 километров. Впрочем, продукт Засядько на вооружение также не приняли. Видать, представители военного ведомства еще не созрели. Если британские начальники отличались скупердяйством, то российские – неповоротливостью. Не удовлетворившись итогом показательных стрельб на столичном Волковом полигоне, Засядько добился с помощью великого князя Константина командирования в Могилев, где стоял штаб 1-й армии под командованием фельдмаршала Михаила Барклая-де-Толли. И что называется, вовремя поспел. Барклай увидел стрельбы в 1817 году, в начале 1818-го отправился лечиться на воды в Германию, но по дороге скончался. Однако свое мнение о новом оружии оставил в письменном виде: «В продолжение нахождения Вашего при Главной моей квартире для показания опытов, составления и употребления в армии... ракет я с удовольствием видел особенные труды и усердие Ваше в открытии сего нового и столь полезного орудия, кои поставляют меня в приятный долг изъявить Вам за то истинную мою признательность...»

Мнение героя войны 1812 года, бывшего военного министра, полного георгиевского кавалера и, главное, человека безупречной репутации отразилось как на будущем русского ракетного оружия, так и на судьбе самого Засядько. В 1818 году он – генерал-майор. В 1820-м – начальник первого в России артиллерийского училища, получившего название «Михайловское». Засядько получил в управление Санкт-Петербургскую лабораторию пиротехники, чуть позже – Охтинский пороховой завод и Санкт-Петербургский арсенал. При этом не забывал о деле жизни. Александр Дмитриевич постоянно работал над совершенствованием своих ракет и пусковых установок. Ему удастся создать такую ПУ, что могла одновременно нести шесть зарядов и производить одномоментный залп.

Афанасий Иванович Красовский (1780–1849), генерал-адъютант, генерал от инфантерии

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рядовой непоселенных рабочих рот Охтинского порохового завода. 1826–1828 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРОВЕРКА БОЕМ

В скором времени Засядько превратился в неформального начальника ракетных войск России. А формально в 1826 году стал начальником штаба генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича, младшего брата императора Николая I. Генерал-фельдцейхмейстер по-нашему – это командующий артиллерией. В том же году Засядько «пробивает» открытие первой в России фабрики по производству ракет – Ракетного заведения. Получает первый заказ – 3 тысячи штук для Отдельного Кавказского корпуса. Начиналась русско-персидская война за Армению и Азербайджан, и появилась возможность проверить действенность нового оружия на практике. В большинстве источников говорится о том, что впервые Русская армия использовала ракеты в бою во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. И было это то ли под Браиловом, то ли под Варной. К определению места

мы еще вернемся. Однако есть один неоспоримый источник, против которого бессильны все остальные, вместе взятые. Это – генерал-лейтенант Афанасий Красовский, воевавший с персами в должности командира 20-й пехотной дивизии и начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса. Вот что он писал в дневнике: «Августа 13-го [1827 год]. ...До 4-х тысяч неприятельской кавалерии остановились между Алагезом и лагерем, противу которых выступил я с 2-мя батальонами, двумя орудиями казачьими, отделением конгревовых ракет и до 50-ти человек борчалинской конницы. Неприятель, будучи в превосходных силах, прогнан был с потерей в горы, при сем весьма удачно были пущены около 20-ти конгревовых ракет, которые разгоняли толпы неприятельские. Батальон 40-го егерского полка, подкрепленный Крымским, теснил одного до самой ночи». Термин «конгревовы ракеты» нужно списать на то, что термина «засядьковые ракеты» так и не придумали. А Красовский, с успехом воевавший в 1812–1814 годах, знал о ракетах Конгрива не понаслышке. Известно, что против персов ракетные установки отработали еще в двух боях.

В 1827 году Засядько получил высочайшее разрешение на создание в армии первой ракетной роты с прикомандированием ее к Гвардейскому корпусу. Ее штат составили солдаты и офицеры 3-й полевой артиллерийской бригады. В роту влились 6 офицеров, 17 фейерверкеров (артиллерийских унтеров), 243 рядовых – все пушкари. И еще 60 человек нестроевых. Стало быть, требовалось время, чтобы превратить их в ракетчиков. Научить пользоваться 18 пусковыми установками для ракет разного калибра. Дефицит времени – не оборот речи. В Зимнем дворце и в штабах понимали, что до очередной войны с турками – рукой подать. Понимал это и Засядько. И, судя по результа-

Литография
А.О. Дезарно
с картины
К.П. Беггрова
«Штурм
Браилова».
1829 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

там, успел трансформировать артиллеристов в полноценную ракетную часть.

Итак, о турецком дебюте. Война еще не началась, а предусмотрительный Засядько настоял на отправке в приграничный Галац первого транспорта. Остальные пошли уже на Тирасполь, где в оперативном порядке разворачивался завод по

производству ракет. К слову, за время войны он произвел их около 10 тысяч.

Менее чем через месяц после начала войны в апреле 1828 года главный ракетчик убыл на фронт. Засядько сразу отправился на передовую под крепость Браилов (ныне – Брэила, Румыния). Боезапас ракет, разобранные пусковые станки, запас пороха поступили вовремя. Вместе с техникой прибыли и солдаты-мастеровые. А вот боевая часть ракетной роты под началом подпоручика Петра Ковалевского задержалась в пути из Петербурга. Неразбериха в начале войны – обычная штука. Но странно то, что отдельным подразделением численностью свыше 300 человек командовал всего лишь подпоручик, то бишь взводный. В некоторых источниках сообщается, что над ротой начальствовал подполковник Внуков, именно эта фамилия мелькает на страницах романа «Золотая шпага», посвященного Засядько. А романам со времен Александра Дюма веры нет. Вера есть документу, который называется так: «Положение о Ракетном заведении». Его подготовил и представил по инстанции в 1832 году подполковник Внуков. В докладе

Фейерверкер
лабораторных рот.
1826–1828 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

соратник Засядько и начальник Ракетного заведения подробно объясняет, какова есть и каковой должна быть структура организации, ее штат и прочая. На осмысление документа властям понадобилось... восемнадцать лет. Так в России бывает. А Внукову не хватило, похоже, харизмы и связей своего бывшего командира. Что до командования ракетной ротой, преобразованной в том же, 1832-м в ракетную батарею, то чего в биографии Внукова не было, так этого.

К тому моменту, когда ракетные установки были собраны и доставлены под мощные стены Браилова, турки отразили два штурма. Русская пехота понесла существенные потери. Настроение в штабе великого князя Михаила Павловича было подавленное. Решение о третьем штурме приняли нелегко. Но приняли. На вопрос, как там с ракетами, Засядько сообщил, что через неделю будет готов. И всю неделю натаскивал своих техников и прикомандированных артиллеристов, которыми был вынужден заменить штатные расчеты. Их требовалось 23, по количеству установок. А нестроевых – всего 42 человека да 90 пушкарей, взятых из батарей 7-го корпуса, осаждавшие

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

го Браилов. Успел генерал и на этот раз.

Едва рассвело, на крепость обрушились фугасные ракеты. Вторым залпом – зажигательные. В Браилове начался пожар, а вместе с ним и паника. Когда от попадания ракеты взорвались оружейные склады, осажденные были окончательно сломлены. Самая силь-

Обстрел Варны ракетами.
1828 год

Осада Варны
в 1828 году.
Рисунок
А.И. Зауервейда

ная из турецких крепостей на Дунае сдалась. Это произошло 18 июня 1828 года. Осада Варны началась позже – в конце лета, а завершилась успехом только 29 сентября. Таким образом, спорить о том, где именно стартовала ракетная рота в этой войне, не имеет смысла. Другое дело, что именно под Варной рота сражалась в полном составе. И только те, кто формулирует событие таким образом – прав.

Ракетная рота сражалась и дальше. В апреле 1829 года отличилась при взятии крепости Силистрия. После ракетных обстрелов было зафиксировано семь крупных пожаров. Оборудованные ракетными станками корабли Дунайской флотилии успешно атаковали турецкие канонерки, две из которых подожгли. Ракетными установками оснастили и корабли Черноморского флота. Применялись ракеты и на кавказском театре военных действий при штурме Ахалцыхе, правда, в весьма скромных количествах. По поводу количества. Оружие оказалось настолько эффективным, что производящие заводы попросту не справлялись с фронтowymi заказами. Но война закончилась, и интерес к ракетному делу несколько ослаб. В Польском походе 1830–1831 годов применять ракеты было не с руки. В следующий раз их использовали во время Восточной (Крымской) войны. Однако генерал-лейтенант Александр Засядько об этом уже не узнал. После выхода в отставку в 1834 году он прожил недолго. Ушел из жизни в 1837-м после тяжелой болезни. Похоронили отца русских ракетных войск в Куряжском Старохарьковском Преображенском монастыре, что в 10 верстах от Харькова. Могила не сохранилась.

Зато сохранилась фраза, как-то сказанная Александром Дмитриевичем: «Будь у нас ракетное оружие раньше, кто знает, посмел бы Бонапарт ступить на нашу землю...» Слово на два века вперед будущее видел.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БУДНИ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

ЗИМОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ СВЕТАТЬ НАЧИНАЕТ ПОЗДНО. НО КАКИМ БЫ ТЕМНЫМ НИ БЫЛ ДЕНЬ, ЗАНЯТИЯ ЖИВОПИСЬЮ В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ВСЕГДА НАЧИНАЮТСЯ В ОДИННАДЦАТЬ УТРА. И НИЧТО НЕ ИЗМЕНИТ ЭТОГО РАСПИСАНИЯ.

ВЫСОКИЕ ПОЛУКРУГЛЫЕ окна с растрескавшимися рамами пропускают тусклый свет.

Ровно в одиннадцать студенты занимают места у мольбертов, рядом на табуретках – палитры, краски, кисти. Из-за ширмы выходят натурщики и встают на подиумы. В студиях становится тихо, преподаватель подходит то к одному мольберту, то к другому, вполголоса дает советы. На живопись отведены три часа с перерывами по пятнадцать минут, во время которых натур-

щики могут размяться, а студенты выбегают покурить. В мастерской, которой руководит член-корреспондент Российской академии художеств Хамид Савкуев, места совсем нет. Непонятно, как умещаются здесь 36 студентов и три «постановки», то есть подиума, на которых позируют натурщики, или, как говорили до революции, «демонстраторы пластических поз». Когда живописец работает, время от времени ему нужно отойти от мольберта, посмотреть на свою работу с рас-

стояния. Ученики Савкуева этой возможности лишены: теснота здесь невероятная.

Каких-то тридцать лет назад здесь была персональная мастерская под руководством народного художника Юрия Непринцева. И тогда в этом классе одновременно работали максимум 15 человек, включая и вольнослушателей. Сейчас во всех мастерских Академии художеств тесно: слишком много студентов. Причем почти половина из них – китайцы. Китай переживает бум интереса к реалистической живописи, именно к академической школе. С середины 1990-х молодые китайцы стали приезжать в Петербург учиться рисунку, живописи, скульптуре. Их число растет, за свое обучение они платят – и какой же вуз откажется от платных студентов? Но теснота в мастерских явно не способствует процессу обучения.

Весь XX век крышу Академии художеств венчал штырь: статуя Минервы была уничтожена молнией в 1900 году. Восстановили ее по сохранившейся в музее модели студенты скульптурного факультета только в 2000 году

Классическая школа рисования и живописи на Западе сегодня востребована мало. Там в художественных вузах готовят тех, кто может сотворить перформанс, акцию, придумать объект. Самовыразиться, эпатировать публику, привлечь внимание к какой-то проблеме

неординарным «жестом». В Академии художеств Петербурга учатся и итальянцы, и американцы. Но их единицы. Альма-матер Брюллова и Серова становится все более популярной у китайцев. Конечно, среди выпускников академии есть художники,

Мастерская живописного факультета. Одновременно здесь пишут днем и рисуют вечером студенты третьего, четвертого и пятого курса

успешно работающие и в жанре так называемого актуального искусства. Это и Виталий Пушницкий, и Иван Говорков, и Елена Губанова. Но большая часть студентов знают, что будут создавать реалистические вещи. И не особенно интересуются актуальным искусством.

«Я не сторонник утверждения, что классическая академическая школа не восприимчива к современным тенденциям, — говорит Хамид Савкуев. — Но для нас главное — этика, вопрос того, что можно и что нельзя изобразить, мы учим этике, говорим о сакральных вещах в композиции. Я себе задавал вопрос, что есть школа... Современное искусство исключает этику, табуированность, все можно. Делать патологии или непристойности объектом искусства нельзя, особенно в школе, где формируется сознание молодого художника».

Большинство преподавателей на живописном факультете сейчас — ученики легендарного Мыльников. Хамид Савкуев тоже учился у Мыльников, он член-корреспондент Академии художеств и руководит мастерской

СРЕДНЯЯ ЛИНИЯ ПРОФЕССОРА МАНАШЕРОВА

Время от времени в парадных залах академического музея – Тициановском и Рафаэлевском – проходят выставки. Сюда ведет широкая лестница, которую стерегут слегка потемневшие от времени мраморные львы.

Но есть еще скромное пространство для экспозиций на первом этаже. Здесь недавно открыли выставку, которую пока по-настоящему оценили только профессионалы. Хотя ее следовало бы вывезти за границу, показывать всюду, рекламировать. Экспозиция, посвященная анатомическому рисунку, – это триумф отечественной академической школы. Это работы, сделанные студентами под началом руководителя курса пластической анатомии профессора Геннадия Манашерова. Его царство – старинный амфитеатр с небольшой сценой и кафедрой для лектора. Вокруг – скелеты, черепа. Самые разнообразные пособия для того, чтобы научиться рисовать человека. Так называемый «мюнхенский торс». Экорше – то есть гипсовый человек с ободранной кожей, для подробного изучения мышц. В дальнем углу – скелет лошади. И то, чем особенно здесь гордятся – пособия художника Залимана. Прямая и согнутая нога, прямая и согнутая рука. Из бронзы. Курс пластической анатомии преподают студентам первого и второго курса. Если раньше эту дисциплину изучали «творцы» – так принято в академии называть живописцев, скульпторов и графиков, – то теперь к ним прибавились еще и архитекторы. Один год изучают голову человека. Сравнивают женский и мужской черепа, затем рисуют череп в трех поворотах. Изучают мышцы, мимику. Второй год отведен на человеческую фигуру в полный рост. Точно так же – начиная с рук, ног, кистей, стоп – студенты учатся рисовать самое совершенное создание на земле – человека. Основоположником пластической анатомии был Леонардо да Винчи, ему принадлежит фраза «художник должен знать, что он рисует, но рисовать

Благодаря профессору Геннадию Манашерову удалось сохранить анатомический кабинет в неприкосновенности. Он же поднял эту дисциплину на очень высокий уровень

Пластическую анатомию студенты изучают два года. Экзамен состоит из теории и рисунков. Материал сложный, многие приходят дополнительно по вечерам

то, что он видит». Леонардо дал методику работы художника «из глубины к поверхности»: сначала изучить скелет, потом понять, как на него накладываются мышцы. «Пластическая анатомия – это базовая наука, которая помогает в изображении человека, а это самый красивый объект, – объясняет Геннадий Манашеров. – В теле человека есть архитектурный, пропорциональный ряд, который мы видим в других сферах искусства». Профессор десять лет преподавал в финской академии скульптуру и анатомию. Там остался большой круг его учеников, которые предложили назвать улицу в Хельсинки в честь «Средней линии Манашерова». Что это такое? Профессор говорит: «У каждой детали есть своя средняя линия – у бедра, позвоночника, грудной клетки. И если нет связи, сочетания этих осей, то изображение мертвое». В этом классе-амфитеатре понимаешь: вот это и есть традиции, ведь именно так учили и в XVIII веке.

РАСЦВЕТЫ И ПАДЕНИЯ

За 260 лет Академия художеств не раз меняла свое название, сумела пережить самые разные потрясения и выстоять.

Здание Императорской Академии художеств было построено в Петербурге по проекту зодчих Александра Кокорина и Жана-Батиста-Мишеля Валлен-Деламота, оно поражает роскошью и пропорциями. Есть легенда, что во время строительства здания были украдены средства, и из-за этого первый директор, Александр Кокорин, повесился под крышей академии. До сих пор новичкам-первокурсникам принято показывать мастерскую, где все произошло, и даже «тот самый» крюк на потолке. А заодно пугать их тем, что плохим ученикам является дух несчастного директора.

Академия поражает своим величием. Огромный круглый вестибюль, откуда ведут две лестницы в музей, украшен колоннами. Студенты-архитекторы учатся здесь рисовать, постигая дисциплину «Основы перспективы». На мозаичном полу вестибюля выложены римские цифры MDCCCLIV в память о том, что 4 ноября 1764 года императрица Екатерина II издала «Устав Академии трех знатнейших художеств». Основате-

Анатомический класс со старинной кафедрой и партами полон сокровищ. Скелеты, гипсовая и бронзовые головы и так называемые экорше

ли вложили немалые средства в обустройство школы, граф Шувалов отдал свою коллекцию живописи.

Золотым веком академии было XIX столетие. Сюда принимали мальчиков 6 лет, они жили здесь же, упражняясь в рисунке помногу часов в день. Вначале гипсовые орнаменты и головы, потом гипсовые фигуры. Только тот, кто постигал эту науку, переходил в следующий класс. Старшие рисовали и писали живую натуру. В качестве композиций и дипломной работы выбирали сюжет, как правило, на би-

блейскую или мифологическую тему. Золотых медалистов отправляли совершенствовать мастерство в Италию.

Но золотой век длился недолго. Бунт грянул в ноябре 1863-го, когда 14 лучших выпускников отказались писать картины на мифологическую тему и обратились к Совету академии с просьбой предоставить им право самостоятельно выбрать сюжет. Совет отказал. Лучшие выпускники в знак протеста покинули академию и создали «Санкт-Петербургскую артель художников». Но в итоге ветер перемен не миновал и

Натурщики, иначе модели или «демонстраторы пластических поз».

И раньше, и сейчас они получают небольшие деньги. Постановки бывают «тематические», тогда на натурщиках нетривиальные костюмы и головные уборы...

академию: наступал реализм, искусство не могло оставаться в стороне. Академия выстояла, преподаватели пошли на уступки, композиции и сюжеты теперь были жизненными...

После революции академию, да еще «Императорскую», поспешили переименовать. Названия сменяли друг друга: ВХУТЕИН, ВХУТЕМАС, Институт пролетарского изобразительного искусства...

Самым страшным периодом для академии стала «масловщина». Неистовый директор Маслов решил растоптать академическое искусство как пережиток прошлого. Пока литераторы сбрасывали Пушкина с корабля революции, в академии разбивали гипсовые слепки, заказанные императрицей Екатериной, выбрасывали ценнейшие модели для анатомического рисования. Ведь теперь, после «Черного квадрата» Малевича, все это будет не нужно и даже вредно. Интересно, что в Институте пролетарского изобразительного искусства (так в то время называлась Академия художеств. – Прим. ред.) тогда преподавали великие Павел Филонов и Петров-Водкин. Архитекторов отселили – в Институт гражданских инженеров.

Но авангард был остановлен на бегу. Понятие «социалистиче-

ский реализм» было закреплено в 1934-м на Первом съезде писателей как единственно верный метод. Еще раньше, 23 апреля 1932 года, вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Началась борьба с художественными объединениями. Разогнали их быстро. Тяжелый каток соцреализма начал набирать скорость. Преподаватели-авангардисты покинули здание на берегу Невы...

Живописец Исаак Бродский считается отцом Академии художеств СССР, он ее возродил, укрупнил, улучшил. Вернул архитекторов. При нем в 1937-м был основан и искусствоведческий факультет. Бродский создал знаменитую Среднюю художественную школу (СХШ) при академии. Талантливых детей собирали по всему Советскому Союзу. Они жили в интернате, учились на третьем этаже академии по особой программе. Например, в конце 1930-х в обычных школах не преподавали историю, а в СХШ такой предмет был. Ведь будущим художникам предстояло писать полотна на исторические темы. Почти все ученики поступали в Академию художеств. Защита дипломной работы живописца Александра Лактионова стала событием, эта картина – «Курсанты выпускают стенную газету» – и сейчас в академическом музее. Это триумф социалистического реализма – как написан ковер под ногами у курсантов, а как читаются на просвет буквы стеногазеты!

Во время Великой Отечественной войны в подвалах здания академии жили и умирали художники, здесь прошли последние дни великого Ивана Билибина. В 1944 году Академия художеств вернулась из эвакуации, начались занятия и в СХШ. Художник Александр Траугот помнит первый день учебы. Академия была холодной, часть здания повреждена бомбой. Учеников – сто человек – собрали в одном из классов, директор Владимир Горб сказал:

Узкие, темные, с высокими парусными сводами коридоры тянутся по всему периметру здания Академии художеств. В коридор свет проникает из внутренних дворов

«Я понимаю, вы многое пережили. Но вот возьмите Голландию XVII века. Там были войны, эпидемии, чума. А художники писали жизнерадостные натюрморты с фруктами»...

После войны Академию художеств официально перенесли в Москву. Там открылся Институт имени Сурикова. А в историческом здании в Ленинграде теперь был Институт имени Репина.

Конец 1940-х – начало 1950-х годов стали, наверное, самой мрачной эпохой в истории Академии художеств. Знаменитый исследователь западноевропей-

ской живописи Михаил Герман поступил на искусствоведческий факультет в 1952-м. Вспоминает, что, когда пришел в деканат и объяснил, что хотел бы учить второй иностранный язык, ему ответили: «Вы же собираетесь заниматься русским искусством, зачем вам иностранные языки?» В качестве темы курсовой или дипломной работы можно было выбрать только русское или советское произведение. Это было, конечно, по умолчанию. Если кто-то собирался писать о западном художнике, такую тему мягко откло-

Помпезный фасад, круглый вестибюль и музей. Чем дальше вглубь здания, тем больше таинственных дверей и лестниц. Здесь бываю только «свои»

няли». Это было время борьбы с космополитами. Зарубежное искусство изучали с той точки зрения, что оно уступало отечественному. На факультете нередко читали лекции безликие господа в одинаковых костюмах, но были и иные профессора. Те, что получили образование еще до революции, успели съездить в Европу и увидеть Флоренцию и Рим. «Владимир Францевич Левинсон-Лессинг был не столько храбр, сколько независим, обладал царственностью высшего знания, – вспоминает Михаил Герман. – Он оставался самим собой, читал лекции, не считаясь с программой, и не только бесконечно много знал, но и понимал. Росписям Сикстини он посвятил пятнадцать лекций. И когда я много позже увидел их в толпе туристов, мне они показались не такими гениальными, как на черно-белых слайдах в Академии художеств». В академии в те годы родилась поговорка: «ученье – тьма, неученье – свет». Искусствоведы слушали лекции в полной темноте, все сопровождалось демонстрацией слайдов. Почти до перестройки это были огромные черно-белые треснувшие стеклянные пластины. На них можно было увидеть и египетские пирамиды, и Парфенон, и итальянское Возрождение... Мой отец Юрий Курбатов окончил Среднюю художественную школу в 1953 году. Он не захотел поступать на живописный факультет. Картины, написанные подробно и сухо, с сюжетом, который можно читать как книгу – все это не прельщало. Он поступил в Академию художеств на архитектурный. Но гром грянул, когда мой папа и его однокашники работали над дипломным проектом: вышло знаменитое постановление об архитектурных излишествах. Студенты спешно переделывали свои проекты. Убирали портики и колонны, декор и арки. Многие профессора архитектуры после этого постановления перестали работать, как, например, зодчий Евгений Левинсон.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ «АНТИКИ»

Академию художеств трудно сравнить с каким-либо другим вузом, такого колорита не было нигде. Студенты здесь всегда были взрослые, преимущественно из провинции. Плохо одетые, нищие и веселые бородачи поступали сюда, окончив училища в Саратове, Свердловске, Пензе и других городах, многие были уже на первом курсе хорошими ремесленниками и лишь шлифовали мастерство. Их задачей было получить прописку, устроившись работать дворником, закрепить в этом несколько холодном и снобистском городе. Были в наше время и студенты из Москвы – они приезжали учиться целенаправленно: у Мыльников или Кочергина. Считалось также, что факультет графики сильнее, чем в Московском институте имени Сурикова.

В каждом классе были вольнослушатели, они бесплатно занимались вместе со студентами.

Литографский станок фирмы «Краузе» не только украшение факультета графики. Каждый день на нем печатают свои работы и студенты, и взрослые художники

Конечно, лучшие места для живописи они занимать не могли, но это, пожалуй, единственное, в чем они были ущемлены. Помимо студентов и преподавателей в академии были настоящие «антики» – натурщики и мастера-технологи. До революции натурщики служили в академии постоянно, гордились своей профессией, обитали в отведенных им квартирах неподалеку – в академических зданиях на Литейном дворе. Тридцать лет назад «демонстратору пластических поз» платили совсем немного. Поэтому позировать приходили люди со странностями, маргиналы, а также балерины, которые вышли на пенсию, пожилые одинокие старушки. Стоя на подиуме, они рассказывали удивительные истории. Александр Осмёркин в 1924 году написал свою «Женщину, снимающую перчатку». Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что молодая прелестная брюнетка на картине Осмёркина – это старушка в огромной черной шляпе, которую мы пишем акварелью и за глаза называем «Пиковой дамой».

Мастера, которые помогали освоить различные технологии, всегда были кладями мудрости. Часто сильно пьющие, одетые в синие рабочие халаты, практически не уходившие из мастерских и подвалов академии, они подчас давали нам, студентам, больше, чем преподаватели. Например, незабвенный печатник литографии Виктор Михайлович Иванов. Он работал со всеми великими, а его каморку, где стоял старинный печатный станок, украшали эстампы его клиентов. Он рассказывал, как пользовался корнпапиром график Анатолий Каплан, какие любимые цвета были у Александра Ведерникова...

Академические коридоры украшают портреты легендарных преподавателей. Жаль, что в этом пантеоне не нашлось места скромным «антикам»-мастерам.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Социалистический реализм – утверждение силы, мощи и радости. Это масштаб и пафос. Так писали в послевоенное время все академические выпускники. Но были и те, кто работал иначе, буквально единицы. Они покидали эти стены добровольно или изгонялись. Например, после войны из СХШ за формализм были изгнаны Александр Арёфьев и его товарищи, основавшие группу «Орден нищенствующих живописцев». Покинули эти стены и Михаил Шемякин, и поэт, основоположник «черного юмора» Олег Григорьев. Сейчас сложно представить, но в ту эпоху современное искусство европейских художников и преподаватели, и студенты академии знали очень плохо. В Эрмитаже залы с картинами импрессионистов были закрыты. Так продолжалось вплоть до «оттепели» и знаменитой выставки Пикассо 1956 года. Но Ленинград все же был особым городом. Еще в 1930-х здесь можно было выписывать западные журналы об искусстве. Поэтому «посвященные» ученики СХШ все же видели некоторые репродукции. Даже устраивали «квартирные выставки», развешивая на стенах вырезанные из журналов фотографии картин постимпрессионистов. Фактически тогда было заложено противопоставление. Выпускник академии, затем член Союза художников – ему была обеспечена если не карьера, то возможность зарабатывать. Государство заказывало все: от мозаик в метро и масштабных скульптурных групп до небольших литографий для провинциальных гостиниц. Художники кормились этим, но – только члены Союза. Творец-формалист, позже – нонконформист заказов не имел, в официальных выставках не участвовал. В среде неофициальных художников к выпускникам академии относились прохладно.

Офортная мастерская, она была сердцем факультета графики. Этот снимок сделан за несколько месяцев до того, как ее разорили, а исторические станки снесли в подвал

ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Время этих неофициальных художников наступило после перестройки. Открывались выставки авангардистов, издавались альбомы их работ. В Академии художеств – так по традиции называли Институт Репина – стало возможно говорить о Малевиче, произносить слово «дизайн», которое до этого было почти что ругательным. Я помню, как в 1987-м, открывая в академии выставку, исследователь русского авангарда Евгений Ковтун сказал: «Академия всегда была явлением низким». И студенты восторженно зааплодировали. Наступало время очередных перемен. На Западе стало очень модным современное русское искусство. Больше и лучше продавались не-академисты. Гранты и премии получали тоже те, кто не прошел академическую школу. В это время в гостях на Пушкинской, 10, где в расселенном доме устроили мастерские неофициальные художники, лучше было помалкивать о том, что ты получил образование в академии. Чаша весов качнулась в другую сторону. Но как бы то ни было, есть выпускники академии, известные

во всем мире. Архитектор Сергей Чобан успешно проектирует и в России, и на Западе. Сергей Павленко стал придворным художником британского королевского двора. И это именно социалистический реализм помог сохранить школу, утраченную в Европе. 1990-е годы были очень сложными. Один за другим уходили великие художники, почти все – фронтовики, яркие, сильные, деятельные. Это легендарные Борис Угаров, который был одно время президентом академии, Юрий Непринцев, Виктор Орешников и, конечно, Евсей Моисеенко и Андрей Мыльников. Все они возглавляли персональные мастерские, куда студенты попадали только на третьем курсе. Больше всего хотели учиться у Мыльникова и Моисеенко. Их студии и методы конкурировали. Эти два колосса недолюбливали друг друга, но так, как принято в хороших советских фильмах, где все герои положительные. На скульптурном факультете царил Михаил Аникушин. Когда великие ушли в мир иной, академия осиротела. И в эти же годы распался Советский Союз, да и россиян, желающих поступить в академию, стало значительно меньше. Ведь раньше академиче-

ское образование гарантировало достаток, а теперь – нет.

Если до войны в академии почти не было девушек-студенток, то теперь их большинство. Мастерские, которыми руководили великие, возглавили их ученики. Появились и новшества. К примеру, открылась мастерская церковной живописи. Кроме того, теперь во дворе, где находится мастерская Моисеенко, появилась конюшня с лошадьми и пони. Студенты пишут их с натуры. Это – возвращение традиций, ведь до революции это и была мастерская батальной живописи профессора Рубо.

Традиционно самый высокий конкурс – на реставрационное отделение живописного факультета, открытое в 1971 году. Сюда каждый год принимают всего пять человек, конкурс – бешеный. Студенты учатся на подлинных произведениях искусства. Заключают договоры, например, с провинциальными музеями. Успехи факультета – во многом результат деятельности руководителя и проректора по научной работе Юрия Боброва.

Как уже говорилось выше, академия пользуется популярностью у китайских студентов. Их становится все больше, а зна-

Парадный круглый внутренний двор академии. Виден купол с крестом, под ним академическая церковь Святой Екатерины. В советское время здесь был клуб. На стенах двора надписи «Живопись, Скульптура, Архитектура, Воспитание»

чит, и места нужно больше, чем раньше. Профессорам удалось отстоять анатомический класс, не отдать его под мастерскую. А на факультете графики случилось страшное. Сердцем факультета всегда были печатные мастерские, где стояли станки для офорта, линогравюры, резания бумаги. Тут всегда пахло кислотой, горела маленькая печка, суетились высококвалифицированные мастера-печатники. Теперь в этом помещении устроили экспериментальную мастерскую. Хотя зачем нужен эксперимент в академическом обучении, не ясно. А станки снесли в подвал...

Здание академии выглядит плачевно и давно нуждается в ремонте. Недавно ректор Семен Михайловский добился того, что Академию художеств Петербурга, а точнее, Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина перевели в ведение Министерства культуры. Появились деньги на реставрацию. Пока их хватит только на то, чтобы привести в порядок внутренние дворы здания. Но вот где найти дополнительные мастерские для студентов, похоже, пока неразрешимый вопрос... ❧

На крышу академии попасть непросто. Отсюда хорошо видны четыре внутренних двора, служившие для хозяйственных нужд. С них должна начаться реставрация исторического здания

ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ

БЕСЕДОВАЛА

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СОБСТВЕННО ГОВОРЯ, ВСЯ ЭТА ИСТОРИЯ НАЧАЛАСЬ СО СНЕЖИНОК. ОНИ ПАДАЛИ С ВЕЧЕРНЕГО НЕБА ЦВЕТА ИНДИГО И КАЖДАЯ ИЗ НИХ БЫЛА ОСОБЕННАЯ. ТО ЕСТЬ НИ ОДНОЙ ОДИНАКОВОЙ – КАК В ПРИРОДЕ!

В ОКРУГ ЯРКИМ ПРАЗДНИКОМ бурлил переполненный туристами летний Арбат, а мы все не могли оторвать взгляд от нескольких картин, выставленных в ряду сотен других на продажу. На одной задорные румяные ребятки кувыркали в снегу и лепили снеговика. На другой – шумела веселая Масленица, скакали ряженые, кружился хоромод и пыхтел большой самовар. На третьей – неслась лихая тройка, остав-

ляя в клубах снежной пыли собор Василия Блаженного. А вот красавица-селянка и первый парень на деревне оседлали... петуха и летят в ночное небо, не оглядываясь на оставшиеся внизу засыпанные снегом избы... И почти на каждой из этих картин – множество крупных изумительных снежинок. Они выписаны с такой любовью и тщательностью, что трудно представить, как художнику хватило терпения и фантазии создать это чудо...

Взятие крепости.

Автор – Тамара Ерохина-Евланова

Домой мы вернулись с «Крещением» и «Петухом». Специально рассматривали работы чуть ли не с лупой, пытаясь найти две одинаковые снежинки. Пустые старания.

Зато разыскали художницу, создающую эти удивительные работы. И чтобы познакомиться с Тамарой Ерохиной-Евлановой, отправились из Москвы в Тарусу.

Городок этот часто называют то Русской Швейцарией, то Русским Барбизоном. И то, и другое справедливо: места здесь удивительно красивые, а художников, писателей и поэтов в Тарусе всегда было в избытке: Марина Цветаева, Василий Поленов, Виктор Борисов-Мусатов, Константин Паустовский, Иосиф Бродский, Василий Ватагин, Белла Ахмадулина. Всех не перечислишь. Но и названных для такого крохотного городка, как Таруса, более чем достаточно...

ТАРУССКИЙ МИР

Тамара Николаевна работает дома, так что пришлось напроситься в гости. Светлая комната – она же мастерская – заставлена картинами. На подоконниках и на столах – роскошные цветущие орхидеи: белые, «веснушчатые», сиреневые, пурпурные...

– Я очень цветы люблю. Что ни посажу – огромный куст вырастает, – улыбается Тамара Николаевна. – Я потом все куда-то раздаю, отдаю всем, кто хочет. У меня здесь даже пальма большая выросла. И монстера. Весь угол занимала, пришлось расстаться. А как-то одно вьющееся растение у меня разрослось так, что закрыло весь потолок. Я его к потолку невидимками прикалывала. Гости приходили и сомневались: настоящее ли оно?

Любовь художницы к цветам трудно упустить из виду. И дело не только в орхидеях. По всей квартире стоят вазы с засушенными букетами. Причем цветы в этих букетах, как ни странно, почти не потеряли окраску. Вот

розы, к примеру, вообще стоят как живые. Добиться этого несложно, объясняет Тамара Николаевна. Нужно просто перевернуть букет венчиками вниз и повесить сушиться в тень. «И всё», – снова улыбается художница.

Кстати, вот это «и всё» потом еще не раз прозвучит в нашем разговоре: кажется, Тамара Николаевна всерьез считает, что писать замечательные картины, печь удивительные пироги и мастерить чудесные игрушки – это очень просто. И всё!

– Тамара Николаевна, откуда *взялись эти снежинки на ваших картинах?*

Тамара Ерохина-Евлادова – художник, создающий удивительно добрые картины

Рабочий уголок: без красок – никак!

– Честно говоря, не знаю. Я родилась на Урале и очень хорошо до сих пор помню свои детские ощущения: скрипучий белый снег, чистое небо с яркими звездами. Мама работала воспитателем в детском садике. И одно из самых ярких детских воспоминаний такое: мама везет меня ночью после воспитательской смены домой на санках, я лежу на спине и смотрю на небо со звездами. А с неба падают снежинки... Это было потрясюще. – *Но как же у вас так получается: ни одна снежинка непохожа на другую?*

– Я об этом не задумываюсь. Рисую и рисую. Они почему-то сами такими разными получаются.

– *Вы, наверное, с детства рисовали и вас отдали в художественную школу?*

– Рисовала я действительно с детства. Но ни в какую художественную школу не ходила. Мы жили очень скромно, у меня не было ни красок, ни кистей. Как, впрочем, и у многих других детей. Мы рисовали мелками или осколками кирпича на асфаль-

те. Или просто палочками на земле. А зимой я любила лепить из снега разные фигурки: гуся, петушка, кота какого-нибудь.

Когда мне было 12 лет, родители переехали в Курскую область, в Железнодорожск. Это такой промышленный город, заводы, рабочие... Мне там совсем не понравилось. И вот в 15 лет я решила поступать в Абрамцевское художественно-промышленное училище. О нем я узнала из «Комсомольской правды»: увидела в газете объявление о наборе учащихся. Это был 1972 год. Мама очень удивилась. «Ты куда собралась? Ты что?» А я ее начала упрямить: «Мама, ну, пожалуйста, я очень хочу попробовать».

Тогда она решила меня напугать, говорит: «Но художники же так бедно живут, многие из них спиваются...» А я ответила: «Ну и пусть!» В общем, мама поехала со мной в Абрамцево.

– *И вас взяли? Без всякой подготовки?*

– Взяли. Это я сейчас с ужасом думаю: какая же это была авантюра! Поехала экзамен сдавать, не имея даже красок... И, как ни странно, поступила. Меня взяли на отделение художественной керамики. И началась совсем другая жизнь. Художники! Абрамцево! Музеи! Это было замечательное время. Учиться мне очень нравилось. И для меня те четыре года в Абрамцево были очень счастливыми. До сих пор их вспоминаю.

– *А как ваши родители отнеслись к тому, что вы поступили в Абрамцево?*

– Радовались. Хотя переживали, долго не решались отпустить меня, мне ведь было только 15. А жить надо было в общежитии. После училища я очень хотела попасть по распределению в Великий Новгород, потому что там я проходила практику на фарфоровом заводе, и мне очень понравилось расписывать фарфор. Мне повезло, я и поехала в Новгород. Проработала на Бронницком фарфоровом заводе «Возрождение» три года – и это тоже было счастливое вре-

Фотография предков – на почетном месте

мя. На заводе делали не посуду, а сувениры. Все это было очень интересно. Бывало, засидишься на работе допоздна, остаешься ночевать на заводе, иногда даже на рабочем столе спала. У нас был дружный коллектив, вместе ходили в походы, ездили на рыбалку. Там ведь природа потрясающая.

А потом меня тоска взяла, захотелось нового. Стало ясно, что надо что-то менять. Но куда ехать? Вернулась к родителям в Железнодорожск, где как раз открывалось художественное училище. Я попробовала преподавать там и поняла – не мое. Стала искать дальше. Обратилась даже к своей учитель-

нице из Абрамцево – мы, кстати, с ней до сих пор общаемся, по скайпу – с просьбой помочь найти что-нибудь интересное. И тут неожиданно меня приехала навестить подруга, работавшая в Тарусе художником. И стала меня с собой звать. Я подумала: надо съездить и посмотреть. И вот мы приехали в город, я только поднялась по этой нашей горе и сразу сказала: «Ой! Это мое!» Я поняла, что хочу жить именно здесь. Сразу вросла, с корнями. Знаете, тут даже дома другие. Это не высотки или обычные пятиэтажки, разбитые на одинаковые микрорайоны: девятый, десятый, пятнадцатый... У нас здесь Салотопка, у нас здесь Курган... А еще у нас здесь говорят: «В город». «В город» – это значит вниз, с горки. А «пойти наверх» – это значит отправиться в новый район... Вот такое чудесное место.

– *И сколько лет вы уже живете в Тарусе?*

– Тридцать пять.

– *И по-прежнему считаете, что это – ваше? Нет искушения уехать куда-нибудь?*

– Ой, нет! Это еще больше стало «моим». Я даже своих сына и дочь называю «тарусята». Хотя

Автопортрет можно нарисовать и на декоративной тарелке

правильно, конечно, говорить «тарусянин» и «тарусянка». Вообще, у нас тут свой, тарусский мир.

– А какой он – этот тарусский мир?

– Первое слово, которое приходит на ум, когда я слышу это словосочетание, – «теплый». Еще – сердечный. Знаете, я вот заметила: когда приезжаю в большие города и говорю, что я из Тарусы – это действует на людей как какой-то пароль, что ли. Как только сказала «Таруса» – на меня уже по-другому смотрят. Потом обычно спрашивают: а вы что, там еще живете? Я отвечаю: конечно, а где же мне еще жить? Они удивляются: как это «где»? Мест разве мало? Мест-то много, только зачем они мне, если я и так живу в раю?

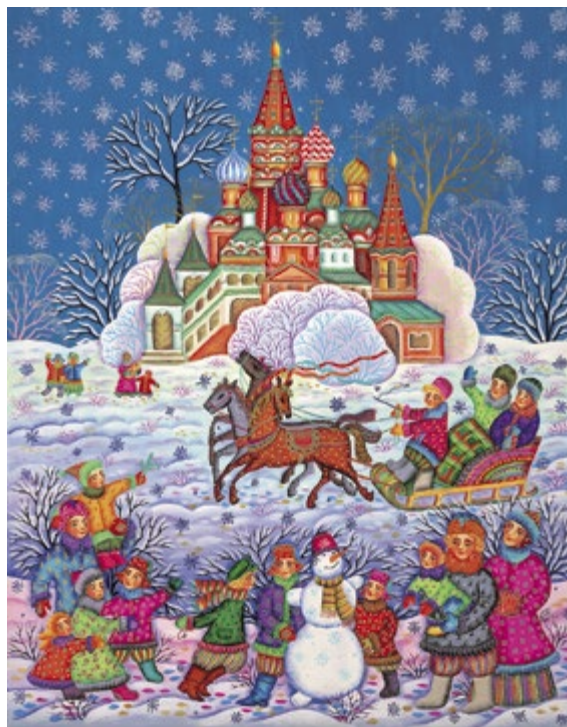
– Чем вы стали заниматься в Тарусе?

– Расписывала керамику на заводе, преподавала в художественном училище, работала в галерее...

Нет, не с того я начала. Ведь первые года три мы жили на ватагинской даче! И я познакомилась со всеми Ватагиными (В.А. Ватагин, известный российский и советский график и скульптор, профессор и педагог. – Прим. авт.): тогда еще была жива Ирина Васильевна – дочь Василия Алексеевича. Естественно, к Ватагиным приходили в гости все тарусские знаменитости: Бирштейны, Браговские... Общение с такими людьми дало мне очень-очень много...

А когда я работала в галерее, ко мне стали приходить дети художников. У нас же здесь много художников, каменщиков, резчиков, керамистов, поскольку в Тарусе была база Научно-исследовательского института художественной промышленности. Я до сих пор с детьми с удовольствием работаю. Приезжают сюда семьи на лето – отдыхать, и я занимаюсь с детьми дачников.

– Тамара Николаевна, а трудно, наверное, учить рисовать?

Волшебные снежинки
Тамары
Ерохиной-
Евладовой

«Веселые
картинки»
художницы
украшали
наборы конфет
фабрики
«Красный
Октябрь»

– Напротив. Я всегда и всем говорю, что научить рисовать можно всех. Причем в любом возрасте.

– Не может быть!

– Может.

– А если у человека нет никаких способностей?

– А на это не нужно обращать никакого внимания. Вот ведь каждый человек пишет, правда? Пишет. А разве написанное – это не рисунок?

Просто не нужно концентрироваться на том, есть ли способно-

сти, нет ли способностей. Надо просто незаметно направлять человека. Люди зачастую просто не знают, что они умеют. А на самом деле все всё умеют. Человек же в детстве как глина, и вопрос, кто и что из него вылепит...

Конечно, уровень творчества – это уже другой вопрос... Но ведь не всем же быть гением по имени Леонардо да Винчи. Не каждого Боженька целует... И я тоже не Леонардо да Винчи, я где-то там в своей нише, на своем скромном уровне. И отдаю себе в этом отчет.

– То есть вы считаете, что художник должен четко и честно осознавать уровень своего творчества и таланта?

– Конечно! Это просто обязательно. Не принижать и не завышать. А трезво оценивать. И всё!

620 КАРТИН

Со стены за нами наблюдает добрый задумчивый ангел, написанный художницей, у ног хозяйки сидит, помахивая хвостом, забавная такса Мара, а за стеклом внушительного аквариума медленно курсируют какие-то странные миниатюрные акулы.

– Это не акулы, – смеется Тамара Николаевна, – это акульки сомики. Они не хищные. Купила их совсем маленькими, а они все растут и растут. Я им уже

третий аквариум меняю – каждый раз все больше и больше.

Еще один аквариум находится на кухне. В нем живет одиннадцатилетняя золотая рыбка.

– Она в детстве была вот такая маленькая и черненькая. Она называлась «черная комета», и мы ее именно потому и купили, – рассказывает Тамара Николаевна, причем слово «детство» она произносит без тени иронии, и становится ясно, что рыбка – тоже член семьи, как такса и сомики. – А потом стали появляться золотые пятна, их становилось все больше, и теперь она вся – золотая!

– Тамара Николаевна, а как вы сами определяете стиль, в котором создаете вот эти удивительно добрые картины? Такое ощущение, что вы в своем творчестве вобрали и переплавили все: и лубок, и народные игрушки, и различные виды народной росписи...

– А так и есть, наверное. Я ведь и матрешек раньше расписывала, и фарфор, и сувениры. И народным костюмом занималась. Я все это изучала, много читала по теме. Есть у меня и любимые художники, картины которых я разбираю и учусь. Ну и потом, я дружила с Ириной Васильевной Ватагиной, а она писала и реставрировала иконы. Она по профессии реставратор. Она же и научила меня реставрировать иконы. Это был еще один отрезок моей жизни. Позже я писала орнаменты в нашей Воскресенской церкви. Кстати, батюшка там – это мой ученик, отец Александр... Потом это как-то вот так трансформировалось. Я не знаю, почему получилось вот именно так. Оно просто так получилось. И всё...

– А каких художников вы любите?

– Брейгеля люблю. Очень люблю Леонардо да Винчи, особенно его карандашные рисунки. Васнецова, Билибина, Врубеля, Филонова люблю. И Константин Васильев мне нравится.

– А сколько картин в этом своем стиле вы написали? И как все-таки вы его сами определяете?

Картины, дарящие радость

– Меня многие пытались пропустить. Я его никак не определяю. Я его называю просто: «веселые картинки». А написала я их 620.

– Где же они все?!

– Почти все за границей. Их в основном иностранцы покупают.

– Вот как...

– Нет, наши, конечно, тоже покупают. Вот у нас здесь одна женщина приезжает отдыхать, у нее в Тарусе дача. А я ведь сдавала свои картины и в местный магазин. Так вот она скупилась в этом магазине все мои работы и попросила продавщицу, чтобы они нас познакомили. Нас познакомили, она пригласила меня к себе в

гости. Оказалось, у нее на втором этаже вся стена завешана моими картинами. И она мне рассказала, что очень сильно болела. И, по ее словам, она приходила, ложилась на диван под эти картины и рассматривала их. И они ей помогли поправиться, потому что, как она сказала, картины – очень добрые и оптимистичные. Эта история меня тогда очень сильно удивила.

– А меня эта история как раз не удивляет. Ваши картины действительно очень добрые и немножко... чудные...

– Да? Я рада, что вы так думаете. С другой стороны, мне часто кажется, что соседи меня за чудачку держат... Понимаете, я ведь даже пробовала писать что-то... ну, вот, серьезных ангелов, к примеру, пробовала писать. Не получается...

– Зачем вам писать серьезных ангелов? Ведь ваши «веселые картинки» радость людям дарят.

– Ну, они, естественно, не всем нравятся. Вот у меня была выставка в Центральном доме художника в Москве, на которой я выставила как раз свои «веселые картинки». И я наблюдала за посетителями: одни подходят, смотрят на картины, и у них лица сразу светлеют, люди улыбаться начинают. А другие... Смотрят – и видно, что мои картины их раздражают...

Гулянье у Кремля.
Автор – Тамара
Ерохина-
Евланова

ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ

– **Тамара Николаевна, а почему вас соседи считают чудной?**

– Ну ведь художники – они все чудачки, разве нет? Знаете, я как-то раз купила себе пальто. На три размера больше, чем нужно. Но оно мне так понравилось – такой яркий чистый цвет! И вот иду я в новом пальто, довольная. А навстречу мне соседка. И я ей говорю: «Вот, Таня, купила себе новое пальто замечательное!» А она на меня посмотрела внимательно и отвечает: «Нет, ну вам-то, художникам, такое можно носить. Но я-то такое носить не могу». И дальше пошла. А я стою и думаю: «Ну и хорошо. Художникам можно. И всё!»

Правда, иногда я все-таки стараюсь посерьезнее быть. Бабушка же уже. Да и учительница вообще-то... А потом забываю об этом и иду с малышами на горку – на санках кататься.

– **А вот во дворе вашего дома раскрашенная яркими красками детская площадка – не ваших рук дело?**

– Наших. Это мы с дочкой Лизой – она у меня тоже художница – вместе раскрасили. Чтобы веселее было. Бабушки из нашего дома все хотели мне денег дать на краски. Ну что я у них – деньги брать буду? Тем более

нам сын очень помогает. Он в Москве сейчас работает.

А еще тут за домом заросший пустырь был. Когда родилась внучка Ульяна, я много с ней гуляла. И вот хожу по пустырю и думаю: ну что ж так заброшено-то все? А давай-ка сделаю я тут клумбу. Ну и стала там копать. Соседи спрашивают: «Что ты там копаешься?» Я объяснила, что клумбу хочу разбить.

– **Разбили?**

– Конечно. Еще и кормушку для птиц сделали.

– **А соседи-то, когда узнали про клумбу, пришли помочь копать?**

– Нет.

– **Понятно. Что у вас следующее на очереди?**

– Подъезд вот хочу раскрасить. Стены унылые какие-то.

– **Тамара Николаевна, а это правда, что вы везде мусор собираете?**

Так рождаются «веселые картинки»

Парк. Автор – Тамара Ерохина-Евлادова

– Да, правда. Я поэтому везде с собой пакеты ношу. Я собираю мусор и отношу в помойку. Ну а как же? Ну вот, идем мы, к примеру, на речку. А там бутылки на берегу валяются. Разве это нормально?

– **Нет, конечно.**

– Или вот у нас тут компании всякие собираются. Сидят, курят, пьют, мусорят. Но ведь за собой-то не убирают. Я и объявления с просьбами не мусорить вешала, и разговаривала с ними, и корзины ставила...

– **Какие корзины?**

– Обычные, для мусора. Я их прошу всегда: ребята, не надо мусорить. У них один ответ: это не мы. Ну, говорю им, значит, это я тут мусор накидала. Что ж, получается – мне и убирать. Понимаете, кто-то же это должен сделать! Это лучше, чем идти мимо и ворчать, а потом сидеть у себя дома в чистоте и уюте и рассуждать о любви к Тарусе.

– **Похуже, вы действительно очень любите Тарусу...**

– Очень люблю. Она мне просто необходима, вряд ли я смогла бы теперь жить без Тарусы.

– **А как вы думаете, смогли бы вы рисовать такие картины, если бы жили не в Тарусе?**

– Думаю, нет. Вот вы говорите, что картины мои добрые, оптимистичные... Но ведь мы тут так и живем в Тарусе. У нас здесь такой стиль жизни и такие отношения. Здесь никто никуда не торопится, здесь все очень спокойно, по-доброму. Вот я с утра выхожу с собакой погулять. Не спеша. Нужно выйти, посмотреть, какая погода, что да как, что с лужами у нас сегодня... И еще здесь все подвержено природным ритмам. К примеру, знаете, какое одно из самых важных событий в Тарусе?

– **Какое?**

– Ледоход на Оке. Неважно, кто ты и кем ты работаешь. Но если ты в Тарусе, ты обязательно пойдешь смотреть, тронулся лед или нет. А Рождество? А выставки тарусских художников? А Рихтеровские вечера? У нас тут жить очень интересно. 🍎

ДОМ НА УГЛУ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНЫЙ ДОХОДНЫЙ ДОМ НА УГЛУ УЛИЦЫ ДОСТОЕВСКОГО И КУЗНЕЧНОГО ПЕРЕУЛКА. СПУСКАЕМСЯ ПО СТУПЕНЬКАМ – И ОКАЗЫВАЕМСЯ В ГАРДЕРОБЕ. КОГДА-ТО ЗДЕСЬ ПАХЛО КОРИЦЕЙ, СЕЙЧАС АРОМАТЫ КОНДИТЕРСКОЙ ПРИХОДИТСЯ ДОДУМЫВАТЬ, КАК И МЕНЕЕ ПРИЯТНЫЕ ЗАПАХИ ЛЕСТНИЦЫ, ВЕДУЩЕЙ В КВАРТИРУ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО, В КОТОРОЙ ОН ПРОЖИЛ ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА ТРИ МЕСЯЦА И 24 ДНЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

— ВЫ К ФЕДОРУ Михайловичу? – предупредительно спрашивают служительницы. – Тогда вам выше.

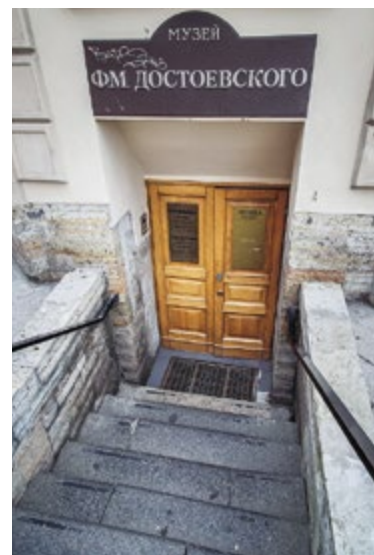
Звучит так, будто Федор Михайлович никуда и не исчезал, а ждет в кабинете именно вас. В каком-то смысле это так.

Дом, в котором ныне располагается мемориальный музей, был построен в первой половине 1840-х. В начале 1846 года, когда в нем впервые поселился

Достоевский, он принадлежал столярному мастеру Климу Кучину. Выехал писатель из этого дома весной 1846-го, но вернулся сюда с женой и детьми в 1878 году – после того, как умер младший сын, Алеша. К тому времени здание числилось по Кузнечному переулку, а хозяйкой его была вдова купца Федора Клинокострёма. Дом состоял из 44 квартир, на первом этаже находились погреб, булочная, мелочная лавка. Достоевские заняли квартиру №10 на втором этаже.

Достоевские не ныряли в подвал, как современные посетители музея, а заходили с парадного входа, которым сейчас редко пользуются

Через год после смерти писателя дом поставили на капитальный ремонт и перестроили. В советское время тут были коммуналки, но 11 января 1968 года Ленгорисполком принял решение о том, что здесь будет музей. Дом снова поставили на капитальный ремонт. 12 ноября 1971-го состоялось торжественное открытие музея.

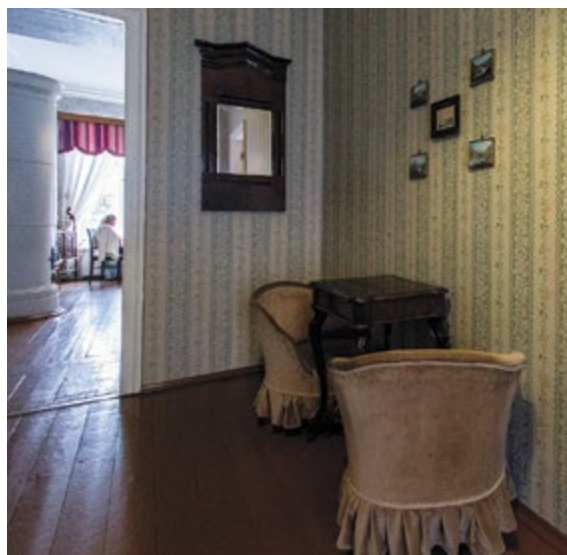
КЛАДОВАЯ И «ЛАВКА»

– На этой лестнице Катков – редактор, с которым сотрудничал Федор Достоевский, – ногу подвернул. Так что осторожнее, а то будете как Катков! – ведет в квартиру Достоевского доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе петербургского Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, президент Российского общества Достоевского Борис Тихомиров. – Когда писатель жил тут еще в 1846-м, к нему пришла всероссийская слава. Здесь он заканчивал «Двойника», тогда же вышел сборник с романом «Бедные люди». И ничье имя в это время не упоминалось в прессе так часто. Визитеры Достоевского запомнили запах жареного кофе и кошек на лестнице. Входная дверь была обшарпанной. Сейчас она выглядит опрятно. Да и колокольчик при Достоевском висел гораздо ниже. Когда писатель занемог, колокольчик подвешивали, чтобы не тревожил. Звоним в колокольчик – и входим в переднюю. Планировка мемориальной квартиры восстановлена по чертежам и воспоминаниям. Анна

Григорьевна, жена Достоевского, писала: «Квартира наша состояла из шести комнат, громадной кладовой для книг, передней и кухни и находилась во втором этаже. Семь окон выходили на Кузнечный переулок». Гости Федора Михайловича обычно из прихожей проходили налево по коридору в гостиную. На стене в прихожей по правую руку висит неприметное панно в рамке, причем это не декоративная инсталляция, а важный экспонат, суть которого пояснил Борис Тихомиров:

Шляпа Достоевского из магазина купца Карла Циммермана. Подарок ленинградскому музею от московских коллег

Обои для музея были изготовлены по индивидуальному заказу, чтобы в каждой комнате в точности повторить рисунок

– Это фрагменты нескольких слоев обоев. Обои клеили на газеты, и во время капитального ремонта, в конце 1960-х годов, когда дом перестраивали под музей, как дошли до газет 1878-го, поняли, какие обои были при Достоевском! И обои для музея были изготовлены по индивидуальному заказу, чтобы в каждой комнате в точности повторить рисунок.

В прихожей под стеклянным колпаком выставлена шляпа Федора Михайловича из магазина купца Карла Циммермана. Ее подарили ленинградскому музею московские коллеги из Музея Достоевского. Именно туда передали коллекцию Анны Григорьевны, которая еще в конце 1880-х годов получила от властей две комнаты в Государственном историческом музее для хранения рукописей и портретов. Позже эти экспонаты передали в Музей детства Достоевского на Божедомке.

Дверь в кладовую, о которой вспоминала Анна Григорьевна, расположена в прихожей слева от входа. Энергичная и рачительная хозяйка еще до переезда в эту квартиру пошла на беспрецедентный в писательской среде шаг: сама стала издавать произведения Достоевского. Первым отдельным изданием был роман «Бесы». Анна Григорьевна сильно рисковала, но справилась. Злые языки не без зависти говорили, что не будь она женой Достоевского, то открыла бы на Невском меняльную лавку.

– Анна Григорьевна все посчитала до копейки и сама удивилась, как хорошо «Бесы» пошли. Она напрямую обращалась в типографию и книжные лавки. В 1879-м Достоевский, что дало повод для многочисленных шуток, получил свидетельство купца третьей гильдии, потому что Анна Григорьевна открыла книжную торговлю для иногородних, то есть занималась продажей книг – и не только супруга – по почте. А заказы хранила в квартире, – рассказывает Борис Тихомиров.

ДЕТСТВО РОГНЕДЫ

«На заре ты ее не буди...» – если дети из своей комнаты слышали, что отец, проснувшись, напевает этот романс, то знали: он в хорошем настроении. Достоевский работал по ночам. Ложился в 3–5 утра, спал беспокойно, мучили приступы и кошмары, вставал за полдень. Дети уже играли. У четы Достоевских их родилось четверо, но старшая дочь, София, скончалась в младенчестве, а сын Алеша умер, не дожив до 3 лет. После его смерти семья и переехала на Кузнечный переулок – с дочерью Любовью и сыном Федором.

Счастливый Федор Михайлович писал своей племяннице Софье Ивановой через несколько месяцев после рождения дочери Любы: «Не могу вам выразить, как я ее люблю. <...> На меня похожа до смешного, до малейших черт...» Когда умер Достоевский, дочери было 11 лет, сыну – 9. Малолетним детям Достоевский читал Шиллера и смеялся, когда те клевали носом. Свои произведения он им не читал.

– В воспоминаниях дочери писателя есть удивительная вещь, – делает паузу в детской Борис Тихомиров, – характер, «подполье» сразу чувствуется! Люба пишет, что одной из первых книг, которые подарил отец, была иллюстрированная «История» Карамзина. Если быть точным, это книга не Карамзина, а по Карамзину. С иллюстрациями: картинка и страница рассказа. А любимой героиней Любы была княгиня Рогнеда. Но если мы эту книгу откроем, увидим картинку: Рогнеда замахивается ножом на своего мужа, князя Владимира. Роль Рогнеды Люба выбирала и на детских спектаклях. История этой княгини мрачна: она отвергла Владимира, тот убил родителей Рогнеды и, возможно, изнасиловал ее. Отец, по воспоминаниям дочери, рассказывал о Крещении Руси, но как комментировал историю Рогнеды и эту иллюстрацию, неизвестно.

Комната Анны Григорьевны: ее письменный стол и рабочая тетрадь. На стене фотопортрет хозяйки, ее матери и брата

АННА ГРИГОРЬЕВНА РУКУ ПРИЛОЖИЛА

Свободного времени у энергичной жены писателя было в обрез. Но когда выдавалась минута, она любила раскладывать пасьянсы, правда, они почти никогда не сходились. Зато у Анны Григорьевны получалось улаживать денежные дела семьи. В ее махонькой комнатке стоит бюро – на нем образчик стенограммы хозяйки. Часто ее по ошибке называют 5-й главой «Игрока», на самом деле – это стенограмма одной из глав предсмертного «Дневника писателя» (стенограмма «Игрока» не

сохранилась. – Прим. авт.). Тут же расписка о том, что Петр Кузнецов – посыльный Анны Григорьевны – получил от нее книгу, чтобы обменять в книжном магазине.

– Достоевские уехали в Европу в 1867 году, сбежали от кредиторов, – рассказывает Борис Тихомиров. – Писателю грозила долговая яма. Анна Григорьевна долги выплачивала после возвращения из Европы, а на столе – счет, правда, это муляж, как и правая страница «документа»: гонорары за «Братьев Карамазовых». Учтено все: количество отправленных

Лошадка в детской не случайно стоит: Федор Достоевский, сын писателя, с детства любил лошадей. Впоследствии стал коннозаводчиком

Экспонаты для столовой музею передали потомки Достоевского. Так, фарфоровый сервиз принадлежал Марии Владимировне Савостьяновой – внучатой племяннице писателя

Каткову авторских листов, сумма, причитающаяся автору. В углу на стене – старые фотографии Анны Григорьевны, ее матери, брата. А на рабочем столе фотопортрет самого писателя в рамке из позолоченного серебра. Рамка помнит самого Достоевского: Анна Григорьевна купила ее еще при жизни мужа. На этажерке – другое фото, с дарственной надписью жене. Достоевский фотографировался после своей знаменитой Пушкинской речи в Москве, но почему-то по возвращении подарил супруге снимок, сделанный в Петербурге в 1876-м. Из комнаты Анны Григорьевны можно пройти в столовую, что было невозможно при Достоевском. В мемуарах жена писателя признается, что в траурные дни она, измученная соболезно-

ваниями с рефреном «Кого потеряла Россия!», уходила плакать в свою комнату и запиралась, но беспрестанно стучали и беспокоили ее. «Когда одно лицо из членов многочисленных депутатий захотело, кроме «России», пожалеть еще и меня, то я была так глубоко тронута, что схватила руку незнакомца и поцеловала ее», – вспоминает о своем «убежище» Анна Григорьевна.

На этажерке в комнате Анны Григорьевны – фотография Достоевского 1876 года работы Николая Досса с дарственной надписью Анне Григорьевне, датированной 14 июня 1880 года

ЗА ЧАЕМ

Достоевский очень дорожил семейным общением. За обедом при детях старались говорить о простом, понятном. Федор Михайлович обожал детей, часто баловал их лакомствами. Сам он любил чай: в столовой для него всегда оставляли горячий самовар. Дочь писателя вспоминала, будто отец пил почти чифирь, а вдова – что у супруга была своя мера крепости чая, он придирчиво относился к его цвету, клал два куска сахара. Самовар и сервиз в столовой, картины и многое другое музею подарила внучатая племянница Достоевского Мария Савостьянова. Дошла до нас и серебряная ложечка с инициалами ФД, такие дарят детям на первый зубок. Видимо, это вещь Федора Достоевского – младшего. А вот знаменитая ложечка, которой

На столике в гостиной – коробка из-под табака фирмы «Лаферм». На донышке коробки рукой его дочери Любы в день смерти отца сделана надпись с детскими ошибками: «28 января в 1881-го г. Умирь папа в 3 ч<етверти> 9-го»

писатель пользовался, заваривая чай, не сохранилась.

Помимо пристрастия к чаю Достоевский был страстным курильщиком, любил сам набивать папиросы табаком, смешивая два сорта. После триумфальной Пушкинской речи перешел на сигары – дорого и солидно.

К Достоевским на чай заглядывали друзья: Елена Штакеншнейдер, дочь архитектора, издатель Алексей Суворин, поэты Аполлон Майков, Яков Полонский, юрист Анатолий Кони. Часто заглаживал публицист и литературный критик Николай Страхов, позднее написавший биографию Достоевского. Когда писатель умирал, у него в квартире пребывало много народу, но Страхов не приходил. Впрочем, это не мешало ему написать об этом дне по чужим воспоминаниям.

ОТ ПИСАТЕЛЯ – СТОЛЯРУ

В кабинет Достоевского посетителей не пускают, это святая святых музея, при жизни писателя даже детям не разрешалось туда входить и мешать отцу. Окна квартиры выходят на Кузнечный переулок, при писателе в гостиной был

балкон, так что Достоевский, выходя на него, видел Владимирскую церковь. Народное сознание любит таинственный миф, будто Достоевский старался селиться в угловых домах и непременно с видом на церковь. Балкон на три окна в гостиной во время капитального ремонта дома в конце 1960-х не вернули.

После смерти мужа Анна Григорьевна пригласила фотографа – и тот запечатлел кабинет, так что он воссоздан в точности. Когда создавали музей, эти снимки использовали в телепрограмме с призывом к горожанам пожертвовать похожие вещи. А вот икона – мемориальная: на обороте Анна Григорьевна записала, что ее поднесли Достоевскому в 1874 году, и с тех пор она всегда на-

Письменный стол в детской

Уголок гостиной воссоздан по рисунку племянницы Достоевского Варвары Андреевны Савостьяновой. Над диваном картина из собрания семьи Савостьяновых «Моление о чаше»

ходила в его кабинете. Увы, имя дарителя неизвестно. Сюжет иконы – «Божия Матерь Всех скорбящих Радость», что очень рифмуется с творчеством писателя. Перышком, которое лежит на рабочем столе, Достоевский писал «Братьев Карамазовых». Тут же – детская записка Любы отцу: «Папа, я тебя люблю».

Лекарства, купленные в день смерти писателя. Фотокопия «Сикстинской мадонны» Рафаэля в кабинете, конечно, не случайна. Достоевский восхищался этой картиной, мечтал о фотокопии, но не мог найти. Об этом узнала вдова Алексея Толстого – Софья Толстая, дружившая с Достоевским. С помощью знакомых

Фото
Феди и Любы
Достоевских

она приобрела репродукцию в Германии, а передал писателю ценный подарок философ Владимир Соловьев. Когда он пришел, Достоевский спал. И Анна Григорьевна решила спрятать и обрамить фотографию, чтобы порадовать супруга в день рождения. Мадонна висит в кабинете над диваном, о котором – отдельная история.

Достоевский ночевал в кабинете. Его невестка вспоминала, что в 1911 году Анна Григорьевна уехала из Петербурга в Сестрорецк, работать над мемуарами вдали от столичной суеты. И когда приезжала навестить внуков, ночевала на том же диване, на котором умер ее муж. Этот диван до 1918 года находился в кабинете сына писателя на Фурштатской улице. Когда Федор Федорович в 1918 году уехал в Ялту хоронить мать, то попросил кузена присматривать за своей квартирой. Вернуться из Крыма Федору помешала Гражданская война. А в Петрограде решили, что Федор Достоевский эмигрировал, и передали квартиру столяру, жившему в подвале дома. Тогда и пропал тот самый диван, но сохранилась его черно-белая фотография, и в воспоминаниях говорится о цвете обивки, поэтому музейным сотрудникам удалось заказать очень похожую копию.

– Когда Анна Григорьевна уехала в Сестрорецк, почти все громоздкие вещи из квартиры перевезла на склад, включая мебель и архивы. После революции архивы попали в Пушкинский Дом, мебель – в Эрмитаж. А библиотеку обезличили, и сейчас книги Достоевского «растворены» в общей библиотеке Пушкинского Дома. При составлении научного описания библиотеки писателя кое-что было отыскано, например первые два тома четырехтомника «Странствия инок Парфения», где на полях рукой Достоевского нарисованы готические окна. Он очень любил эту книгу, – рассказывает Борис Тихомиров.

«НЕ УДЕРЖИВАЙ!»

Утром 28 января 1881 года (по старому стилю), на третий день болезни, Достоевский проснулся со словами «Аня, я сегодня умру» и попросил жену дать ему Евангелие, подаренное ему женами декабристов. По давней привычке открыл его наугад, на словах: «Не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Это говорит Иисус Христос Иоанну Крестителю. «Ты слышишь – «не удерживай» – значит, я умру», – сказал писатель жене. Он умер в тот же день.

А то самое знаменитое Евангелие перешло Федору Федоровичу. Сейчас оно – в Российской государственной библиотеке в Москве.

Время в кабинете замерло. Непослушные стрелки настольных часов замерли на моменте смерти Достоевского, правда, принадлежали часы не писателю, а его внуку. Почему «непослушные», объяснил Борис Тихомиров:

– Многие до сих пор считают, что Достоевский умер в 20.38, так пишет и Анна Григорьевна. Но ей было не до того, чтобы наблюдать за минутами. А за полчаса до кончины писателя в квартиру на Кузнечном пришел беллетрист Болеслав Маркевич: его послала Софья Андреевна Толстая узнать о самочувствии писателя. Достоевский умер на его глазах. Маркевич пришел домой и написал очерк в газету «Московские ведомости», который был опубликован 1 февраля, в день погребения писателя. Там говорилось, что писатель скончался в 20.36. На следующий день после смерти Достоевского вышла газета «Новое время» с некрологом, в котором время смерти Достоевского – «в 20.40». Откуда взялась эта цифра, непонятно. В музее с 1971 года минутная стрелка показывала 38 минут, а после установления правильного времени ее переводят на 36 минут, но она упорно не желает поворачиваться на два деления назад.

Часы с «непослушными» стрелками, принадлежавшие семье Достоевских, в кабинете писателя

На следующий день после кончины писателя в его квартиру пришли несколько художников, одним из них был Иван Крамской. Он написал портрет усопшего в натуральную величину, который высоко оценила Анна Григорьевна, сказав, что «Федор Михайлович кажется не умершим. А лишь заснувшим, почти с улыбающимся и просветленным лицом, как бы уже узнавшим неведомую тайну загробной жизни». Посетил Достоевских и скульптор Леопольд Бернштам, тогда еще никому не известный, и снял посмертную маску с лица писателя.

...Во время панихиды от духоты гасли свечи. Народа было столько, что из-за тесноты чуть гроб не перевернули. Достоевский умер от разрыва легочной артерии, он много лет страдал

болезнью легких. Эмоциональных потрясений, приблизивших скорый конец, было тоже немало. По официальной версии, артерия лопнула, когда писатель передвинул этажерку в своем кабинете. Однако громоздких этажерок у него не было. В черновом варианте воспоминаний Анны Григорьевны туманно сказано о «чем-то» тяжелом. Исследователи предполагают, что она пыталась скрыть истинную причину кровотечения – не физическое напряжение, а эмоциональное. Накануне Достоевского навестила сестра Вера Михайловна: состоялся резкий разговор по поводу дела наследства. Но это не всё.

В соседней с Достоевскими квартире №11 жил Александр Баранников, революцио-

Кабинет Федора Михайловича воссоздан по фотографии Владимира Таубе, которого Анна Григорьевна специально пригласила запечатлеть обстановку в этой комнате в 1881 году

подоплеку столь неожиданно жесту митрополита Исидора, который поначалу возмущенно отозвался о перспективе погребения Достоевского на самом почетном кладбище Петербурга. Владыка сомневался в том, что «какой-то романист» заслуживает таких почестей, да и вообще опасался демонстраций.

В ситуацию вмешался обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев, Исидору поставили на вид, а к вдове отправили делегатов от лавры с предложением предоставить место на Тихвинском кладбище безвозмездно. Анна Григорьевна, конечно, согласилась, тем более после унижительных объяснений с настоятельницей Новодевичьего монастыря, заломившей непомерную цену. Из дневников генеральши Александры Богданович известно, что Победоносцев, которого Федор Михайлович избрал опекуном своих детей, на панихиде выразился так: «Мы ассигнуем деньги на похороны Достоевского». И по ходатайству Победоносцева вдове Достоевского, первой из вдов литераторов, назначили пенсию 2 тысячи рублей в год. Такую выплачивали женам генералов. Несколько дам у входа в Александро-Невскую лавру, куда на погребение 1 февраля пускали только по билетам, выдали себя за Анну Григорьевну. Из-за этих «двойников» ее с детьми не хотели пропускать на кладбище. После похорон Анна Григорьевна с детьми жили в квартире на Кузнечном несколько месяцев, к лету уехали в Феодосию. И впоследствии в дом, где умер Достоевский, не вернулись.

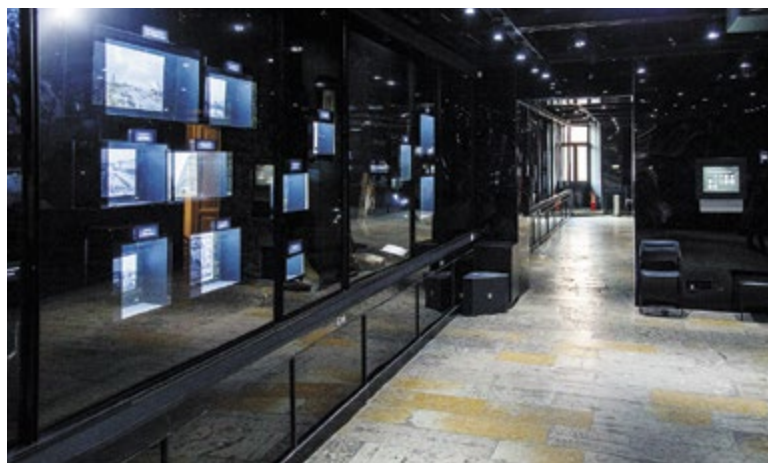
«В день похорон весь Кузнечный переулок полон народу; студенты держат цепь, а народ все идет, все идет. Большие были похороны и Некрасова (тоже помню), но куда, совсем: не такие, как Достоевского...» — вспоминала подруга Анны Григорьевны Мария Стоюнина. «До того не бывало на Руси таких похорон», — писал пораженный Страхов. Нести гроб Достоевского почитали за честь. Народ провозжал своего писателя. ■

нер, член исполкома подпольной организации «Народная воля», готовившей покушение на царя. Квартиру Баранникова, в которой царская охранка устроила засаду, от квартиры Достоевского отделяла тонкая стена, так что писатель мог слышать, что происходило у опасного соседа.

— Удивительно, что, когда к полуночи жандармы пришли с обыском в квартиру Баранникова, у Достоевского за стенкой начинается первое кровотечение. А когда в четыре часа дня в засаду, оставленную в квартире Баранникова, попадает еще один член «Народной воли», у Достоевского открывается предсмертное кровотечение. Эти события совпадают по времени. Можно предположить, он знал, что там происходит, и разволновался, — замечает Борис Тихомиров.

ПОХОРОНЫ «ГЕНЕРАЛА»

После похорон поэта Николая Некрасова Достоевский сказал жене, что хотел бы, чтобы его похоронили рядом с ним, на Новодевичьем кладбище, лишь бы не на Волковом, на Литераторских мостках. Не хотел лежать «рядом с врагами». Анна Григорьевна тогда рассмеялась и пообещала похоронить мужа в Александро-Невской лавре. «Только не умирай так рано», — добавила она. Такой поворот Достоевскому понравился, хотя он заметил, что это ему не по чину, что хоронят там «генералов от инфантерии». На что жена ответила: разве он не генерал от литературы? Кто же мог знать, что эта семейная шутка окажется пророческой. Место на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры вдове Достоевского предложили безвозмездно, хотя вряд ли убивая горем женщина знала всю

Литературная экспозиция

ПОДВИЖНИК ИЗ ШАНХАЯ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

С ПРОФЕССОРОМ ШАНХАЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ВАН ЧЖИЧЭНОМ МЫ ДОГОВОРИЛИСЬ ВСТРЕТИТЬСЯ У ХРАМА ЦЗИНАНЬ. ЗАЖАТЫЕ ЗЕРКАЛЬНЫМИ БАШНЯМИ ЗОЛОЧЕННЫЕ КРЫШИ БУДДИЙСКОГО СВАТИЛИЩА ТО ПОЛИВАЛ ДОЖДЬ, ТО НА МГНОВЕНИЕ ОБЖИГАЛИ ЯРКИЕ ЛУЧИ СОЛНЦА, ТО СНОВА НАКРЫВАЛА ХМУРАЯ СЕРАЯ МОРОСЬ. «ВЕСЕННЯЯ ПОГОДА КАК ЛИЦО МЛАДЕНЦА – ТО СМЕЕТСЯ, ТО ПЛАЧЕТ», – НАЧАЛ БЕСЕДУ С КИТАЙСКОЙ ПОГОВОРКИ ПРОФЕССОР ВАН.

«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ в Шанхае», «Русские эмигранты и Великая Отечественная война», «Музыкальная жизнь русских эмигрантов Шанхая», «Общественная жизнь русских

эмигрантов Шанхая», «Карта русской культуры в Шанхае» – все эти книги написал Ван Чжи-чэн. Откуда же такой интерес к русской эмиграции у китайского ученого?

«Русские были моими соседями, – объясняет профессор

Ван. – В 1940-е, во время расцвета русской колонии в Шанхае, мы жили во Французской концессии, недалеко от авеню Жоффр – главной русской улицы. С детства мне запомнилось, как русские точильщики ходили мимо нашего дома, выкрикивая: «Мо циандао!», то есть «Точим ножницы!» Подкатывали телеги торговцы шерстяной одеждой, продавцы мыла – все они тоже были русскими. Я хорошо научился выговаривать первую русскую фразу – «стакан кофе», которую часто приносили в русской кофейне. И невольно задавался вопросом: откуда здесь столько русских? Жили мы тогда неплохо: своя вилла в три этажа, светская жизнь, концерты в консерватории, где опять же выступали русские музыканты.

Отец мне говорил: «Русская культура – это мировое сокровище, изучай Россию». Можно сказать, я исполнил завет отца. После окончания средней школы я поступил на факультет русского языка Шанхайского института (сейчас – университет. – Прим. авт.) иностранных языков».

Ван Чжи-чэн говорит, что полюбил европейскую музыку еще в детстве на концертах первого в стране симфонического оркестра, созданного русскими эмигрантами

Храм Цзинань
почти семь веков
был крупным
буддийским
монастырем
и центром
паломничества,
удаленным
от житейской
суеи

С «ТУМАННЫХ ГОР»

По китайской традиции профессор Ван знает свою родословную с древних времен. Его пращурь принадлежали к высокопоставленным чиновникам и, вполне возможно, общались с Конфуцием. Последнюю тысячу лет род Ванов прожил в небольшой деревеньке у подножия Хуаншань – знаменитых «Туманных гор», столетиями приковывавших взгляд китайских поэтов и живописцев. В конце XIX века дед Ван Чжичэна переселился в город Ханькоу. Интересно, что в те же годы в этом крупнейшем торговом перекрестке на реке Янцзы образовалась первая русская диаспора в Китае. Почти вся она состояла из купцов-чаоторговцев. В семейном предании на этот счет упоминаний нет – известно лишь, что дед профессора Вана торговал на берегах Янцзы, а отец, Ван Тижань, поражал учителей школы своими незаурядными способностями. Да так, что хозяин школы решил выдать за перспективного ученика свою дочь. Молодая пара переселилась в Шанхай, где Ван Тижань стал изучать западную литературу в Шанхайском университете. В 1920-х он уже был профессором и довольно известным издателем европейской литературы. Русского языка он не знал, но оценил русских писателей в английском переводе. Ван Тижань сам любил переводить. В частности, он перевел на китайский язык сборник «Русская литература для начального чтения» и биографическую книгу «Жизнь Льва Толстого».

С начала 1930-х годов Ван Тижань сотрудничал с China Evening News и позже стал главным редактором этой крупнейшей в Поднебесной вечерней газеты. В 1949 году, сразу после прихода к власти коммунистов, газету закрыли. Ван Тижаня репрессии не коснулись. Он поменял трехэтажную виллу на квартиру и поступил на службу в муниципалитет, заведовать отделом по сохранению исторических памятников Шанхая. Тут выяснилось, что не-

В 1972 году храм серьезно пострадал от пожара и был полностью восстановлен только в начале 1990-х годов

спроста местом встречи профессор Ван назначил храм Цзинань. Хотя сам он не является буддистом, храм дорог Ван Чжичэну как один из тех прекрасных памятников, которые отец отстоял в тяжелое лихолетье.

ДЕРЕВНЯ ИЛИ ШКОЛА?

«Среди поступивших в институт, я был единственный, кто не знал русского языка, – вспоминает Ван Чжичэн. – Остальные до того несколько лет изучали русский в спецшколах. Когда я перешел на второй курс, начался Великий голод, унесший миллионы жизней по всему Китаю. Но я сумел стать русистом, несмотря на все тяготы жизни. Три года проработал в Институте повышения квалификации учителей, а затем началась «культурная революция». Преподавателей отправляли в деревни «учиться у народа». Мне предложили на выбор: деревня или средняя школа в Шанхае». Ван Чжичэн выбрал школу, где преподавал английский язык. Но и эта работа была небезопасна. На «знатока буржуазной культуры» не раз писали доносы. В течение всех десяти лет «революции» Ван Чжичэн даже не мог жениться – опасался за судьбу будущей семьи. В начале 1980-х все начало возвращаться на круги своя. В Шанхае был создан Институт по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы. Ван Чжичэн сразу же обратился туда с просьбой принять его на работу. Пришлось сдавать экзамен.

Первое время в институте Ван Чжичэн занимался переводами статей на тему общественно-экономической жизни в СССР. А будущему профессору хотелось настоящей работы. «Для научной деятельности в институте нужна была какая-то оригинальная тема, – рассказывает Ван Чжичэн. – И я вспомнил свои детские вопросы: «Почему в Шанхае столько русских? Что они здесь делают?» Тогда тема русской эмиграции была почти неизвестна – что в России, что в Китае».

ДВА ЧЕМОДАНА КОПИЙ

Взявшись за научную проблему, Ван Чжичэн обнаружил, что материалов по ней в Шанхае нет – все было уничтожено в годы «культурной революции». И только спустя месяцы нашел целый «русский архив» в библиотеке католического кафедрального собора Святого Игнатия в районе Зикавей – в «монастыре», как выражается профессор. Подшивки главных русских газет, «Шанхайская заря» и «Слово», лежали в спецхране в очень хорошем состоянии. Каким чудом иностранные

Сегодня Цзинань – место живой религии, хотя вход в храм для всех платный, да еще как в самый дорогой музей – 55 юаней

Библиотека в Зикавей. Шанхайцы называют ее своей «Ватиканской библиотекой»

газеты не сгорели в жерле «революции», неизвестно. Это самое полное в мире собрание периодики русского Шанхая. Профессор Ван получил доступ к материалам, перебрал весь архив, разрозненные газеты собрал по дате выхода и приступил к чтению. В тематике не ограничивался – прорабатывал все стороны жизни русских эмигрантов. Копии делать запрещали, приходилось переводить сразу с русского на китайский. Кроме того, он выискивал информацию о русских в английской, французской и китайской периодике тех лет, также хранившейся в библиотеке. В течение шести лет ученый работал в архиве каждый день с восьми утра до пяти вечера. Отдыхал только во время государственных праздников, когда библиотека закрывалась. Работники архива переживали за неутомимого исследователя, как за своего сотрудника. И всякий раз радовались предстоящим выходным, сообщали Ван Чжичэну, что он наконец-то сможет отдохнуть несколько дней.

В 1992–1993 годах Ван Чжичэн продолжил свое исследование в США. Четырнадцать месяцев проработал в различных архивах – главным образом в библиотеке Стэнфордского университета. А еще дважды в неделю ездил поездом в Сан-Франциско, в Музей русской культуры. Сотрудникам музея он помогал разбирать собрание периодики русского Харбина и Шанхая.

«Удивительно, что в американских библиотеках были собраны личные архивы эмигрантов, – восхищается Ван Чжичэн. – Подумать только! Они бежали то от японцев, то от коммунистов, бросали дома с нажитым имуществом. Брели с собой книги, газеты, журналы – стремились прежде всего сохранить культурное наследие. И как жаль, что уже дети тех эмигрантов начали выкидывать старую литературу как хлам... В Америке работалось гораздо легче – копии можно было делать сколько угодно и очень дешево. Из командировки я привез два чемодана копий, около 16 тысяч страниц».

В США не только Ван Чжичэн изучал русское зарубежье, но и русские пристально вглядывались в самоотверженного ученого. Китайца, взявшегося за такую тему, еще не видывали. Русские эмигранты то и дело отвлекали от работы исследователя, приходя в библиотеку побеседовать с ученым. Так профессор Ван познакомился с некоторыми известными эмигрантами, например с Иосифом Бродским. Знаменитый поэт заинтересовался личностью ученого и его исследованием. И был огорчен, что работа выйдет на китайском языке.

360 ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В конце 1993 года монография была закончена – труд, которому Ван Чжичэн посвятил десять лет жизни. Работа содержала почти тысячу страниц, 27 глав, более 3 тысяч ссылок на источники информации. В несколько сокращенном варианте исследование было напечатано в виде книги под заглавием «История русской эмиграции в Шанхае». Спустя пятнадцать лет китаист Лариса Черникова совместно с китайскими преподавателями-русистами перевела книгу на русский язык.

«Тиражи моих книг небольшие – не более 2 тысяч экземпляров, – продолжает Ван Чжичэн. – Я дарю свои книги вузам, чтобы молодежь знала, какую роль сыграли русские в истории города. Ведь сейчас о русском Шанхае знают только специалисты-русисты. Еще местные старожилы – кому под 80 лет. Хотя и они не представляют размаха русской колонии в 1930–1940-е годы. По всему городу были русские магазины – лучшие магазины; большинство предприятий принадлежало русским. Коммерческая деятельность русских охватила, как говорят китайцы, «все 360 отраслей» промышленности и торговли. А их вклад в культурное развитие страны просто не оценим. Прежде всего это относится к музыкальному искусству и балету.

«Старая аптека»
при буддийском
монастыре
на четвертом
веку своего
существования

Русские артисты не только дали шанхайской публике возможность увидеть первоклассные представления и концерты. Они создали первый в городе симфонический оркестр, консерваторию. Многие китайские пионеры классического европейского искусства были учениками русских. Не так давно они еще сами преподавали. В позапрошлом году умерла ректор балетной школы Улон Ло, а профессор Цо до сих пор работает в Шанхайской консерватории».

Русские эмигранты держали и лучшие иностранные аптеки в городе, но, конечно, другого масштаба, нежели эта в Цзинань

«ШАНХАЙСКИЕ ВКУСЫ»

Во время нашей встречи профессор Ван Чжичэн был очень общителен и участлив, что встречается редко на общем фоне китайского менталитета. Пригласил отобедать на месте своего подвижничества. А заметив, что весенний «плач младенца» пагубно отразился на моем самочувствии, предложил пройти в «старую аптеку» выбрать лекарство. Аптека располагалась возле храма. Стоит она здесь уже триста лет. Только аптекой назвать ее язык не поворачивается. Больше похоже на бизнес-центр в семь этажей с зеркальным фасадом. Три нижних этажа занимают лекарства современной, три верхних – средства традиционные, китайские. В общем, на любой вкус. Наверху развешаны почти одни душистые травы. А вот фармацевты на всех этажах одинаковые – в белых халатах и белых перчатках. И говорящие только на китайском, что, конечно, любезный профессор знал заранее, потому и предложил помочь...

Собор в Зикавей вместе с его книгохранилищем мы увидели лишь издали. Библиотека закрыта на долгосрочный ремонт. Надо сказать, с архивом русских газет происходят странные метаморфозы. В середине 1990-х годов, после того как Ван Чжичэн систематизировал материалы, архив вроде бы открыли для всеобщего пользования. Правда, сам ученый не слышал, чтобы кому-то из его коллег удалось добраться до русских газет. Затем

все книгохранилище было передано Шанхайской библиотеке, которая снова закрыла общий доступ к русским материалам. Ну а теперь ремонт... А еще помимо газет в библиотеке было найдено значительное собрание русских книг, изданных эмигрантами в Китае. Книги совершенно не разобранные, лежащие штабелями. В Шанхайскую библиотеку обратились сотрудники Российской государственной библиотеки с предложением разобрать и каталогизировать русские издания. Получили отказ с формулировкой, что такой работой могут заниматься только китайские ученые. И лишь после того, как русские материалы будут систематизированы, они могут быть доступны иностранным исследователям. Со времен затворничества профессора Вана Зикавей изменился до неузнаваемости. Неподдалеку от собора стояли старые ряды китайских забегаловок на любой вкус. В городе их так и называли – «Шанхайские вкусы». Сюда самоотверженный ученый шесть лет ходил обедать. Теперь – все кругом светится неонами: ТРЦ в виде башни, ТРЦ в виде шара, ТРЦ в виде растянутой разноэтажной бесформенности, увешанной мировыми брендами. «Шанхайские вкусы» – тоже бренд. Бывшие забегаловки поднялись на двенад-

цатый этаж. И преобразились в своеобразный ресторан быстрого питания с раздачами разных китайских кухонь и оплатой специальной карточкой заведения. Гостеприимный Ван Чжичэн хотел угостить меня «русским супом», но в современных «вкусах» он не значится. «Русский суп» – по-китайски «лосун тан» – известное в Шанхае блюдо, привнесенное русскими эмигрантами. Правда, теперь он слабо напоминает оригинал (видимо, борщ). Готовят лосун тан даже в семьях – каждая хозяйка на свой манер.

МОСТ ДРУЖБЫ

В своем университете профессор Ван – старейший преподаватель. Обычно в шанхайских вузах после 70 лет уже не работают. Ван Чжичэну скоро 78 лет, и на пенсию он не собирается. Сейчас занят разработкой двух новых направлений.

«Во-первых, в университете планируется создать Центр по изучению православия, – рассказывает профессор. – Уже 25 лет идет обсуждение на высшем уровне о включении православия в перечень признанных религий. Уверен, у нас есть надежда на возрождение Китайской православной церкви. Но по закону священниками могут быть только китайцы. Будущий центр мог бы заняться их подготов-

Профессор Ван надеется, что прогулки по русскому Шанхаю станут популярными среди многочисленных русских туристов и бизнесменов

кой – конечно, совместно с Русской православной церковью. Думаю, лучший вариант такой: мы здесь готовим аспирантов два года, а потом они едут учиться в Россию. Если священников будут готовить только в Шанхае, то Московская патриархия их не признает. А если ограничиться учебой в России – китайские власти не разрешат им служить. Задача эта очень сложная. Почти все наши аспиранты – коммунисты. Иначе карьеру в государственных учреждениях не сделать – так, во всяком случае, они думают». Я пытался выяснить, как же это можно аспирантов готовить в священники? Понял так, что профессор Ван рассматривает православие, скорее, как культурный феномен...

Среди других проектов университета – перевод на китайский язык книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святы». Переводили книгу уже трижды, но всякий раз качество перевода автора не устраивало. Не знаю уж, как отец Тихон оценивал переводы, только переводчикам пеняли, что главное требование автора не выполнено: истории, описанные в книге, должны вызывать интерес у китайцев. Так что когда выйдет китайский вариант «Несвятых», неизвестно. Не стоит забывать, что перевод должен понравиться и китайским властям. Всякая литература с религиозным содержанием подпадает под государственный контроль, и без соответствующего одобрения она не может распространяться в Поднебесной.

Другое направление работы Ван Чжичэна – маршруты для туристов. В 2010 году он написал популярную, хорошо иллюстрированную книгу «Карта русской культуры в Шанхае», в которой описал 58 «русских мест» в прошлом и настоящем. Ну а мне профессор Ван подарил русский перевод «Карты», предложив самому пройти по русскому Шанхаю. На первой странице книги красивым почерком автор вывел свой девиз: «Культура – мост дружбы между народами». ■

ОБЩЕПИТ ЗА ОДИН РУБЛЬ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ВПЕРВЫЕ ОСОЗНАННО И САМОСТОЯТЕЛЬНО Я ПООБЕДАЛ В КАФЕ В ДЕВЯТОМ КЛАССЕ. СТОЯЛА ОСЕНЬ 1976 ГОДА. Я ЗАПОМНИЛ ТАК ТОЧНО ЭТОТ МАЛЮСЕНЬКИЙ ФАКТ ПОТОМУ, ЧТО ДО ЭТОГО Я ОБЫЧНО ОБЕДАЛ ДОМА. МЕСТЕЧКО К ТОМУ ЖЕ Я ВЫБРАЛ ОТМЕННОЕ. ПО СОСЕДСТВУ С КРЕМЛЕМ. ШАГАХ В СТА ОТ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. В САМОМ, ТАК СКАЗАТЬ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА. ДА ЧТО ГОРОДА – ЦЕЛОЙ СТРАНЫ!

Е СЛИ ЧЕСТНО, НИЧЕГО я не выбирал. О Кремле не думал. Другого места мы попросту не нашли.

Воскресенье. Все было закрыто. Выходной день.

А этот «пенал» на улице 25 Октября почему-то работал! Такая обычная, как позже выяснилось, «стоячка»: очередь от дверей, поднос, ложки-вилки, хлеб, медленное движение вдоль своеобразного дюралевого прилавка, за которым усталая тетя выдает тебе выбранное блюдо. А потом – касса, «возьмите сдачу», свободный столик и наконец-то обед. Стоя.

Цены я помню, как будто это было вчера. Меню на стене у входа. И у кассы. Пока стоишь – сто раз прочитаешь, прикинешь, уточнишь, проверишь навыки устного счета. Итак... У меня – рубль. А в меню – бифштекс с яйцом – 50 копеек. Стакан черного кофе из могучего как Царь-пушка чайника – 10 копеек. Хлеб – 1 кусочек – 1 копейка. Дороговато, конечно... Сразу видно – центр... Приятель берет шницель с гречкой. И капустный салат. В нем краснеют ягодки клюквы. Подешевле выходит. Но нет ощущения праздника... Беру бифштекс на железной тарелке. Все горячее,

вкусное. На круглом столе – соль, перец, горчица. Это бесплатно.

В ту осень мы с приятелем записались на воскресные лекции при МГУ. Для подготовки к вузу. В какой вуз мы собирались – неизвестно. Но выбрали лекции по истории и литературе. Не химию же с физикой выбирать... История начиналась в 12 часов, литература в четыре... Два часа перерыва! И есть очень хотелось, мамин бутерброд и яблоко не спасали. Лекции проходили в знаменитом здании журфака МГУ, проспект Маркса, 20, у входа гордо дежурил каменный Ломоносов... Абонемент стоил 5 рублей на весь учебный год. Были и разовые билеты, копеек за 30. При входе пожилая вахтерша отрывала у твоего абонента квиточек с датой, ты шел в раздевалку, сдавал куртку гардеробщице, а потом поднимался на второй этаж – в аудиторию, где занимал любое свободное место. Другой администрации я не помню. Лекции мне очень понравились. Аудитория амфитеатром, колонны, ступени и огромные окна – тоже. Как-то все происходящее отличалось от школы, от родного класса, возникало ощущение новизны, взрослости и независимости. Да и бифштекс

с яйцом лишним не был. Бифштекс с яйцом становился неким символом чего-то такого, пока неизвестного, притаившегося где-то там, за горизонтом. Так и сплелось: общественное питание – это свобода, молодость, учеба, центр города, где так красиво, и где люди какие-то другие, важные, и воздух совсем иной – не тот, что в нашем районе. Словом, общественное питание – это когда идешь куда хочешь.

Мы с приятелем последовательно обследовали окрестности. Поднялись по улице Герцена. Дотопали до Библиотеки Ленина. Прошлись по Александровскому саду. По Горького тоже прошлись. Заглянули в ГУМ. И некоторые переулки.

Все было закрыто. Или выглядело слишком неприступным. Куда нас точно не пустят. Прогонят. И где делать с нашим рублем абсолютно нечего. Вон, смотри, белые скатерти на столах... Официантки...

А что написано? «Националь»!!! Ух ты! Сюда явно только с галстуком можно. В пиджаке. И с большим таким кошельком... Он еще бумажник называется почему-то.

И солидный дядя с фуражкой на входе. Э, как косит в нашу сторону... Сразу видно – самый главный!

Не, это все не про нас, точно. Не пустят! А на тех дверях, куда бы нас пустили наверняка, красуется надпись – «Воскресенье – выходной день».

В нашем районе с общественным питанием тоже хорошо. Мы с детства все «точки» знали. Правда, в основном знали снаружи, по вывеске.

Ну, вот, во-первых, была «Домовая кухня». Это для тех, у кого жизнь не удалась. Выходили оттуда невеселые, сосредоточенные пожилые люди, а в сетке у них металлические судки – один на одном поставленные. В нижнем, наверное, первое, борщ там или рассольник, который повыше – котлеты с пюре, ну а в самом верхнем, малень-

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

ком судочке – компот, или кисель, или чай. Трудно не расплескать. Быстро идти нельзя. А ведь остывает... Пока до дому доплетешься... Мне на этих людей всегда тревожно смотреть, жалко – надо же, им вот и приготовить еду некому, а сами они так и не научились. Как же так? Еще у нас «Пельменная» есть. Там всегда шумно, весело, много шоферов в промасленных кожаных куртках. Мы там иногда пачки пельменей домой берем. Одну или две. Если в магазине пельменей нет, а мы соскучились. Дают нам пельмени с наценкой, подороже, чем в магазине. А вот в кафе «Фантазия» вечерами даже оркестр играет. Но все равно, оно какое-то родное, близкое, наше, и мы знаем, что днем там можно взять комплексный обед за 1 рубль. И тебе его даже принесут на стол, где ты сидишь. Официантка Нюра притащит. Первое, второе, третье и салатик. Нас только вечером туда не пускают, после пяти. Иногда там

играют свадьбы, поют, кричат и дерутся у входа. Но дерутся недолго, потому что как раз напротив отделение милиции. Очень удобно. А на Болоте есть рабочая «Столовая». Там вообще как дома. Ничего страшного и пахнет всегда капустой. Прямо как в школьном буфете. Ничего там интересного нет. Одно время там черный хлеб на столах лежал. За бесплатно. Потом убрали. А вот где интересно и радостно – так это в «Пончиках». Один горячий пончик стоит 4 копейки. Иногда мы соберем после школы общую кассу – 24 копейки есть! И в «Пончики»! Нам дают целых шесть штук, щедро посыпанных сахарной пудрой. Пончики в бумагу завернуты, о полиэтиленовых пакетах еще никто и не подозревает, мы тащим пончики на ближнюю лавочку, по-честному делим и тут же едим, обжигаясь. С пончиками жить куда веселее! С пончиками может соперничать, да и то только летом –

фруктовая вода из автоматов за 3 копейки или крюшон у метро за 4. Выходишь из метро, вечер, темнотица, а бабушка со своим сиропным хозяйством домой не спешит. «Чистенькая» у нее за копейку, с сиропом – 4. Можно даже с двойным сиропом за 8 взять, но уж больно сладко... Обязательно махнешь стаканчик. А как же! До самого конца советской власти у каждого метро можно было испить крюшона. С пришедшей вдруг перестройкой и демократией бабушки отчего-то не поладили, перевелись. И наконец, у метро «Автозаводская» была лучшая в мире чебуречная. Кругом какие-то клумбы, черная земля и сарайчик – павильончик такой стоит... С окном, открытым наружу. А вокруг сарайчика кольцо народа. А запах! Как весна, прямо тянуло сюда, один чебурек с бульоном внутри 16 копеек стоил. Два съешь – просто крикнешь от счастья. Жизнь удалась. А разговоры кругом –

все про план, ЗИЛ и «Торпедо». И все какие-то добрые, счастливые отчего-то...

Ну и вот перекус в магазине «Диета» хороший был. Настоясь в очередях в разные отделы с мамой. То за консервами, то за рыбой, то за конфетами, то за голубцами... Зато потом, в торце магазина – шмыг-шмыг в «Кафетерий». Очень есть хочется! Да и традиция... Кофе с молоком – ужасно вкусный, нигде такого больше не пил, а бутерброды с сыром, колбасой, плавленым сырком, брынзой – все мягкое, нежное, во рту тает... Конечно, тоже очередь человек десять. Зато потом стоим у свободного мраморного столика и едим не спеша, радуемся, сколько сегодня купили. А значит, не зря ездили так далеко от дома... Бутерброд с докторской колбасой гривенник в той «Диете» стоил.

Как-то я уже рассказывал про Москву 70–80-х годов. В том числе упомянул общественное питание. Привел некоторые примеры. Ложечку, привязанную к стойке. Ложечкой надо было тут же размешать сахар в кофе, а привязана ложечка – потому что крадут и «на вас не напасешься». Размешал сахар у стойки – и ползи к столику, наслаждайся... А ложечку берет следующий любитель кофе.

Эти зарисовки попали на глаза видной критикессе из толстого демократического журнала. Из всей моей книжки ее задело именно советское общественное питание. И она не стала этого скрывать: «Текст, окрашенный ностальгией по прошлому, хорош как текст и несправедлив по сути: «Хотя нынешний общепит сравнивать с прошлым – как сравнивать самолет с самолетом», – заявляет автор и живописует обед из молочного супа, манной каши и кефира, главное достоинство которого – дешевизна. Я вот и даром не хочу молочного супа с манной кашей и могу рассказать, где можно поесть хороший шашлык из телячьей мякоти недорого – только вряд ли получится художественно...»

Странно. Как будто я предлагал всем питаться исключительно манной кашей. Я как раз манную кашу терпеть не могу. Я просто вспомнил рекорд дешевизны, установленный моим приятелем в «Диетической столовой» Петроверигского переулка в олимпийском, 1980 году. Разве лишними были эти самые диетические столовые? Конечно же нет.

Но даме той я весьма благодарен, обнаружила у меня художественность. Наконец-то! Ну а то, что и питание при советской власти – явление идеологического порядка, я уяснил. Не дай бог похвалить ненароком. Два десятилетия ответственные товарищи ругают советскую власть на все корки. А ностальгия – все сильнее...

В середине 80-х довелось работать на Цветном бульваре. Днем – в должности школьного военрука. Вечером – в роли преподавателя истории подготови-

тельных курсов заочного юридического института.

Домой обедать – не накатаешься. Так и жил себе на бульварах, с восьми утра и до восьми вечера. А перекусывал где? Никаких проблем с этим не было.

Обедать я ходил в пельменную. Тут же, на Трубной. Там бабушки в белых халатах и белых косынках пекли замечательные пирожки на все случаи жизни. Да и пельмени были хорошие. С уксусом стоили – 32 копейки порция. С маслом – 34, со сметаной – 38. Дымно немножко было, но тепло. Возьмешь полторы порции. Пару пирожков. Кофе с молоком или чайку – и кайфу с видом на бульварчик.

А накануне очередной исторической лекции я шел напротив, в скромный с виду кафетерий, где меню всегда было одним и тем же. Сыр на вес – толстыми ломтями, сосиски с горошком, омлет и вареный черный кофе из автомата. Тут была не просто «сидячка»... Тут были мягкие

синие кресла и вид из окон на популярный кинотеатр «Мир». На цирк. На знаменитый Центральный рынок. Очереди почти не бывало. Место для эстетов и знатоков. Для своих. Тут и посидеть-почитать новый журнал можно, чем я не раз и не два пользовался.

Раз сижу, смотрю в окошко, сосиску горчицей мажу, глядь, из «Жигулей» Юрий Никулин не торопясь вылезает. В соседнюю аптеку направляется? Или к нам? Точно! Берет кило сыру и чинно уходит... А то вот Лев Лещенко, как обычный гражданин, с авоськой на рынок шествует – за картошкой послали, не иначе. Шествует, шествует, ишь голову вверх задрал...

Иной раз можно и поменять диспозицию. Подняться, к примеру, по Петровскому бульвару, где на углу, прямо у троллейбусной остановки, в «стекляшке» жарили сосиски и подавали пиво в чудных маленьких кружках. А за поворотом, за мебельным магазином, было заведение с редкой для Москвы тех лет надписью «Кофейня». В «Кофейне» длинные деревянные столы, и кофе варят в турках на песке. Здесь любили собираться хиппи, целыми бригадами они подолгу сидели, разговаривали негромко, а пили почему-то исключительно чай из стаканов. На них косились и старались побыстрее выгнать, мол, ручки с них никакой, «только сидят, столы занимают...». Похожее место, где тоже любили посидеть хиппи, существовало и у метро «Площадь Ногина», по соседству с известным сквером. Но однажды там вдруг убрали лавки и столы, поставили круглые традиционные столики, превратив кафе из «сидячки» в «стоячку», и хиппи тут же исчезли. Стоять за чаем им, видимо, казалось не по чину. А мы продолжали ходить. Кофе варили вкусный. Да и омлет неплохой. Да и видок из окна – на окна Политбюро... Плохо ли?

Мы знали все плюсы и минусы тогдашнего общепита. Нелзя их было не знать, потому что в каждом месте, при общности цен, ассортимента и порядков, все же наблюдались свои особенности. Надо было учитывать обеденные перерывы (!) в каждой забегаловке. Иметь в виду очередь и скорость обслуживания. Чистоту столов. Запахи. Вежливость персонала. Исходить из своего аппетита и свободного времени. В конце концов, что ты хочешь сейчас: поесть поплотнее или перекусить? Или выпить хорошего кофе, сваренного по-восточному, на песке? Плюс пирожное?

Выбор был, но выбор этот осваивался годами.

Вот примерное меню заурядной кафешки – «сидячки» тех пламенных лет.

Салаты

Селедка с луком

Салат оливье

Салат из капусты с морковью

Холодец

Сметана (полстакана)

Первое блюдо

Щи из свежей капусты

Рассольник со сметаной

Бульон куриный с яйцом

Суп молочный

Второе блюдо

Шницель с гречневой кашей

Бефстроганов с вермишелью

Треска жареная с пюре

Каша рисовая с маслом

Голубцы с мясом

Напитки и десерт

Компот из сухофруктов

Кефир

Чай

Кофе с молоком

Булочка с повидлом

Пирожок с рисом

По ходу дня напротив наиболее популярных блюд появлялось написанное от руки «Нет». Часов в пять вечера в ассортименте могли остаться лишь молочный суп, гречка и жареная рыба. Зато гарнир включался в стоимость второго блюда. Отдельно платить за котлету, отдельно за макароны к ней начали в перестройку. Чай с сахаром стоил

3 копейки. Пакетиков чайных еще не изобрели.

Курить в столовых, кафе, блинных, чебуречных, пирожковых, закусочных было нельзя. Поешь, выйдешь, сядешь на лавочку, блаженно затынешься купленной из-под полы «Явой» явской. Дукатская «Ява» успехом не пользовалась.

Ниже Театра имени Маяковского, в середине улицы Герцена, на первом этаже дворянского дома располагалась популярная кафешка.

«Сидячка» – это раз. Обязательное харчо – это два. Приличный шницель – это три. И чебуреки – это четыре. Надо было постоять, иногда даже с уличных ступенек... Обед того стоил. И полтора рубля отдать совсем не жалко. А вот хороший кофе... нет, здесь его не подают, и рядом таких мест нет... Ничего, погуляем, покурим, подышим, а потом выйдем по Качалова к подвалчику на Садовом кольце, там как раз перерыв закончится. Вот там – кофе так кофе! 24 копейки за маленькую чашечку и 40 – за большую. Наверное, по большой возьмем. Зря, что ли, стояли? Посидим за кофе, отдохнем, а после на Патриаршие пруды, давно уже там не ходили. Такова могла быть программа свободного, «методического дня», который у всех учителей истории московских школ общий, единый – каждый четверг. Пельменная в Камергерском, пирожковая на Рождественке, чебуречная на Маросейке, пончиковая в Хользуновом, рабочая столовая на Пириговке – все это были адреса! А кафе «Арфа» с двумя залами в Столешникове... Там ведь и Олег Ефремов едал. Сейчас в Столешникове можно только витрины разглядывать да плитку под ногами... Впрочем, стоп, стоп.... Никаких сравнений. Я только рассказчик для тех, кто пропустил старые добрые времена, или для тех, кто нет-нет да вспоминает столичный общепит за один рубль. ■

ВОЛЬНЫЕ ПРОГУЛКИ ПО САРАТОВУ

АВТОР

**ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАНОВ**

ФОТО

**АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

ПРИЯТНЫЕ ВЕСТИ СТАЛИ ДОЛЕТАТЬ ИЗ САРАТОВА: ВОТ, БУДТО БЫ, СОЗДАНО ЗДЕСЬ «ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ВОЛЬНЫХ ПРОГУЛОК», ПОСВЯЩЕННОЕ ИСТОРИИ ГОРОДА, ОНО ВЫПУСКАЕТ ЖУРНАЛ, УЧАСТНИКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВХОДЯТ, БУДТО БЫ, В СОВЕТ ГОРОДА, И ПО ИХ ИНИЦИАТИВЕ УЖЕ РАБОТАЛО В ЦЕНТРЕ САРАТОВА НЕСКОЛЬКО ЭКСПЕДИЦИЙ УЧЕНЫХ И ХУДОЖНИКОВ. И ДАЖЕ, БУДТО БЫ, ОНИ КНИГИ ИЗДАЮТ, ДОМА СПАСАЮТ, СТРИТ-АРТОМ ЗАНИМАЮТСЯ... НУ, ДУМАЮ, ЕСЛИ ЭТО САРАТОВ, ТО НАВЕРНЯКА ВСЕМ ЭТИМ ВЕРХОВОДИТ МОЙ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ ИГОРЬ СОРОКИН.

САРАТОВ – ГОРОД ПОЧТИ с миллионным населением – протянулся вдоль Волги более чем на 30 километров. Здесь одних вузов около двадцати. Десятки заводов, музеи, библиотеки...

А начиналось все скромно: в 1590 году царь Федор Иоаннович распорядился заложить на левом берегу Волги, между Астраханью и Казанью, крепость для защиты русских поселений от набегов степняков. Она сгорела и в 1617 году была вновь построена на левом берегу, а в царствование Алексея Михайловича полковник Александр Шель с отрядом стрельцов заложил в 1674 году новую крепость на высоком правом берегу Волги, где городу и суждено было прижиться. Уже в XVIII веке часть окружавших крепость ровов-оврагов была засыпана, а в начале XIX века земляные стены скрыли. Тем не менее саратовская крепость была свидетельницей нашествий Разина и Пугачева...

Со временем на месте крепости выросли городские кварталы. Место было престижное, тут селились дворяне, богатые купцы, иностранные гости. Но своеобразное устройство городских кварталов внутри крепости осталось: они более подчинены рельефу, «физике» местности, чем кварталы позднего, «регулярного» города. Топонимика сохранила названия ремесленных слобод, некогда укрывавшихся за крепостными стенами: Соляная, Тулупная, Кузнечная. Названия улиц также подчеркивают границы древнего города: Северная (стена и башня), улица Валовая, Московская (Московские ворота). В этих границах теперь – 44 городских квартала. Я так подробно говорю обо всем этом потому, что Игорь Сорокин, согласившийся быть нашим гидом, третий год работает над проектом «Саратовская крепость: рассредоточенный музей истории города». И в основном наши вольные прогулки будут касаться как раз ядра Саратова: исторического центра, который по замыслу исполнителей проекта представляет собой музей под открытым небом.

В мастерской
художника
П.В. Кузнецова

ПРОГУЛКА ПЕРВАЯ: ДОМ-МУЗЕЙ ПАВЛА КУЗНЕЦОВА

Надо сказать, что треугольник древней саратовской крепости отмечен по углам тремя музеями: краеведческим, литературным Константина Федина и недавно появившимся музеем гениального художника Павла Кузнецова. В центре этого треугольника есть еще одна потенциально активная площадка – дом Гектора Баракки. Но об этом – после, история с этим домом давняя и

запутанная. Чтобы не окунаться сразу в гущу современных проблем, мы по прибытии договорились встретиться в каком-нибудь спокойном месте: у Павла Кузнецова, например. Я очень люблю этого художника и рассчитывал полюбоваться его картинами. Небольшие размеры красивого особняка заставляли задуматься: как может поместиться здесь огромное кузнецовское наследие? Но загадка решилась скоро: в музее было лишь несколько работ художника. Остальные картины экспонируются сейчас в новой картинной галерее Энгельса – города на другом берегу Волги, когда-то бывшего столицей Автономной Республики Немцев Поволжья.

Я все ходил по комнатам и коридорам кузнецовского дома, не вполне понимая, зачем, собственно, мы сюда пришли, пока не вышли во двор покурить. И из рассказов Игоря мне постепенно стало ясно, что он не просто в один прекрасный день был назначен заведующим Домом-музеем Кузнецова, а что он за восемь лет этот музей поднял из руин... Я почему-то считал Игоря в какой-то мере прекрасным мечтателем, любящим свой город. Но он оказался гораздо крепче. Заведующий музеем – это ответственность. За все. За идеи. За бревна, за кирпичи, за цемент, за людей. За наступающие гаражи с претензией на землю. Потом землю отбили, дом отстроили фактически заново. Затем наступила пора забот более утонченных.

Чаепитие после
литературных
чтений в музее

ОСТАНОВКА. РАДИЩЕВСКИЙ МУЗЕЙ

Мне нужна была карта. Я не могу ходить по городу без карты. Я ныл до тех пор, пока не надоел друзьям и мы не отправились к новому центру Саратова – в сторону Радищевского музея, к площади Театральной. Проходя мимо отремонтированного двухэтажного строения, Игорь сказал: а вот этот дом, кстати, восстановлен на средства своего нынешнего хозяина. Та еще была руина – треснувшая почти пополам. Но есть у нас такой геолог – Александр Олейников. «Умру, – говорит, – но восстановлю». И восстановил. Это бывшая сыроварня «Кизнер и Блок». И этот дом – не первый в городе случай.

Тем временем мы дошли до Дома книги. Как только я, довольный приобретением карты, вышел из магазина, на нас обрушился шквал монотонно-долбящего ритма и скрежет зубовный: это на проспекте Кирова, главной пешеходной улице Саратова, начала свое выступление студия современного танца. Была суббота, День города. Тут же среди адского грохота метался городской сумасшедший Вовчик и выкрикивал: «Сла-а-ва! Сла-а-ва! Сла-а-ва!» Ноги сами понесли нас туда, где потише. Так мы оказались на Театральной площади, возле Радищевского музея. И тут уже нельзя было не зайти, ибо мы с Игорем поспорили, есть в саратовском музее импрессионисты или нет. Я по прошлому приезду в Саратов отчетливо помнил импрессионистов, и даже помню, как они поразили меня здесь. А Игорь уверенно утверждал, что никаких импрессионистов нет. Визит в Радищевский музей был незапланированным. Но на то и «вольная» наша прогулка. Сказать, что я был поражен – мало. Я был шокирован. Кто и каким образом мог собрать такую коллекцию в провинциальном городе? Французы и фламандцы XVII–XVIII веков, древние гобелены, передвижники в пол-

Посадили сад. Собирали для него деревья типично саратовских сортов. В том числе и «черное дерево» – яблоню, которую выращивал дед-садовод Кузнецова. У Игоря есть подруга Изабелла делла Раджионе, которая занимается очень редкой специализацией – садовой археологией. То есть находит редкие, исчезающие экземпляры плодовых деревьев и размножает их. Тут Игорь пошел по ее пути: Кузнецовы владели близ Саратова обширными яблоневыми садами, откуда яблоки возили возами. Мальчишкой Павел Кузнецов пропадал в этих садах, как во сне напиваясь их запахом, светом и цветом, который потом такими нежными «девичьими тонами» отразится в его палитре...

Первую выставку картин местных художников Игорь, будучи заведующим еще не достроенного музея, решил развесить на заборе. Сработало! Народ собрался. С тех пор однодневные воскресные выставки надолго стали «визиткой» музея. Чтобы привлечь к новому музею внимание, решили наварить варенье из саратовских яблок и разослать в 44 музея, где есть полотна Павла Кузнецова. Превращал обычную банку в артефакт художник из Нижнего Новгорода Евгений Стрелков: сделал и фирменную этикетку, и фирменную крышку, придумал футляр из тонкого гофрированного картона. Сразу все через это варенье перезнакомились.

Прошлым летом во дворе Дома-музея Павла Кузнецова стоял целый лагерь художников из Ижевска: такой устроили летний арт-лагерь в рамках проекта «Саратовская крепость...». Еще раньше ученые обследовали окрестности Глебучева оврага, высокие берега которого служили защитой старой крепости. Тут когда-то текла речка Тайбалык. Ее загнали в канализационный коллектор и убили окончательно. Впрочем, нет! За речку еще побояремся! Дело в том, что, несмотря на всю свою красоту, Саратов по какой-то там классификации даже не может быть причислен к числу городов. Потому что у него почти нет мест общественного пользования – площадей, садов, парков. И давняя мечта Игоря Сорокина – рекультивировать Глебучев овраг, очистить речку и превратить это мусорное пространство в городской парк.

Дом-музей П.В. Кузнецова (слева) и заброшенный городскими властями дом (справа) – будущая картинная галерея крупнейшего в мире собрания полотен мастера

«Флотилия Гектора Баракки» – кораблики и парходы, сваренные из остатков кровли дома «романтического pittore» на улице Соляной

ном составе, Рубенс, Рокотов, маленький вариант «Тайной вечери» Николая Ге, Суриков, Саврасов, Куинджи, Поленов, Репин... Не говоря о полном списке гениальных художников «саратовской школы»: Виктор Борисов-Мусатов, Павел Кузнецов, Кузьма Петров-Водкин и Петр Уткин. Уткин считался самым талантливым в этой когорте гениев, но он же был и самым непрактичным. Созерцательным. Говорят, однажды, когда он уже преподавал в Ленинграде, один студент Академии художеств заметил его с удочкой на набережной Невы. Они поговорили о заткатном цвете-свете, о бликах на невской воде. Потом студент вдруг взволнованно сказал: «Петр Саввич, у вас ведь и крючка даже нет...» На что Уткин спокойно ответил: «Да это, в сущности, и не важно...» Но импрессионистов в собрании музея нет. Разве что Адольф Монтичелли – их предтеча.

Всю эту волшебную коллекцию собрал военный моряк и профессор живописи, вольный художник и щедрый меценат Алексей Петрович Боголюбов. Казалось, он знал всех: живя в Париже, он перезнакомился со всеми русскими и французскими художниками, благодаря чему многие картины получил просто в дар. С другой стороны, в 1869 году он сопровождал цесаревича Александра

Интерьер Радищевского музея. В зале художников-миriskusников – работы Серова, Малявина, Архипова и других

Здание Радищевского музея – старейшего общедоступного художественного музея в России, открыт в 1885 году

Памятник П.А. Столыпину – саратовскому губернатору в 1903–1906 годах. Автор – Вячеслав Клыков

Александровича (будущего императора Александра III) в его поездке по Волге и сумел войти в его полное доверие. Благодаря этому, когда встал вопрос о названии музея – Боголюбов был внуком А.Н. Радищева и

твердо решил назвать музей именем деда, – очень многие, в том числе и обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, были против. Дело решил разговор с царем. Император Александр III неожиданно согласился.

Сейчас напротив Радищевского музея стоит памятник Петру Столыпину. В его бытность саратовским губернатором он приложил немало сил для открытия в городе консерватории и университета, хотя открылись они чуть позже, когда Столыпин уже был премьер-министром. Правда, на те же годы пала и революция 1905–1907 годов, и все «стольпинские» меры, принятые против крестьянских бунтов...

ПРОГУЛКА ВТОРАЯ: ДОМ ГЕКТОРА БАРАККИ

Имя Гектора Баракки для Саратова в некотором смысле символично: в том кипучем интернациональном котле, которым Саратов был в конце XIX века, обязательно должен был всплыть итальянец.

Все, что о нем известно, мы знаем с чужих слов. Родился он, как будто, в Вероне, художественную академию окончил, как будто, в Милане. Во Флоренции, где Баракки ошивался без работы, он, будто бы, был приглашен в Россию нижегородским «негоциантом» Живогловым. Живоглов попросил Баракки написать с него Нерона, наблюдающего пожар Рима. Исполненный заказ «негоцианту» понравился, и Этторио-Паоло Сальвини-Баракки навеки оставил Италию и переселился в Россию, чтобы явиться в ней Гектором Баракки саратовской культурной истории. Он был известен как пейзажист и портретист, один из основателей Общества любителей изящных искусств. А позже и как преподаватель в школе живописи при нем. Но для нас не было бы предмета разговора, если бы Баракки не стал «всеобщим учителем»: его «школу» прошли и Вик-

тор Борисов-Мусатов, и Павел Кузнецов, и Петр Уткин... Будучи «романтическим pittore», он смог тем не менее вдохнуть в палитры художников «саратовской школы» свет ослепительного итальянского солнца...

Сейчас в рамках проекта «Саратовская крепость: рассредоточенный музей истории города» музейщики решили превратить этот богатый историей дом в российско-итальянский культурный центр. Долгое время идея жила без движения: дом, правда, был внесен в список «выявленных объектов», но

Современный вид дома Гектора Баракки на Соляной, 30. На заколоченных окнах – «мемориальные доски» (художники – А. Кашанин и Д. Наумов)

Особняк В.П. Петрова (1911), владельца «Торгового дома по продаже земледельческих и сельскохозяйственных машин». После революции в нем размещались клуб имени Л. Троцкого, Пролеткульт, Саратовская ассоциация пролетарских писателей...

в нем жили люди, и, казалось, ничто этому житию не угрожало. Однако дворовая пристройка к дому, давно треснувшая, в конце концов обвалилась, рванув вместе с собой «газовую ветку» – так в один миг появилась угроза взрыва. Вызвали МЧС, журналисты взвинтили градус – чиновники спешно внесли дом в программу «Ветхое жилье» и произвели расселение. Положение сложилось двойственное: с одной стороны, дом на охране, а с другой – подлежит сносу. Сейчас этот клубок противоречий, кажется, расплели деньги: дом выставлен на аукцион. Игорь считает, что шансы его команды высоки. В ней есть и состоятельные люди.

Гектор Баракки прожил в своем доме на Соляной, 30 до самой смерти. Лучшие ученики его давно разъехались и окончили кто Петербургскую Академию художеств, кто Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Баракки выкупил фотографом П.М. Ушакова и стал процветающим фотографом. У него была любимая жена и красивая дочь. Смерть настигла его внезапно. Гектор Баракки был один в доме, когда с ним случился приступ астмы. Рядом случайно оказался только какой-то солдатик, приходивший, видимо, к служанке. Солдат взялся пользоваться Баракки нашатырем, да еще пролил его, так что художник просто задохнулся... Шел 1915 год.

Спасать дом Баракки бралась журналисты и общественность. Из Волгограда приезжал даже почетный консул Италии Стефано Росси. Но попасть на прием к мэру города Валерию Сараеву так и не сумел: говорят, поздно подал заявку. Но и без этого визита наверху стало ясно, что общественность не хочет так вот запросто «сдать» дом на снос.

В прошлом году Игорь пригласил к дому Гектора Баракки художников. Они разбили во дворе лагерь, устраивали конференции, вместе с добровольцами расчистили завалы, увезли мусор, забили окна и двери, на которые че-

рез трафарет нанесли портрет Баракки. Сейчас снаружи дом выглядит так, будто он занят группой сквоттеров. Но сзади он опять «раскрыт», двери сорваны, и в нем ночуют бомжи...

На обратном пути нас преследовали сделанные через трафарет лики Спаса на стенах домов. И льющие по стенам слезы. Оказывается, эти знаки в прошлом году выдумали художники и трафаретов наделали. Спас: спаси-сохрани, дом нуждается в обязательном спасении. Слезы: эти дома знают, что их снесут, вот и плачут...

Так дошли мы до угловой часовенки, тесной, но уютной. Служба уже шла. В раскрытую форточку были видны милостивые лица поющих девушек.

– Тут был женский Крестовоздвиженский монастырь, – сказал Игорь. – От него уцелели ворота и, отдельно от них, маленькая церковка Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня – вот эта часовенка. А теперь пойдемте, я вам покажу, что мы сделали в память о разрушенном монастыре. Это называется «порталы истории»...

Мы стали спускаться к дому с необычайно высокой аркой. Там, под этой аркой, на уровне, наверное, третьего-четвертого этажа, всюду висели колокольчики. Каждые пятнадцать минут они начинают звонить. Особенно красиво, когда они долго отбивают часы и звон их все не умолкает, звуки трепещут и летят как птицы над сказочным городом с неразрушенным монастырем...

Автор этой инсталляции – архитектор Николай Новичков, а главный спонсор – футболист Федор Смолов.

Неподалеку от арки произошла еще одна драматическая саратовская история. В начале минувшего века молодые художники «волжской школы» – Михаил и Павел Кузнецовы, Петр Уткин и Кузьма Петров-Водкин – получили заказ расписать небольшую церковь Казанской иконы Божией Матери. Петров-Водкин писал «Нагорную проповедь», что на выходе из храма, типажи для ко-

Свято-Троицкий кафедральный собор – старейшее здание Саратова, конца XVII века

торой брал с «Пешки» – ближайшего рынка. На северной стене была огромная фреска Павла Кузнецова «Христос и грешница», на южной – роспись Петра Уткина «Хожение по водам». Церковь не приняла росписи молодых художников. Суд длился с 1902 по 1904 год. После чего росписи были замазаны или сбиты. А в 1930-е годы и сама церковь была разрушена... Это я к тому, как хрупок город. Как многое в нем возникает – и тут же исчезает без следа. Мы никогда не узнаем, что за фрески предъявили комиссии саратовские художники. Ничего не осталось, даже фотографий...

Наша прогулка подходит к концу, а я все силюсь вспомнить историю о человеке, которого расстреляли. Разумеется, в годы

революции. Он был нужный большевикам человек, ибо заведовал городскими извозчиками. Был кем-то вроде начальника современного таксопарка. Но и при большевиках он не мог оставить привычки утром пить на балконе чай и читать газету. Это показалось вызывающим. Его взяли в заложники и вместе с другими расстреляли. Не могу вспомнить, где мне Игорь показывал этот дом. И сколько еще в моей голове таких историй, которые слипаются в один нерасчленимый ком. Вот одна: Венцель Вольдемар Карлович. Дом, где он жил. Школа, где он учился. Когда началась война, юному Венцелю так хотелось на фронт, что отдал братве из Глебучева оврага патефон, и те выправили ему «ксиву», в которой он считался

Один из «порталов истории» – арка-звонница, созданная в 2016 году в память о разрушенном Крестовоздвиженском женском монастыре. Автор – Николай Новичков

Двор
между улицей
Дзержинского
(бывшей
Грошовой)
и проспектом
Кирова (бывшей
Немецкой)

Эркер «дома
с кариатидами»
В.А. Яхимовича,
изобретателя
паро-бетонного
[«лучистого»]
отопления

ПРОГУЛКА ТРЕТЬЯ: ГЛЕБУЧЕВ ОВРАГ

Мы отправляемся в последнюю вольную прогулку по городу. Аккуратно, по периметру, обходим кварталы, заключенные в треугольник крепости, и начинаем спускаться в Глебучев овраг, который рассекает город чуть ли не на две половины. Я уже знаю, что мечта Игоря – сделать из оврага парк. Но меня сильно занимает темное прошлое оврага. До 70-х годов Глебучев овраг был заселен теми, кого жизнь прибила к самому дну жизни: воровские шайки и цыганские кланы, рыжебородые персы – курильщики опиума и обычные прачки, рабочие, ремесленники, раскольники самых невероятных толков... Это был антимир, в котором были свои законы. Рассказывают, как-то в Саратов приехали выступать известные киноактеры – Борис Андреев и Сергей Филиппов. Билеты тут же были раскуплены, ждали аншлага. И вдруг в первый день они на концерт не являются. Срывают концерт. И на второй день срывают. И только во второй половине третьего дня оба объявляются... Короче, люди из Глебоврага их встретили, отвезли куда следует, накормили, напоили и попросили выступить. Оба – родом из Глебоврага, оба – его всеобщие любимцы. Никто не хотел их отпускать: так и передавали из дома в дом, и гастроль свою они дали в Глебовраге...

Мы бредем по грудь в репьях. В 1990-е годы в Глебучев овраг стали активно свозить строи-

уже Венцовым Владимиром Кирилловичем. Он окончил школу лейтенантов, попал на фронт. Погиб при форсировании Днепра в 1943-м. Получил звание Героя Советского Союза...

И еще – сушеная айва. Память переполнена сушеной айвой. Деталь красивая, вот и запомнилась: в 1917-м, когда красногвардейцы брали город, оборонявшиеся юнкера строили баррикады из мешков с сушеной айвой и с картошкой. Не с песком, а с айвой.

Еще запомнилось название церкви: «Умягчение злых сердец». Сейчас это архиерейская церковь «Утоли моя печали». Но старое название было выразительнее.

А вот еще кусочек воспоминания: мы в Троицком соборе. Зажигаем свечи у иконы Спаса. Говорят, это та самая «закладная» икона, которую везли на заклад города стрельцы полковника Шеля. Пригляделись: действительно, стрелецкая хоругвь, наклеенная на доски...

тельный мусор, насыпали целые горы – и только тогда этот «город внутри города» стал пустеть. Игорь показал, где находится «нулевой километр» будущего парка. Когда-то они с художником Анфимом Ханыковым ходили по верху канализационного коллектора, в котором упрятана речка Тайбальк. В одном месте они обнаружили провал: внизу пенился поток грязной воды. И здесь решили воздвигнуть памятный знак в честь будущего парка. Из найденного в овраге металлолома Анфим Ханыков

сварил 7-метровую башню, подружил на ее верх лампочку, устроил турбины, заставил лампочку светить. А чтобы одинокий путник, держащий путь в ночи, мог услышать мертвый язык исчезнувшей речки Тайбальк, художник из того же металлолома сварил скамейку и установил под фонарем. Таким вот образом был отмечен «нулевой километр» будущего парка – точка отсчета, которую необходимо осознавать, чтобы выбраться с нынешнего культурного дна Глебоврага...

Флигель
Музея-усадьбы
художника
В.Э. Борисова-
Мусатова
и его «зеленая
мастерская»

Итак, сад. Еще хорошо бы, чтобы в черте города вход в этот сад был означен Северной башней крепостной стены, которую необходимо заново построить. И чтобы вокруг этой башни ходили стрельцы – солдаты альтернативной службы, – которые заодно «подчищали» бы город, осваивали бы специальности каменщика, маляра или реставратора. Ну и, конечно, для завершения проекта необходим хороший интерактивный сайт, путеводитель по «рассредоточенному музею» Старого города. Для одного нужны просто деньги, для другого – деньги и решение городских властей. Для третьего – внесение небольшой поправки в устав воинской службы. Для четвертого – хороший специалист. Сколько времени надо, чтобы распутать все эти проблемы? Хватит ли одной жизни?

Игорь замедляет ход и снимает с рубашки прицепившуюся семенную коробочку репейника: – Если бы я знал, что Саратов станет Флоренцией только через тысячу лет – и то это не было бы поводом сидеть сложа руки... 🍷

А это наш гид – музейщик Игорь Сорокин во дворе дома Гектора Баракки. Пока вопрос с домом не решен, он продолжает разрушаться. Вот – опять взломали заколоченную дверь

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru